ВятГУ

В. Б. Помелов

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ВЯТСКОМ КРАЕ (XIV – начало XX в.)

монография

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Вятский государственный университет»

В. Б. Помелов

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ВЯТСКОМ КРАЕ (XIV – НАЧАЛО XX в.)

Киров
2019

УДК 37(28-8Вят)(091)
ББК Ч403(2Рос-4Ки)5
П551

Печатается по рекомендации Научного совета Вятского государственного университета

Рецензенты:

Н. С. Александрова, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики дошкольного и начального образования ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»;

Р. С. Наговицын, доктор педагогических наук, доцент, декан факультета педагогического и художественного образования ФГБОУ ВО «Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко»

Помелов, В. Б.

П551 Просвещение в Вятском крае (XIV – начало XX в.) : [монография] / В. Б. Помелов. – Киров : Вятский государственный университет, 2019. – 254 с.

ISBN 978-5-98228-182-1

В монографии раскрываются основные этапы развития просвещения в Вятском крае в XIV – начале XX в. Первый, просветительский, этап (XIV–XVII вв.) представлен освещением деятельности первых вятских просветителей. Второй, церковный, этап (XVIII в.) показан через характеристику просвещенческих усилий вятских епископов. Начальный период третьего, государственного, этапа (конец XVIII – начало XIX в.) представлен показом работы главного и малых народных училищ. Продолжение этого этапа (XIX – начало XX в.) представлено через раскрытие активности Вятского земства и анализ деятельности «маяков» местного просвещения.

Издание адресовано специалистам в области истории педагогики, аспирантам и студентам гуманитарных специальностей, всем интересующимся историей Вятского края.

УДК 37(28-8Вят)(091)
ББК Ч403(2Рос-4Ки)5

ISBN 978-5-98228-182-1

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4
I. Первые просветители Вятского края 8
1.1. Подвижнические усилия Стефана Пермского в начальный период просвещения на Северо-Западе России 8
1.2. Трифон Вятский и начало просвещения «на Вятке» 21
II. Церковный этап просвещения на Вятской земле 26
2.1. Состояние просвещения в Вятском крае в первой трети XVIII в. 26
2.2. Просветительская деятельность вятского епископа Лаврентия Горки по развитию «книжного учения» в Вятском крае 33
2.3. Содержание и методы работы в Хлыновской славяно-латинской школе 53
2.4. Деятельность вятских епископов по развитию просвещения в Вятском крае в 1740–1750-е гг. 60
2.5. Хлыновская (Вятская) духовная семинария – наследница славяно-латинской школы (с 1758 г.) 71
III. Начало государственного этапа развития просвещения в Вятской губернии 80
3.1. Деятельность главного и малых народных училищ Вятской губернии 80
3.2. Содержание и методы работы в Вятском главном народном училище 104
IV. Просветительская деятельность земства в Вятской губернии 121
4.1. Прогрессивный характер работы Вятского земства 121
4.2. Работа Вятского земства по обеспечению совершенствования учебной работы в школах 136
4.3. Борьба прогрессивных и консервативных сил в практической деятельности Вятского земства (Л. П. Матвеев, М. М. Синцов, А. П. Батуев, В. А. Садовень) 142
V. Маяки вятского просвещения (XIX – начало XX в.) 159
5.1. Первая Вятская мужская гимназия 159
5.2. Вятское губернское земское училище 189
«для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовления учителей» 189
5.3. Учительские курсы и съезды – успешная форма педагогического образования «на Вятке» 204
5.4. Елабужское женское епархиальное училище и его создатель – меценат и благотворитель Г. Ф. Стахеева 214
5.5. Деятельность благотворительных обществ в Вятской губернии 222
Заключение 233
Библиографический список 236

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы постоянно растёт интерес всё большего числа россиян к историческому прошлому своей страны, в том числе к истории развития народного образования. Это обстоятельство придаёт особую актуальность проблеме изучения генезиса просвещения в России в различные исторические периоды в том или ином российском регионе. Предлагаемая монография посвящена исследованию проблемы, которая заключается в выяснении того, каким образом на протяжении длительного исторического периода осуществлялось просвещение в одном из значимых регионов Российской империи – в Вятской провинции (губернии).

Теоретическая новизна работы состоит, по нашему мнению, в том, что разрешение указанной проблемы в данной монографии открывает путь к созданию аналогичных историко-педагогических работ, но уже, разумеется, на ином фактологическом материале, в частности на примере развития региональных систем образования на других российских территориях. В практическом плане изложенный в нашем исследовании материал может быть с успехом использован в учебном процессе школ и вузов, прежде всего, в ходе изучения гуманитарных учебных дисциплин.

Главная цель издания предлагаемой работы заключается в том, чтобы дать научную характеристику основным историко-педагогическим событиям, происходившим в обозначенный в названии монографии исторический период в одном из российских регионов – в Вятском крае (Вятской провинции, Вятской губернии).

Монография состоит из пяти частей, семнадцати глав. Каждая часть монографии посвящена определённому этапу в развитии образования «на Вятке». Содержание первой части вводится автором через описание жизненного пути и практической деятельности выдающихся российских просветителей – Стефана Пермского и Трифона Вятского, первых просветителей народов, населявших вятские и пермские земли в XIV–XVII вв. [200; 208; 211]. Этот *начальный* этап в развитии просвещения в России в целом и в рассматриваемом регионе в частности, определяется нами как *просветительский*, поскольку важнейшим фактором развития образования в этот период была деятельность отдельных просветителей.

Вторая часть монографии посвящена характеристике следующего этапа в развитии просвещения в российской провинции, а именно *цер-*

ковного этапа [214]. Такое название объясняется тем, что официальная Русская православная церковь держала дело образования в России, прежде всего в российской провинции, в своих руках и через своих представителей, епископов, открывала их *поштучно* там, где для этого *на местах,* в отдалённых от центра городках, таких, например, как Хлынов, главный город Вятской провинции, создавались хотя бы минимальные условия для открытия архиерейских школ [108]. В случае с открытием славяно-латинской школы в г. Хлынове таким условием стал сам факт приезда в Вятскую и Великопермскую епархию епископа Лаврентия Горки, страстного поборника петровских реформ и активного деятеля просвещения [126]. Его деятельность, а также просветительские усилия его соратников и последователей «на Вятке» и составляют содержательную основу второй части монографии [128].

Третья часть монографии раскрывает начало *государственного* этапа развития просвещения в России. В этот период количество школ и других учебных заведений как в стране в целом, так и в каждом отдельно взятом регионе заметно увеличилось. Поэтому если в первых двух частях нами даётся достаточно подробная характеристика всего того, что относится к сфере просвещения, то в третьей части в связи с тем, что количество учебных заведений постоянно росло, главное внимание уделяется нами характеристике работы лишь одной, но зато ведущей школы Вятского края – главного народного училища [143]. В XIX в. развитие просвещения в России шло достаточно быстрыми темпами, особенно начиная с 1860-х гг., что стало позитивным следствием благотворных и судьбоносных реформ великого российского Императора Александра II [130]. Не имея возможности, в силу ограниченности заданного объёма монографии, раскрыть все стороны развития образования в Вятской губернии в этот достаточно насыщенный с точки зрения открытия учебных заведений «на Вятке» период, мы сосредоточиваемся в четвёртой части нашей работы на показе просветительской деятельности Вятского земства, плодотворная работа которого продолжалась вплоть до весны 1918 г., когда она была безжалостно прервана большевистскими властями повсеместно в стране, в том числе, естественно, и в Вятской губернии [151].

Пятая часть посвящена лучшим учебным заведениям региона, таким как первая Вятская мужская гимназия [195], Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовления учителей» [132], Елабужское женское епархиальное училище [133]. В монографии даётся характе-

ристика работы учительских курсов и съездов; эта деятельность трактуется автором как успешная форма педагогического образования [234]. Также в этой части раскрывается деятельность благотворительных обществ в Вятской губернии, вносивших существенный вклад в развитие просвещения, делавших его более доступным для беднейших слоёв населения [229]. Таким образом, как нам представляется, в предлагаемой вниманию читателя монографии последовательно представлены все основные этапы развития образования в одном из типичных регионов России – в Вятской губернии.

Автором активно использовались исторические источники XVIII–XX вв., хранящиеся в Государственном архиве Кировской области, а также многочисленные научные исследования, диссертации, монографии, публикации, материалы в периодических изданиях, рукописи, а также работы видных вятских историков XIX–XX вв., таких как Василий Полиенович Юрьев, Александр Степанович Верещагин, Александр Андреевич Спицын, давно ставшие библиографической редкостью и фактически малодоступные читателям, поскольку они находятся в Кировской областной научной библиотеке имени А. И. Герцена в единичных экземплярах. Включение в текст монографии цитат и отдельных фактов из этих редких источников позволило сделать работы указанных авторов достоянием значительно большего количества читателей, интересующихся историей Вятского края. При отборе материала автор неизменно руководствовался принципами научной добросовестности, исторической достоверности, социально-политической взвешенности, научной культуры исследования, сбалансированности в процессе выбора и использования фактов, примеров и цитат [168]. Значительная часть изложенного в монографии материала была представлена в ранее изданных журнальных публикациях автора.

Проблема всестороннего показа того, каким образом происходило осуществление процесса просвещения в Вятской губернии, до нашего исследования системно не решалась другими учёными – историками педагогики. В этом мы также усматриваем теоретическую и практическую новизну нашей работы.

В процессе работы автор стремился к тому, чтобы строгость в отборе научного материала, систематичность и последовательность в его подаче логично сочетались с разумной занимательностью.

Излагаемые события там, где это автору казалось уместным, подаются сквозь призму российских социально-политических событий,

что достигается посредством включения в канву повествования соответствующих исторических фактов и видных персонажей, например, таких как Феофан Прокопович [238]. В то же время материал общероссийского масштаба включён автором весьма дозированно, с тем чтобы «не заслонять» собой вятские реалии, раскрытие которых, несомненно, должно было находиться в центре нашего внимания. При разработке концепции монографии автором активно использовались принятые в историко-педагогических исследованиях методы, такие как сравнительно-сопоставительный, сравнительно-исторический, культурно-исторической генетики, ретроспективного анализа, а также два методологических подхода, получивших достаточно широкое распространение в историко-педагогической науке в последние годы и десятилетия [167; 169; 170; 241]. Первый подход – региональный, нацеливающий исследователя на активный научный поиск в рамках определённого территориального ареала [158]. Второй подход – аксиологический, предполагающий необходимость отбора в историко-педагогическом прошлом такого научного материала, который включает в себя аксиологическое (ценностное) содержание [224].

Автор считает необходимым сделать для читателей следующее пояснение. В монографии используются, фактически как равнозначные, понятия «Вятский край», «Вятская провинция», «Вятская губерния». Объясняется это следующим. Вятская провинция и Вятская губерния – это административно-территориальная единица; официальные, принятые в своё время государством термины. Вятский край – это понятие скорее духовное, выражающее любовь и признательность к родной земле. Кроме того, временные периоды, о которых идёт речь в книге, во многом выходят за пределы, когда существовала Вятская губерния. Так что понятие *Вятский край* выступает и как обобщающее понятие.

Разумеется, далеко не все значительные события истории развития образования на Вятской земле нашли отражения в предлагаемой монографии [36; 215; 217; 232]. Автор полагает необходимым отметить тот факт, что в книге представлены лишь те существенные стороны истории просвещения «на Вятке», которые с той или иной стороны освещают вышеуказанные этапы его развития.

Данная монография является *вторым* томом авторской серии «Просвещение на Вятке». В *первом* томе, вышедшем в 2018 г., автором уже была охарактеризована такая сторона истории регионального образования, как просвещение нерусских народов.

В *третьем, четвёртом и пятом* томах автором предполагается раскрыть следующие важные аспекты: просветители Вятского края, начальный этап развития высшего образования на Вятской земле, вятские психологи и педагоги. Тем самым, на взгляд автора, история развития народного образования на Вятской земле будет представлена достаточно полно и всесторонне.

Автор выражает надежду, что предлагаемая работа будет полезна студентам и аспирантам, а также всем интересующимся историей Вятского края.

I. ПЕРВЫЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ ВЯТСКОГО КРАЯ

1.1. Подвижнические усилия Стефана Пермского в начальный период просвещения на Северо-Западе России

Главную роль на начальном этапе просвещения в России играла Русская православная церковь. Основные усилия её деятельности в области просвещения были направлены на утверждение христианства как «книжной» религии и на борьбу с проявлениями язычества, а также на «собирание книг», возведение храмов и монастырей как главных и зачастую единственных мест сохранения и приумножения книжных богатств и размещения первых школ, наконец, на просвещение нерусских народов и создание для них книжной азбуки [84, с. 112]. Эти основные направления деятельности Русской православной церкви по развитию образования в российской провинции автор раскрывает в предлагаемой монографии на примере одного из типичных регионов Российского государства – Вятской губернии. При этом автор сосредоточивает своё внимание на раскрытии миссионерско-просветительской деятельности двух выдающихся подвижников исследуемого региона: Стефана Пермского и Трифона Вятского – и даёт оценку их подвижнических усилий [150, с. 44].

Выбор для подробного изучения просветительской деятельности именно этих столпов просвещения объясняется двумя причинами. Во-первых, это наиболее значимые исторические фигуры, внесшие особенно крупный вклад в развитие культуры и просвещения в Волго-Вятском и Коми-Пермяцком регионах. Во-вторых, просветительская роль Стефана Пермского и Трифона Вятского представляется автору не в полной мере изученной, и данная монография, как счита-

ет автор, способна внести определённый вклад в том числе и в решение задачи исследования значения просветительской деятельности этих первых христианских подвижников. Миссионерско-просветительская деятельность указанных проповедников-просветителей осуществлялась в период, когда Русь освобождалась от ига иноземных захватчиков и начинало постепенно складываться Русское централизованное государство из княжеств, объединявшихся вокруг Москвы [172, с. 85].

В рассматриваемый в этой части монографии исторический период постепенный рост могущества Российского государства и установление им экономических и политических связей с другими странами заложили определённое основание для развития просвещения в стране. Тем самым была подготовлена почва для будущих, в том числе просветительских, реформ Петра I [177, с. 80].

В XIV в. Вятка и Пермь считались далёкими окраинами русских земель. Просвещение здесь находилось в совершенно зачаточном состоянии. Оно получило толчок к своему развитию лишь благодаря усилиям просветителей-миссионеров, сочетавших в своей деятельности христианизацию местного населения и его обучение грамоте [184, с. 88].

Пермская земля с XII в. находилась в номинальной зависимости от Новгорода Великого, а с XIV в. населяющие её коми-зыряне стали данниками московского великого князя. В XVII в. Пермская земля – территория епископства Вятского и Великопермского (позднее и до настоящего времени – Вятского и Слободского). Поэтому с полным основанием можно считать Стефана Пермского миссионером-просветителем не только коми-зырян, но и отчасти вятчан, по крайней мере, тех из них, что проживали в северной части Вятской земли [187, с. 127].

Первым по времени просветителем Вятской земли и «малых народов» Прикамья следует считать Степана Симеоновича Храпа (ок. 1345, г. Великий Устюг – 26.04.1396, г. Москва), более известного под именем Стефана Пермского. Он вошёл в историю российского просвещения как создатель первой коми-зырянской азбуки, основоположник древнего коми литературного языка, писатель, переводчик, философ, художник, создатель первых коми школ, учитель и распространитель христианства в Перми Вычегодской, на территории епископства Вятского и Великопермского [208, с. 80].

Отец Стефана Симеон был русским священником, причётником (клириком) соборной церкви Богородицы Великого Устюга Вологодского края, мать Мария – крестьянкой из коми-зырян. Первоначальное

образование Стефан Пермский получил в семье. В течение десяти-двенадцати лет Стефан прослужил дьяком в Устюжском соборе, где «научился грамматической хитрости и книжной силе» [208, с. 81]. В годы учёбы в Ростовской монастырской школе он принял монашество в монастыре святого Григория Великого (Богослова), известном также под названием Затвор. Здесь, в Ростове Великом, он постигал книжную грамотность, переписывал канонические книги, изучил греческий язык. В ростовской монастырской школе Стефан учился вместе с будущим знаменитым православным писателем Епифанием Премудрым (? – между 1418 и 1422), написавшим вскоре после смерти Стефана Пермского его биографию («Житие»), а также биографию другого выдающегося российского миссионера-просветителя Сергия Радонежского. Исследователи называют Епифания обладателем исключительного литературного таланта и человеком передовых взглядов. Он был одним из выдающихся деятелей той культуры, которая определяется как культура Предвозрождения на Руси, как «время Андрея Рублева и Епифания Премудрого» [71].

Житие Стефана и Житие Сергия Радонежского, составленные Епифанием Премудрым, были написаны стилем «плетения словес», который предполагает мало конкретных фактов, но зато избыток риторики. Главная идея обоих произведений Епифания Премудрого – создание образа совершенного учителя. При этом сам термин «учитель» понимался Епифанием в высшем смысле этого слова, а именно как «наставник в жизни» [49]. В описании Епифания мы встречаем два различных типа учителя: Сергий показан больше как воспитатель; Стефан представлен прежде всего учёным. Свою мудрость они постигают совершенно разными путями. Ещё в детстве, как ни старался неспособный отрок Варфоломей (будущий Сергий) постигнуть «учение книжное», ничего у него не выходило. «Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться; не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это его часто бранили родители, учитель же ещё строже наказывал, а товарищи укоряли» [49, с. 279].

Но благодаря «божественному откровению», отведав из рук святого старца кусок просфоры, вместе с ней Сергий получил и знания (этот эпизод нашёл отражение в известной картине русского художника М. В. Нестерова). Епифаний пишет о чудесном преображении отрока Варфоломея так: «После ухода этого старца отрок внезапно всю грамоту постиг; изменился странным образом: какую книгу ни раскроет, хорошо её читает и понимает её» [49, с. 279]. Однако жиз-

ненная практика показывает, что для того, чтобы стать мудрым и образованным, необходим собственный труд человека, необходимо учение. В сборнике «Пчела» встречается, например, следующее высказывание: «Смешно есть, когда говорят, яко мудрость без учения бывает» [97, с. 233].

Совершенно иным путём, а именно путём неустанного труда, постигал мудрость Стефан. В «Житии Стефана Пермского» Епифаний указывает, что он ещё «детищем» был отдан учиться грамоте и через год знал её настолько, что мог стать чтецом в соборной церкви. Мальчик постоянно упражнялся в славословии и грамматике, овладевая учением, как отмечает Епифаний, «естественною остротою ума своего». В далёком Устюге он смог научиться «всей грамотичной хитрости и книжной силе». Для своего пострижения Стефан специально выбрал такой монастырь, где можно было достать много книг. Книги он читал «прилежно… учения ради, умедливаа в учении, но до конца разумея, о чем говорит каждое слово в стихе» [49, с. 4]. Учился Стефан нетолько по книгам, но и в беседах с умными людьми, «и если видит мужа мудрого и книжного, и старца разумного и духовного, то бывает ему совопросником и собеседником, и с ним соводворяется, и ночует, и проводит утро, расспрашивая его с любопытством» [49, с. 7].

Много времени он уделял переписыванию книг. Но особенным достижением Стефана было то, что, выучив самостоятельно пермский язык, он «грамоту нову пермьску сложил и азбуки». Кроме того, он изучил греческий язык и «книги греческие изучил, и добре почитал их и всегда имел их у себя… при этом на греческом и пермском Стефан умел читать, писать и говорить» [49, с. 8]. В рассказе об обучении Стефана отсутствует упоминание о каких-либо чудесах: он добивался в жизни всего сам, «естественною остротою ума своего» [49, с. 8].

При этом Епифаний не противопоставлял двух просветителей друг другу. Это были два разных типа учителей: «искушённый во “внешних науках”, и всё той же остротой разума постигающий глубины “слова божьего”, учёный и диспутант, рьяный миссионер, неутомимый просветитель, боец с головы до ног, – Стефан Пермский, и озарённый откровенным знанием, тишайший “совопросник и собеседник” горнего мира, подвижник любви, поборник согласия, духовный собиратель родной земли, заступник её, – Сергий Радонежский» [62, с. 78]. При этом характером и судьбой Епифаний был ближе к Стефану, полагает современный исследователь О. Е. Кошелева, но своим истинным учителем Епифаний полагал Сергия, в чертах лич-

ности которого он, Епифаний, особенно подчёркивал заботу Сергия о своих учениках [97, с. 235]. Помимо того что в годы учебы Стефан, как уже отмечалось, усиленно занимался изучением славянского и греческого языков, у местного населения он выучился разговорному пермскому языку, и задумал составить пермскую азбуку. «Житие…» свидетельствует о том, что даже в отдалённом Великом Устюге Стефан имел возможность изучать грамматику и греческий язык и знакомился со значительным количеством книг [45, с. 36].

Этот факт свидетельствует о том, что уже в те времена в отдалённых российских городах была распространена грамота, причём не только российская. Епифаний прославляет Стефана за то, что тот обращал зырян-пермяков в православие и перевёл на зырянский язык книги Священного Писания [49, с. 8]. Для этой цели Стефан изобрёл специальную азбуку, чем способствовал распространению просвещения среди этого народа. «Житие Стефана Пермского» впервые было издано Археографической комиссией под редакцией В. Г. Дружинина в Санкт-Петербурге в 1897 г. Ниже приводится отрывок из этого произведения древнерусской литературы.

Житие Стефана Пермского

…И еще детищем сый, из млада, вдан бысть грамоте учити, юже вскоре извыче всю грамоту, яко до года… и чтець бысть в соборнеи церкви… И бысть отрок доброразумичен зело… К детям играющим не приставаше: иже в пустоше текущим, и всуе тружающимся, и тщетнаа гонящим не внимаше ни водворяшеся с ними: но от всех детских обычаев и нрав, и игр отвращаашеся, но точию на славословие упражняася, и грамоте прилежаше, и книгам всякым вычению издався: ти тако… вмале много извыкнувшу ему естественою остротою ума своего. Научи же ся в граде Устьюзе всеи грамотичней хытрости и книжнеи силе… многы книгы почитавшу… И изучися сам языку пермьскому, и грамоту новую пермьскую сложи, и азбукы не знаемы счини по предложеию пермьского языка, якоже есть требе, и киниги русскыа на пермьскии язык преведе, и преложи и преписа. Желаа же болшаго разума, яко образом любомудриа изучися и греческои грамоте, и книгы греческиа извыче, и добре почитавше я, и присно имяше я у себе. И бяше умея глаголити тремя языки [5, с. 219].

В двадцать пять лет Стефан был посвящён в иеродиаконы. В качестве служения Стефан выбрал путь миссионерской деятельности среди коми-зырян, получив на это благословение епископа Коломенского Герасима. В 1378 г. московский митрополит направил Стефана в

Пермский край проповедником. С переведёнными им церковными книгами Стефан Пермский начал свою миссионерскую деятельность в 1379 г. «на Пыросе и на Виледе» (ныне район г. Котласа Архангельской области) [150, с. 45]. Местом своего пребывания Стефан избрал устье реки Выми, где находилась кумирница коми-зырян, а возле неё священная береза, которой они поклонялись. Стефан сжёг кумирницу, срубил священную березу, и в 1380 г. воздвиг на их месте православный храм – деревянную церковь Благовещения. Стефан уничтожал капища и идолов пермских «идолаторов», крестил местное население, дискутировал с шаманами-кудесниками. Активную проповедническую деятельность он вёл в зырянском селении Котлас, находящемся при впадении реки Вычегды в Северную Двину. В месте слияния Вычегды с рекой Вымью, на насыпном холме, напротив главной зырянской кумирни была возведена церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Стефан сжёг кумирню, и при этом зыряне не тронули его [208, с. 84].

Согласно «Житию…», во время зырянского схода проповедь Стефана убедила всех местных жителей – коми-зырян. Стефан построил ещё две церкви на месте кумирни и на месте священного дерева зырян. Но против Стефана выступил волхв-кудесник Пам (или Пам-Сотник); в то время он был уже древним старцем. В «Житии…» приводятся слова волхвов, убеждавших соплеменников не слушать миссионера: «…От Москвы может ли что добро быти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкие и насильства и тивуни и доводщицы и приставницы?» Однако Паму возражали: «…Этот Стефан уничтожил наших богов, и они не могли ему вредить. Сняв пелены с главных кумиров он отдал их, для поругания идолов, своему слуге Матвейке. И этот сделал из них подштанники и онучи и ногавицы и износил без всякого вреда, а был нашего же рода – пермин» [58, т. 2, с. 190–191].

Таким способом Стефан развенчивал языческую веру своих соплеменников и утверждал христианскую веру, а вместе с ней и письменность и в целом грамотность на Пермской и Вятской землях. Пам был изгнан из Пермской земли и удалился со своими последователями на берега Оби. Там он основал селение Алтым. В Тобольской губернии в селении Большой Алтым ещё в середине XIX в. у местных жителей бытовало предание, что их предки пришли сюда из Перми с шаманом Памом-Сотником [58, т. 2, с. 190–191].

Стефан Пермский крестил коми-зырян, вводил богослужение на языке коми. В 1372 г. (по другим данным, около 1375 г.) Стефан на

основе рунических знаков составил древнепермскую азбуку, назвав её по первым буквам азбуки «анбур» (или «абур»), и перевёл на пермский язык несколько богослужебных книг. В основу азбуки он положил греческий и славяно-русский алфавиты, используя, по мнению профессора В. И. Лыткина, «какие-то письмена, имевшие хождение между коми» [73, с. 46].

Эти письмена (рунические знаки) применялись коми-зырянами при записи расчетов в меновой торговле с русскими. Азбука Стефана Пермского имела оригинальную графику: она не повторяла имевшиеся алфавиты, а включала ранее не встречавшиеся начертания букв, часть из которых по написанию напоминают скорее арабские и римские цифры. Азбука состояла из 24 букв, «по числу букв греческой азбуки и по речи пермского языка», отмечает Епифаний Премудрый. Однако в дальнейшем получили распространение списки древнепермской азбуки, включавшие различное количество букв: от 24 в миллеровско-карамзинском списке до 28 в синодальном, мотоховском, ундольском; были также яренский, номоканонский, усть-сысольский, устьсысольско-сводный, усть-сысольско-карамзинский, синодальный, усть-сысольско-калайдовичский списки [73, с. 46].

Способ изобретения пермской азбуки Стефаном был заимствован у «солунских братьев» Кирилла и Мефодия. Подобно тому как в своё время основатели славянской письменности греческие монахи Кирилл и Мефодий воспользовались готовыми болгарскими знаками, так и Стефан Пермский использовал для начертания некоторых элементов букв древнепермской письменности некогда распространённые среди коми, а в его время уже выходившие из употребления родовые знаки, употреблявшиеся пермяками, в частности, в деревянных календарях (пасах) [222].

Палатализация (смягчение) согласных в азбуке Стефана Пермского особой графемой не обозначалась, а использовались надстрочные знаки, как это имеет место в некоторых современных языках (чешский, польский и др.) [257, с. 8].

Епифаний писал, что Стефан «изучися сам языку пермьскому, и грамоту новую пермьскую сложи и азбуки незнаемы счини, по предложению пермьского языка, якоже есть требе... Се имена словом азбуки пермьские: ан, бур, гай, дой, э, жой, джой, зата, дзита, и, кокэ, лэй, мэно, во, пэй, рей, сий, тай, у, цю, черы, шой, ыры, вэр, о, я. Когда же се бысть или в кое время? И не давно, но яко мню о создания миру в лето 6883» [257, с. 9], то есть в 1375 г. по современному летоисчислению.

Впервые древнепермская азбука была напечатана в 1817 г. Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» (он взял её из древней рукописи о жизни и делах Святого Стефана епископа Великопермского), а основные тексты были опубликованы в XIX в. исследователями П. Д. Шестаковым, П. И. Савваитовым, Г. С. Лыткиным. Окончательную расшифровку текстов и их научное толкование произвели В. И. Лыткин и А. С. Сидоров в XX в. Стефан Пермский сделал переводы со старославянских церковных текстов на коми язык: части Библии, Часослов, Псалтирь, Осмогласник и др. Это был первый случай, когда канонические книги были переведены с русского языка на языки одного из нерусских народов России. Создание во второй половине XIV в. алфавита для языка малочисленного, территориально окраинного народа представляло собой явление в истории редкое и поэтому особенно значимое [73, с. 120]. Однако ещё большее значение для духовного развития народа коми имела просветительская деятельность Стефана Пермского, который с целью обращения местного населения в христианство перевёл на древнекоми язык молитвы и песнопения, организовал богослужение на языке новокрещёных, учил их грамоте, готовил духовенство из представителей местного населения. Как создатель первой коми азбуки и как первый переводчик церковной литературы на древнекоми язык и его «нормализатор» Стефан Пермский считается основоположником древнекоми литературного языка [150, с. 52].

В ходе своей подвижнической миссионерской деятельности выдающийся просветитель и его преемники организовали церковное богослужение и обучение на коми языке. Как утверждается в «Житии…», «и научил их Стефан грамоте пермской, кою он до того наново сложил. И всем новокрещёным мужам, и юношам, и отрокам младым, и малым детям наказал учиться грамоте: читать часослов, осмигласник, псалмы Давидовы и все прочие книги. Из обучающихся грамоте из тех, кто научился читать взятые книги, Стефан отбирал, одних поставляя в попы, других – в дьяконы, третьих – в падиаки (протодьяконы), чтецы, певцы, ноты перепевая, и переводя, и обучая их писать книги пермские. А те после этого учили друг друга грамоте и, книгу с книги переписывая, размножали их» [49, с. 10].

Профессор В. И. Лыткин утверждал, что «о создании большого количества книг на пермском языке, конечно, не приходится говорить: вероятно, Стефаном переведены были главнейшие песнопения, молитвы и некоторые места из Ветхого и Нового Завета» [73, с. 50].

В. И. Лыткиным было выявлено в общей сложности 12 текстов, написанных стефаницей, и все они религиозного содержания. Ни одного текста, составленного самим Стефаном, к сожалению, не сохранилось. Тем не менее Стефан Пермский первым из просветителей фактически выполнил то, что спустя несколько столетий, в период эпохи Просвещения, осуществили Мартин Лютер, Уильям Цвингли и Жан Кальвин, которые перевели Библию на языки своих народов; тем самым они дали толчок к широкому развитию просвещения в Европе. Сам же Стефан Пермский положил начало формированию литературного языка своего родного коми народа [161, с. 12].

Всех принявших крещение коми-зырян Стефан Пермский учил изобретённой им грамоте и чтению переведённых им текстов Священного Писания. Вокруг построенных Стефаном Пермским христианских церквей появилось селение Усть-Вымь, населённое коми-зырянами, принявшими крещение. Из их числа он рукоположил первых священников и диаконов [161, с. 12].

В 1383 г. Стефан Пермский совершил поездку в Москву с целью получения разрешения на создание в Пермской земле собственного епископата. Вскоре Усть-Вымь стал центром Пермской епархии, а Стефан был рукоположен первым пермским епископом. При его содействии здесь были построены несколько церквей (в поселках Усть-Выми и Вотче), в которых богослужение стало вестись на коми языке. При церквах открывались школы, где обучались древнепермской (древнекоми) грамоте дети и взрослые, «где сам (Стефан. – *В. П.*) учил взрослых и детей грамоте, церковному пению и богослужебному порядку, часослову, осьмигласнику, псалтыри» [75, с. 34].

Миссионерская деятельность Стефана Пермского проходила в Коми-зырянском крае, но его азбука была известна и коми-пермякам. В 1390 г. он основал монастырь (пустынь) в селе Вотче по реке Сысоле, что в 60 километрах от современного города Сыктывкара (ранее этот город был поселком Усть-Сысолье). Монастырь предназначался для монахов-пермян, проповедовавших христианскую веру среди местного населения. В Стефановском монастыре молитвы распевались на древнепермском языке вплоть до середины XVIII в. Всё это происходило в непосредственной близости к прикамским удмуртам и вятчанам. Удмурты – ближайшие родственники коми-пермяков по языку, и появление письменности у одного «племени» (то есть народа) могло, как считают некоторые исследователи, возбудить своего рода некую зависть у другого народа и вполне естественное желание овладеть этой же самой, или какой-либо иной, грамотой [161, с. 13].

Письменные источники конца XIV – начала XV в. свидетельствуют о том, что для проповедей Стефан Пермский использовал любые возможности, в том числе поездки в Вятский край. Стефан Пермский осуществлял свою миссию, например, среди зюздинских «сырьян» (зырян) будущего Глазовского уезда (ныне территория Афанасьевского района Кировской области), а в поселении, предшествовавшем нынешнему городу Слободскому Кировской области, заложил часовню [161, с. 13].

Стефан перевёл богослужение в местных храмах на древнекоми язык, тем самым дав толчок к появлению целой группы священнослужителей-просветителей, которые занимались переписыванием книг и распространением грамотности.

Распространению пермской азбуки Стефана благоприятствовало появление в XIV в. нового для того времени материала для письма – бумаги. Епифаний Премудрый так писал о повседневных занятиях великого просветителя: «Петие им перепеваа и перелагаа и писати научая их пермския книги; и сам спомогаа им, переводящие с русских книг на пермские книги, и сиа предасть им. И так оттоле друг друга учаху грамоте, и от книг книгу переписующие, умножаху, исполъняющие... Всех же крещёные своих... грамоте Пермской учаше... И попове его пермскым языком служаху обедню, заутреню же и вечерню, пермскою речию пояху... и чтецы чтение чтяху пермскою беседою...» [45, с. 135–136, 148–149].

В проповедях Стефан Пермский высоко оценивал значение образованности и грамотности. Он говорил, что «надо учить детей грамоте перметей... и млады дети загоде дя обучать грамоте» [56, с. 7]. Тех, кто обучился грамоте, следовало в «попы поставлять»; Стефан Пермский наставлял учиться писать пермские книги, помогать друг другу. В своих молитвах он давал светские советы пермякам по ведению хозяйства, вплоть до того, как охотиться на белку и на медведя, как рубить дрова; отмечал, что всему этому надо учиться с детства. Таким образом, можно считать его советы вполне педагогическими, а самого просветителя – автором самых первых сочинений, содержавших воспитательную составляющую, на Вятской и Пермской землях [161, с. 14].

Стефан заложил принципы православной миссионерской деятельности. Его проповеди носили мирный характер. Он отказывался от помощи представителей великокняжеской администрации, чем вызывал доверие и уважение местного населения. Стефан Пермский не

только утверждал в Пермской и Вятской землях православное христианство, но и стремился улучшить жизнь народа коми: он ходатайствовал перед великим князем об избавлении коми от насилия и тиунских продаж, добивался снижения дани, а в голодные годы он организовывал закупку и раздачу хлеба [161, с. 14].

Скончался Стефан в 1396 г. в Москве во время поездки в столицу по церковным делам. Он был похоронен в московском храме Спаса-на-Бору, в Кремле. В «Житии…» приводится «Плач пермьскых людеи», сетующих о том, что Стефан «не на своем столе почил еси, добро же бы было нам, аще бы рака (гроб) мощии твоих была у нас, в нашей стране, в твоеи епископьи, нежели в Москве не в своем пределе…» [48, с. 157]. Во имя святителя Стефана вятчане возводили храмы и часовни, а день его кончины 26 апреля с 1765 г. по 1920-е гг. отмечали особыми богослужениями и крестными ходами [287, с. 434].

Распространение христианства в Пермской земле не всегда было мирным. Вооружённое сопротивление этому процессу оказывали вогулы – предки современного народа манси. Они нападали на крещёных коми-зырян и русских миссионеров, а в 1455 г. убили пермского епископа Питирима, непосредственного преемника Стефана. Сопротивление вогулов было сломлено лишь с помощью московского военного отряда, прибывшего с новым епископом Ионой. В 1463 г. Иона крестил коми-пермяков, живших по рекам Каме, Вишере и Чусовой. Дело просвещения Пермской и Вятской земель продолжалось и при преемниках Стефана: епископах Питириме, Ионе, Герасиме, Филофее. Однако позднее возникли трудности в связи с тем, что в 1503 г. центр епархии был перемещён из Усть-Выми, где жили Стефан Пермский и его сторонники и ученики, в Вологду, а сама епархия получила название Вологодской и Великопермской. Затем главным городом епархии был определён город Хлынов (в будущем Вятка), а сама епархия стала называться Вятской и Великопермской. В связи с этим церковное богослужение стало вестись на церковно-славянском языке, а древнекоми язык стал постепенно забываться [161, с. 14].

Письменность, созданная Стефаном Пермским, получила распространение по всей территории Коми-Зырянского и Коми-Пермяцкого краев, а также на территории Вятской земли, в той её части, которая была населена народом коми. До нашего времени памятники пермской письменности дошли в виде надписей на иконах и в виде отдельных, случайно сохранившихся записей на полях книг и т. п., в общей сложности 236 слов связного текста. Период распространения

древнекоми литературы основоположник новой коми литературы Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) назвал «оазисом в пустыне зырянской (коми) истории» [84, с. 77].

Хотя древнекоми книги утеряны, но сама азбука дошла до наших дней. Стефановской азбукой пользовались вплоть до XIX в. И. А. Куратов свои первые работы писал, используя древнекоми азбуку [210]. Одним из значительных памятников русской и коми культуры является «Поучение епископа Стефана против стригольников», с которым епископ выступил в Великом Новгороде. В этой проповеди он дал отповедь еретикам (стригольникам), которые, по его словам, оклеветали «весь вселенский събор, патриархов, и митрополитов, и епископов, и игуменов, и попов, и весь чин священничьский, яко не по достоянию поставляеми» [161, с. 15].

Стефановская азбука просуществовала в общей сложности три века и стала выдающимся явлением в истории культуры народов Поволжья и Прикамья. Но азбука Стефана Пермского, к сожалению, не пустила глубоких корней в народе, не стала его письменностью. Древнеписьменный пермский (коми) язык был только языком церкви, недоступным простому народу [84, с. 77]. Письменность, которой не пользовался народ для выражения своих взглядов, чувств и убеждений, с целью повседневного и всестороннего общения, была, несомненно, обречена на вымирание, справедливо отмечает В. В. Прокошев [56, с. 8]. Он выделяет несколько серьёзных причин, побудивших коми-пермяков к непринятию азбуки Стефана Пермского. Прежде всего, это колонизация и насильственная христианизация, которые насаждались в Пермском крае «огнём и мечом». После проповедей Стефана Пермского, угрожавшего божьей карой язычникам, «кудесник» Пам, уговорив часть пермяков не отказываться от языческих обычаев и не принимать христианской веры, увёл их на Обь [56, с. 8].

Впоследствии другой массовый уход был при крещении местного населения епископом Ионой в конце XV в., третий – в результате проповеди Трифона Вятского, четвёртый – как протест против крепостного гнёта Строгановых. Ещё одной важной причиной, воспрепятствовавшей принятию коми-пермяками азбуки Стефана, был низкий уровень их социально-экономического положения; им было просто не до грамоты. Как видим, все эти причины носили скорее социальный характер и никоим образом не были связаны с достоинствами или недостатками самой азбуки. Кроме того, распространению грамотности на родном языке среди коми-пермяцкого населения факти-

чески препятствовала Русская православная церковь, распространявшая церковную литературу на церковно-славянском языке [161, с. 16].

После Стефана Пермского она не готовила лиц духовного звания на коми языке. Все богослужения разрешалось вести только на церковно-славянском языке. Пермская азбука Стефана была фактически запрещена церковью. Опыт создания грамоты для «малого» народа был фактически обречён на неудачу, поскольку пермяки не были готовы воспринять письменность, да и сама по себе идея «инородческой» письменности ещё и значительно позже встречала неодобрение части, причём именно влиятельной части, российского общества [150, с. 52].

«Стефан, как создатель зырянской письменности, был своего рода явлением, причем явлением совершенно исключительным. Он не пожелал соединить дело крещения язычников с их обрусением. Не пожелал он и идти к ним со славянской литургией, разъясняемой проповедью на народном языке» [284, с. 288–289].

Стефан Пермский был первым и наиболее выдающимся пермским политиком. Благодаря своему таланту оратора он убедил новгородское вече воздействовать на великоустюгских ушкуйников, ранее нападавших на Коми край. В 1387 г. он добился того, что «пермяне», «постигнутые неурожаем», получили хлеб из Вологды и Устюга. В 1391 г. он убедил вятчан прекратить свои набеги на пермские земли. Он неизменно выступал на стороне своего друга, великого князя и государственного деятеля Дмитрия Донского, и проявил себя как сторонник укрепления централизованной государственной власти и авторитета Русской православной церкви; указывал, что «не для того дела дал Христос Евангелие в мир, чтобы, почитая его, смотрели того слова, чем бы кого укорити» [161, с. 16].

Исследователи истории отечественной культуры придают большое значение просветительской деятельности Стефана Пермского и ставят его в один ряд с выдающимися деятелями России [227]. Так, русский философ Г. П. Федотов, называя Стефана одним из образованнейших людей своего времени, отмечал, что он «был одним из немногих людей Древней Руси, которые могли читать и говорить по-гречески. Вместе с пермским, это давало ему знание трёх языков, – явление, может быть, не столь редкое в древнем Киеве, но уже совершенно исключительное на Московском Севере. Стефан-эллинист, то есть знаток греческого языка, был редким явлением на Руси» [284, с. 292]. Стефан Пермский был и художником-иконописцем [101]. Одна из его известных икон, «Зырянская троица» (хранится в г.

Вологде), считается замечательным произведением иконописи XIV в., предваряющим рублевскую «Троицу» благодаря своему глубокому философско-патриотическому содержанию. По мнению исследователей, художник выразил в иконе такие общественно значимые идеи, как необходимость согласия и единства, готовность к самопожертвованию [161, с. 16].

1.2. Трифон Вятский и начало просвещения «на Вятке»

Миссионерско-просветительская деятельность Стефана Пермского была в известной степени продолжена Трифоном Вятским, который выступил фактически основателем православного просветительства «на Вятке» [161, с. 16]. Преподобный Трифон Вятский (в миру Трофим Дмитриевич Подвизаев) родился около 1546 г. в селе Малонемнюжском (Воскресенском) Пинежского уезда на реке Немнюге, ныне Архангельская область, в семье крестьян Дмитрия и Пелагеи Подвизаевых [84, с. 80].

Биограф Трифона Вятского, историк конца XIX в. И. М. Осокин, отмечает, что, достигнув совершеннолетия, склонный к иночеству юноша оставил родительский дом. В 1568 г. он принял монашество под именем Трифона в Пыскорском Спасо-Преображенском монастыре на Каме. Через два года после принятия иночества он оставил монастырь и удалился на реку Нижняя Мулянка, а затем на реку Чусовую, откуда был вынужден уйти в 1580 г., поссорившись с хозяевами тамошних мест Строгановыми [172, с. 85].

До прибытия в г. Хлынов, главный город Вятской земли, он занимался миссионерско-просветительской деятельностью среди остяков и вогулов, ныне ханты и манси. Однако сведения о непосредственной миссионерской деятельности святого Трифона среди «инородцев», как доказывал видный историк Вятского края Павел Николаевич Луппов, по-видимому, сильно преувеличены. Значительно большее значение для христианизации и распространения просвещения имело *косвенное* воздействие, исходившее от монастырей в вятских городах Хлынове, Слободском и Елабуге, заложенных трудами преподобного Трифона [173, с. 139].

Согласно «Житию преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца», удалившийся в нижне-муллинские леса пыскорский чернец Трифон был «грубъ и невежа». Обратившись со слёзной молитвой к Богу, он попросил милости, «еже бы разумети ещё книжнаго

писания», и «отъ того часа блаженный почалъ книжный складъ разумевати и Божественное Писание почитати» [47, с. 61].

В город Хлынов Трифон пришёл человеком зрелым, убеждённым монахом, с целью «восполнить у вятчан скудость к душевному спасению» [35, с. 553]. Его деятельность на Вятской земле ведёт отсчет с 1580 г. [161, с. 17] С именем Трифона справедливо связывают постройку Хлыновского Успенского (Трифонова) монастыря, закладка которого состоялась в 1581 г. Разрешение на отвод земли под монастырь дал сам царь Иван IV в 1580 г. В 1588 г., во время пребывания преподобного Трифона в Москве, царь Фёдор Иоаннович и Иов, патриарх Московский, пожаловали ему «в домъ пресвятой Богородицы Божия милосердия иконы и книги и ризы и прочия церковные потребы…» [46, с. 81]. Всего даров набралось на 12 подвод. Наиболее ценным даром преподобный Трифон считал книги. Дары («вклады») в пользу церквей и монастырей всегда считались богоугодным делом и служили важнейшим источником формирования книжных собраний [83, с. 81].

По данным В. А. Перевалова, за первое столетие царствования Романовых ими было пожаловано на Вятку более 30 книг, поступивших, прежде всего, в Успенский Трифонов монастырь. Большая же часть книг монастырями всё-таки покупалась, главным образом, в Москве, на Печатном дворе. Самым активным покупателем был Успенский Трифонов монастырь, приобретавший книги впрок, видимо, для продажи. Самыми распространёнными были азбуки, стоившие одну копейку [161, с. 17].

С именем Трифона мы связываем начало распространения книжной грамотности в главном городе Вятской земли – Хлынове. О письменности на Вятке до присоединения её к Московскому государству сведений не сохранилось. Но она, несомненно, существовала, считал кировский профессор Анатолий Васильевич Эммаусский (1898–1987) [288, с. 67]. И хотя до XVIII в. в Вятском крае не было школ, грамотность, тем не менее, существовала. Дети духовенства, купцов и приказных людей получали первоначальное образование у священников и мастеров грамоты. В пользу данного утверждения говорит и то обстоятельство, что на раскопках Никулицкого городища (ныне село Никульчино), существовавшего задолго до рассматриваемых нами событий и находившегося в непосредственной близости от города Хлынова (впоследствии Вятки, ныне Кирова), был обнаружен «стиль», или «писало», – заострённая костяная палочка, использовавшаяся для выцарапывания букв на бересте [161, с. 18].

Как показывают исследования (Е. Д. Петряев, А. Г. Мосин, В. Г. Шумихин, Г. Ф. Чудова и др.), Вятская земля издавна заслуженно слыла книжным краем. Книга и грамотность стали проникать в Вятку вместе с освоением края русскими людьми и распространением православия. Церкви и монастыри становились центрами просвещения; они имели небольшие книжные собрания. Первые документальные данные о распространении книг «на Вятке» относятся ко второй половине XVI в. и находят своё отражение в переписных, дозорных и писцовых книгах. Особенно полные сведения имеются о библиотеке Успенского монастыря, самой крупной в то время в Приуралье. В 1601 г., через 20 лет после своего основания, согласно дозорной книге Успенского монастыря, в нём имелись 144 книги, из которых 120 находились в монастырской библиотеке, 14 – в келье Трифона. Основную часть библиотеки составляла, разумеется, богослужебная литература. В то же время в библиотеке почти отсутствовала богословская (то есть философско-каноническая) литература, за исключением трудов Василия Великого. Имелось большое количество литературы духовно-нравственного содержания, прежде всего разных «Житий...», что составляет почти 10% от общего количества книг [76, с. 82–83].

Среди книг были две азбуки, а также «четьи книги»: житийные, церковно-назидательные, учебные и даже художественные: «Повесть о Варлааме и Иоасафе», два «Пролога», «Четьи-Минеи», «Измарагд» (то есть *изумруд)*, творения Ефрема Сирина, Андрея Юродивого Аввы Дорофея, Иосафа Царевича, Лествичника, Книга Василия Великого, «Жития» Александра Свирского, сочинения соловецких и муромских чудотворцев, Кирилла Белозерского, Прокопия Устюжского, Антония Римлянина, Стефана и Лазаря Сербских, Николая Чудотворца, десять «Соборников», тетрадь о Печерском монастыре и др. [93, с. 95]

В келье Трифона хранилось 14 книг: четыре «Псалтиря», молитвенник, богослужебные книги («Часослов», «Постригальник», «Служебник», «Эпитимийник»), «Послание в монастырь», «Азбучник» (учебник, включавший азбуку, грамматику, арифметику и ряд справочных сведений), сборник канонов и акафистов [42, с. 10–11]. Среди книг было и Житие самого Трифона, по-видимому, записанное с его слов и повествующее о его жизни до прихода в г. Хлынов. («Житие преподобного Трифона Вятского» написано специальным агиографом по заказу архиепископа Ионы; действительные факты из жизни Трифона переплетаются в нём с вымышленными «чудесами».) Основную часть книжного фонда составляли рукописные книги; всего 91 книга [42, с. 16–17].

Разумеется, библиотеки более старых и крупных монастырей Русского Севера и Центра, такие как Кирилло-Белозерский, Соловецкий, Троицко-Сергиев, превосходили книжными богатствами Успенский Трифонов монастырь в г. Хлынове [64, с. 225]. Но в сравнении со многими другими монастырями библиотека Успенского монастыря по составу книг выгодно выделялась; «из самого беглого сравнения Успенского монастыря… даже с Пыскорским богатейшим монастырём… всякий вынесет убеждение, что Успенский монастырь 1601 года был далеко богаче Пыскорского 1624 года как иконами, так и книгами, несмотря на то, что Пыскорский был основан за 20 лет до Успенского» [33, с. 17–18]. Такое ценное собрание книг, отмечает И. М. Осокин, лучше всего свидетельствует о выдающейся любви настоятеля к просвещению, о любви монастырской братии к чтению. Оно даёт право думать, что здесь существовало обучение грамоте и что чтением поручительных книг пользовались не одни только монахи, но и посторонние лица. Другие вятские монастыри были значительно беднее книжными собраниями. В Троицком монастыре Слободского уезда в 1629 г. насчитывалось всего 32 книги, в Екатерининском – 25 [47, с. 125]. Просветительская деятельность осуществлялась Трифоном и через храмы и часовни, возводившиеся в вотчинных землях, которые стали впоследствии территорией Слободского, Нолинского, Вятского и Малмыжского уездов Вятской губернии [11, с. 11]. Успенский монастырь при преподобном Трифоне был, таким образом, весьма важным и, скорее всего, единственным на громадную территорию образовательным пунктом, где желающие могли удовлетворять свою потребность в приобретении грамотности [160].

По предположению И. М. Осокина, здесь воспитывался оставшийся неизвестным для потомков составитель жития преподобного Трифона – вдумчивый, усердный собиратель сведений о жизни настоятеля монастыря, знавший Священное Писание и святоотеческую литературу. Трифон был не только любителем книжного слова, но и сам обладал хорошим литературным слогом, о чём свидетельствует дошедшая до наших дней его духовная грамота [93, с. 91]. На основании изучения рукописных источников исследователи пришли к выводу о том, что «перепиской книг занимался и сам игумен Трифон; рукописи его письма были в числе его келейных книг» [7, с. 15]. В то же время, по мнению современного вятского историка Виктора Валентиновича Низова, почерк Трифона характеризует его как человека, не имевшего большой практики в письме [88, с. 201–202].

Вятский подвижник просвещения Трифон Вятский не только не изолировал общину от мирской жизни, но, наоборот, поставил монастырь в самую тесную связь с ней. В то же время, будучи сам приверженцем «строгой жизни» и «истовым совершителем богослужения», преподобный Трифон требовал того же и от духовенства. Под влиянием примера его нравственного поведения постепенно начиналось духовное совершенствование – сначала местных священников, а потом и мирян – в духе христианского смирения, материального самоограничения и стремления к постижению священнических истин. Тем самым посредством распространения грамотности в определенной степени осуществлялся и процесс нравственного развития местного населения. Роль преподобного Трифона в деле просвещения вятских жителей далеко не ограничивалась только распространением грамотности. Он проявлял себя и как строгий ревнитель нравственности, боровшийся с распространением дурных привычек. Так, в одной из его грамот, адресованной судейским целовальникам Вобловицкой вотчины, имеется, в частности, такой наказ: «Велели есми вам… беречи накрепко, чтоб в Вобловицкой волости вин не курили и пив не варили без явочно, и воровства бы никоторого у них татьбы и разбоя… и душегубства не было, и буде кому надобе которому празднику или по родителям или на свадьбу вина оукурити или пива или браги пьяные сварити, им велети к вам являтися, а имати явки с четверти по денге и держати в вашей казне за печатью, а писати в книги, а буде который крестьянин тутошний оучнет вина курити или пиво или брагу пьяную на продажу варити, у тех людей то питье и сосуды винные вам имати, а их же пеню бити батогом» [93, с. 97].

Около 20 лет преподобный Трифон возглавлял основанный им монастырь. Здесь он и скончался 8 октября 1612 г. [172, с. 91]

В историю Вятского края Трифон вошёл как устроитель первых монастырей: Вятского Успенского и Слободского Богоявленского. Особенно важное значение имеет то обстоятельство, что именно устройство указанных монастырей, традиционного места устройства библиотек и переписи книг, послужило стимулом к началу книжной грамотности [161, с. 20]. Именно со Стефана Пермского и преосвященного Трифона на Вятке начинается первый, начальный этап распространения просвещения. Деятельность этих крупнейших российских просветителей-священников во многом способствовала тому, что книга и грамотность стали достаточно распространённым явлением не только в церквах и монастырях, что вполне естественно, но также

получили хождение среди мирского населения. Ряд исследователей (А. Г. Мосин, В. В. Низов) утверждают, что в XV – начале XVII в. на Вятской земле книги обращались среди населения: их заказывали, продавали, покупали, обменивали и дарили [83; 88].

Книжная грамота, просвещение выходили за стены монастырей, постепенно проникали в среду населения. Некоторые состоятельные хлыновцы даже имели небольшие домашние библиотеки, причём кое-кто из них «делал вклады»; например, Петр Толмачёв подарил Успенскому монастырю 12 книг [88, с. 206].

Таким образом, приведённый фактологический материал убедительно свидетельствует о том, что просветительская деятельность первых христианских проповедников Вятского края и Пермского края, подвижников Стефана Пермского и Трифона Вятского имела важное значение для просвещения местных жителей и знаменовала собой первый этап просвещения «на Вятке».

II. ЦЕРКОВНЫЙ ЭТАП ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ

2.1. Состояние просвещения в Вятском крае в первой трети XVIII в.

Вятский край в конце XVII в. и в XVIII в. в связи с общим территориально-административным переустройством Российского государства претерпел ряд кардинальных преобразований. Областная реформа 1708–1710 гг. поделила Россию на восемь губерний. В 1710 г. г. Хлынов «с пригородками» вошёл в состав Сибирской губернии со столицей в г. Тобольске, а южная часть вятских земель вошла в Казанскую губернию [116, с. 23]. По реформе 1719 г. в составе губерний были выделены провинции. Самостоятельная Вятская провинция пополнилась Кайгородским и Кунгурским уездами. В 1724 г. Кунгурский уезд отошёл к Соликамской провинции. В 1727 г. Вятская и Соликамская провинции перешли в Казанскую губернию. Вятская провинция стала одной из шести провинций Казанской губернии. Провинцией управлял воевода, произошло восстановление воеводского правления [159, с. 21].

В соответствии с областной реформой 1775–1785 гг. по указу от 11 сентября 1780 г. было учреждено («открыто») Вятское наместни-

чество с центром в г. Хлынове, переименованном тогда же в Вятку. Вятское наместничество включало пять «старых», исконно вятских городов (Хлынов, Слободской, Котельнич, Орлов, Кайгород) и три «новых» города (Глазов, Нолинск и Сарапул). Территория Вятского наместничества расширялась в юго-восточном направлении и включала в себя 13 «округ» (округов): Вятский, Слободской, Котельничский, Орловский, Глазовский, Нолинский, Яранский, Уржумский, Малмыжский, Елабужский, Сарапульский, Царёвосанчурский, Кайгородский [160].

Тогда же Вятское наместничество было включено, вместе с Костромским и Нижегородским наместничествами, в состав генерал-губернаторства с центром в г. Нижнем Новгороде. Наместничества возглавлялись правителями; в свою очередь они подчинялись генерал-губернатору. Первым правителем Вятского наместничества был генерал-майор Степан Данилович Жихарев (1780–1790). В дальнейшем должность наместника «исправляли» Федор Федорович Желтухин (1790–1796) и Сергей Никитич Зиновьев (1796–1798). В мае 1781 г. был утверждён герб Вятского наместничества. 12 декабря 1796 г. Вятское наместничество было преобразовано в Вятскую губернию. 31 декабря 1796 г. изданы штаты городов Вятской губернии. С 1798 г. управление губернией было вверено губернаторам [74, с. 281–282].

Первым губернатором был назначен Степан Богданович Тютчев. Округи стали уездами. В 1802 г. Кайский и Царевосанчурский уезды были присоединены к соседним уездам. Количество уездов стало 11 [75, с. 66].

В 1657 г., в эпоху царствования Алексея Михайловича, по благословению патриарха Никона последовало открытие Вятской и Великопермской епархии. В конце XVIII в., после учреждения Пермской епархии, она стала Вятской и Слободской. В то время она насчитывала свыше 500 приходов [89, с. 120]. До открытия «своей» епархии духовные дела «Вятской страны» находились в ведении митрополитов (позднее патриархов) московских. В состав Вятской епархии вошли пять городов с уездами: Хлынов, Слободской, Орлов, Котельнич и Шестаков. Кроме того, к Вятской епархии были приписаны Великая Пермь с городами Чердынь, Соликамск с «Чюсовскими городками», а также Кай и слобода Кукарка. До 1796 г., то есть до того времени, когда последовало учреждение отдельной Пермской епархии, епископы «Вятской страны» именовались Вятскими и Велико-

пермскими, а после этого и до настоящего времени называются Вятскими и Слободскими [161, с. 24].

К началу XVIII в. в Вятском крае не было организованного светского или духовного обучения. Оно проводилось лишь частным образом в домах очень редких грамотеев по «Часослову» и «Псалтири». Однако ещё раньше, около четырехсот лет тому назад, здесь были люди, которые «грамоте умели и руки прикладывали». Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в грамоте, данной царем Иваном IV (Грозным) в 1540 г. «Слободскому городку», указывалось: «И вы б учинили себе в Слободском городке, и в стране, и волостях, и в отяках, в головах целовальников и лучших людей человеке по 3 или по 4, которые грамоте умеют... которых татей и разбойников казнят, и вы б то все видели писати на список подлинно, а сами бы есте, которые у вас грамоте умеют, к том списку руку прикладывали» [42, с. 18–19].

После победы российской армии над шведами в 1709 г. в Хлынове оказалось значительное число пленных шведов, которые заводили «самопроизвольно» школы [4, с. 80]. Явление это было, скорее всего, случайным, особенно если учесть неприязнь местного населения к недавнему противнику, который к тому же вёл себя в Хлынове так «дерзостно», что вынуждало воеводский гарнизон быть постоянно начеку, с тем чтобы усмирять выходки «свеев». Как остроумно заметил в связи с этим вятский историк и учитель Александр Иванович Вештомов, всякое доброе начинание, в частности открытие школ, «без особенного на то соизволения и помощи высшего начальства остаётся втуне и исчезает» [4, с. 80].

Первоначально развитие организованного образования в Вятском крае проходило, как и повсюду в России, исключительно через церковь. Поэтому начальный этап развития просвещения на Вятской земле автором рассматривается посредством анализа деятельности руководителей духовного ведомства – архиепископов (епископов) [160]. Первые вятские архиепископы Александр (1658–1674), Иона (1675–1700) и Дионисий (1700–1718) никак не проявили себя в деле организации просвещения. Правда, Александр и Иона управляли епархией в то время, когда школы «не требовались». Дионисий, сам не получивший даже школьного образования и владевший лишь элементарными основами русской грамоты, также не придавал значения грамотности даже при назначении им кандидатов на священнические места [103, с. 27].

Между тем в начале XVIII в. власть уже обязывала «усаживать детей дворян и священнослужителей за книжку», а Дионисий сам был

противником петровских реформ. Кроме того, он был слишком стар для проведения нововведений. Дионисий скончался через три года после отъезда из Вятки в Свято-Данилов монастырь в Москве, и одной из причин отправления его «на покой» как раз и было нежелание заводить школу [161, с. 25].

Первые шаги в деле просвещения вятского населения связаны с деятельностью архиепископа Алексия (12.04.1719–25.09.1733). Он происходил из дворянского рода Титовых. В молодости Алексий был монахом Чудова монастыря, затем архимандритом Знаменского монастыря в Москве, служил епископом в Твери. До приезда в Вятку был епископом Крутицкой епархии [32, с. 34]. Историк церкви, ректор Вятской духовной семинарии Г. А. Никитников характеризовал епископа Алексия благочестивым, «строгой жизни» и щедрым к неимущим иерархом, озаботившимся на Вятке распространением христианства среди вотяков (удмуртов) [89, с. 26]. Другое направление его деятельности состояло в «умножении» храмов. При нём в Хлынове в 1723 г. были сооружены Всесвятская и Предтеченская церкви. В 1728 г. он был удостоен чести присутствовать при коронации Петра II. В 1731 г. императрица Анна Иоанновна возвела Алексия в сан архиепископа, которого он был ранее лишён при переводе «на Вятку» [161, с. 25].

О первой цифирной школе в Хлынове сохранилась переписка между провинциальным вятским воеводой и духовным приказом епископа Алексия. Лишь через шесть лет после выхода в свет указа о цифирных школах, 1 января 1721 г., только что вступивший в должность провинциальный воевода полковник князь Василий Иванович Чаадаев («Чеодаев») потребовал от архиерейского приказа, чтобы последний «по силе указов» немедленно прислал поповских и причётнических, архиерейских и монастырских слуг детей от 10 до 15 лет в провинциальную канцелярию для отдачи их в школу, в обучение «цифири и геометрии» [23, с. 582].

Однако по прошествии двух месяцев духовный приказ собирать детей для учебы не намеревался. Лишь «архиерейского приказа дьяк» Исай Богданов «явил» в канцелярию попов с детьми и «тое самое малое число, да и без именного списку и письменного ведения». Недовольный нераспорядительностью духовного приказа, Чаадаев во второй раз потребовал, чтобы в провинциальную канцелярию «были сысканы и присланы поповские и церковничьи дети г. Хлынова и Вятского уезда неотложно в марте месяце того же года» [23, с. 582].

Архиерейские управители не отвечали воеводе, и тогда он в третий раз обратился с решительным требованием к епископу открыть

школу, а к священникам – «неотложно отобрать сказки», то есть взять показания (объяснения) о том, слышали ли они указ государя о цифирных школах, и «чего ради тому указу во всем чинятся ослушны» [23, с. 582]. Не получив и после этого строгого предписания никакого содействия со стороны духовных властей, воевода решился на то, чтобы устроить цифирную школу собственными силами, и в мае 1721 г. «для сыску робят в школу» он разослал по Вятскому уезду солдат и приставов провинциальной канцелярии. В ревизских сказках 1721 г. по г. Хлынову упоминается, что какое-то обучение всё-таки было организовано. Так, отмечается, что хлыновский житель Захар Иванов Хаустов (Халустов?) 18 лет от роду отдан по указу в школу для учения приглашённому из Санкт-Петербурга учителю Ивану Чиркову [32, с. 119].

Сведений о других учениках и учителях обнаружить не удалось. Для «сыску подъяческих детей» «ис канцелярии вяцкой провинции» слались указы. В качестве примера приведём образец такого указа: «Дьяку Исаю Богданову прошедшего генваря 24 дня писано... присылать в канцелярию вяцкой провинции и отсылать в школу дома архиерейского приказано чина дьячих и подъячих да попов прочего церковного чина... от 10 до 15 лет... для обучения цифири и геометрии» [79, с. 1]. Несмотря на все усилия воеводы Чаадаева устроить школу так и не удалось. Историк XIX в. П. Пекарский решительно утверждает, что цифирной школы в Хлынове не было [100, с. 125]. Епископ Алексий отговаривался тем, что в Хлынове нет учителей и учить детей некому. Однако, как отмечал кировский историк педагогики середины XX в. Владимир Александрович Петров, епископ Алексий не послал трёх человек в Новгородскую семинарию для подготовки к учительскому званию, хотя и получил соответствующее предписание [103, с. 9]. А. В. Эммаусский утверждал, что «епископ Алексий, будучи связан с реакционными кругами... противился петровским преобразованиям и намеренно не открывал школы в Хлынове» [289, с. 215].

Историк XIX в. Г. А. Никитников несколько иначе трактует причины пассивного отношения Алексия к открытию школы. Несмотря на неоднократные предписания из Святейшего Синода о заведении школы для обучения детей духовного звания, Алексий, пишет Г. А. Никитников. «не решался приступить к исполнению сих начальственных распоряжений» потому, что «опасался противодействия со стороны невежества и отвращения ко всяким нововведениям людей его времени» [89, с. 25].

Местные духовные власти забеспокоились лишь тогда, когда в 1727 г. Святейший Синод потребовал от вятского епископа прямого ответа на вопрос, «заведена ли школа в Хлынове по силе Духовного регламента». Именно на местные епархии возлагались заботы по открытию школ; Святейший Синод повторял это в своих посланиях неоднократно и грозил ослушникам наказанием. В свою очередь, Верховный тайный совет требовал из Святейшего Синода сведения об организации школ, «а буде в которой епархии таковых школ не содержится, о том объявить именно» [89, с. 108]. Требовалось также выяснять, берётся ли от монастырей двадцатая часть, а от церковных земель – тридцатая часть хлеба на содержание школ. «Також в учинении семинарий» требовалось определять, в каком состоянии они содержатся [89, с. 108].

У историков неоднократно возникал вопрос о существовании школы в Хлынове в эти годы. Известные отечественные историки педагогики середины XX в. Николай Александрович Константинов и Василий Яковлевич Струминский утверждали, что нередко «духовенство показывало существовавшими ещё не открытые школы, что неоднократно подтверждалось и на деле» [66, с. 35]. Аналогичную мысль высказывал историк педагогики первой половины XX в. Николай Владимирович Чехов в своих известных трудах по истории народного образования в России [279; 280]. Однако следует заметить, что утверждения всех этих видных ученых могут и не иметь прямого отношения к вопросу о существовании именно хлыновской школы. (Кстати, В. Я. Струминский в 1925–1926 гг. работал в Вятском государственном педагогическом институте имени В. И. Ленина.)

Более обоснованным следует, по-видимому, считать мнение вятского историка XIX в. А. А. Андриевского, утверждавшего, что «ввиду частных побуждений высшего правительства... (епископ Алексий)... взял в архиерейский дом до 30 человек детей поповских и причетнических, но школьниками они показывались только в донесениях епископа Святейшему Синоду. На самом же деле никакого учения им, никакой школы не было» [4, с. 80]. Примечательно, что в донесениях епископа Алексия Святейшему Синоду указываются ученики, но не указываются учителя, что, разумеется, полагалось делать. Если бы учителя имелись в наличии, Алексий не преминул бы с гордостью упомянуть о самом факте их существования. Но раз нет учителей, значит, не было и школы. С другой стороны, в то время обучать детей грамоте могли священнослужители Вятской епархии, как это имело

место во многих других регионах России. Таким образом, при составлении своих донесений епископ Алексий мог не придать особого значения необходимости указания фамилий учителей, ибо специально выделенных для этой цели, то есть для обучения детей, лиц, по всей вероятности, в Хлынове не было [4, с. 80].

В одном из ответов на запрос Святейшего Синода епископ Алексий отвечал, что «школа при его доме имеется и в неё еще с 1723 г. набрано 35 человек священнических и церковнических детей» [22, с. 582]. Действительно, существование школы при архиерейском доме между 1723 и 1730 гг. подтверждается документами архива Вятской духовной консистории. Так, в «Списке жильцов архиерейского дома за 1727 г.» встречаются фамилии 27 школьников. В списке священнических детей Хлыновского, Котельничского и Орловского уездов за 1727 г. против фамилий некоторых из них встречаются такие пометки, как «отослан в школу с приставом», «отослан в школу» [32, с. 37–38]. Естественными представляются вопросы: что же это была за школа? Чему учили в ней и насколько соответствовала она тому образцу, который был определён в «Духовном регламенте», составленном Феофаном Прокоповичем? В «доношении» Святейшему Синоду об этой школе от 1727 г. сказано: «Школьники же учатся славянской азбуке, часослову, букварю, псалтири, толкованию блаженств и евангелию, и писать. А более другим наукам никаким не обучаются... понеже учить некому, для того, что таких учителей в Вятской стороне не обретается» [23, с. 582].

Далее в документе указывается на «крайнее оскудение» архиерейского дома, бедность вятских монастырей и «пустынь», а посему собирать с них двадцатую долю хлеба на содержание школьников было невозможно. Поэтому школьники питались «от дому архиерейского» [161, с. 28].

Возникает вопрос: не является ли оскудение дома архиерейского» главной причиной неудовлетворительного состояния школы при епископе Алексии? В «Любопытном месяцеслове за 1780 год» префект Вятской духовной семинарии Пётр Любарский и учитель Александр Вештомов этой причиной называют сопротивление Алексия, а до него и епископа Дионисия, петровским преобразованиям в области просвещения. Как бы то ни было, к 1731 г. количество школьников в Хлынове увеличилось до 50, и они содержались в Хлыновском Трифоновом монастыре [75, с. 42]. В современных авторитетных источниках указывается на наличие начальной школы в Хлынове (с 1727 г.) [63, с. 486].

Таким образом, можно сделать вывод, хотя и достаточно осторожный, о том, что до 1733 г. «на Вятке» всё-таки имели место достаточно робкие попытки введения обучения детей. Побуждаемые извне светские и духовные власти, видимо, как-то пытались организовать школу. Анализ разрозненных сведений позволяет сделать вывод о том, что работа школы, если таковая имелась, носила, скорее всего, характер случайный, эпизодический, непостоянный, прерываемый различными неблагоприятными обстоятельствами [161, с. 28].

2.2. Просветительская деятельность вятского епископа Лаврентия Горки по развитию «книжного учения» в Вятском крае

Начало развития государственного просвещения в России традиционно связывается в российской историографии с реформами Петра I в начале 1700-х гг., ставших во многом переломными в истории страны. Именно период петровских преобразований можно считать временем включения государства в дело развития образования в России, в том числе в российской провинции. Деятельность государства дополнила те усилия, которые уже ранее прикладывала в решение этой проблемы Русская православная церковь [161, с. 30].

Реформа образования как составная часть петровских реформ была вызвана важными социально-политическими и экономическими причинами, такими как политическое лидерство дворянства, укрепление позиций купечества и промышленников, складывание режима абсолютизма, трансформация системы государственного управления и появление большого числа чиновников, создание новой армии [84, с. 87]. Все указанные социальные преобразования требовали грамотных, образованных людей, которых в России в то время крайне недоставало. И неудивительно, ибо к началу XVIII в. в стране вообще не существовало какой бы то ни было государственной или негосударственной системы просвещения [161, с. 30]. Помимо школ мастеров грамоты и школ при церквах, соборах и монастырях никаких других школ фактически не было. Это негативное по своей сути обстоятельство в очень значительной степени предопределяло отставание России во многих областях общественно-экономической жизни [84, с. 87]. Вот почему введение школьного образования, порой насильственное, осуществлявшееся при Петре I, способствовало появлению прослойки грамотных образованных людей – российской интеллигенции [65, с. 155].

Существенно изменился при Петре I и умственный настрой общества. Образование стали признавать чем-то важным, необходимым как для общего развития, так и для успешной карьеры. Пётр I прямо подчёркивал в одном из своих указов, что дворяне, обделённые отцовским наследством, будут «хлеба своего искать службою, *учением* (выделено нами. – *В. П.*), торгами и прочим» [40, с. 209].

Создание передовых по требованиям того времени учебных заведений, таких как школа математических и навигационных наук, инженерная, артиллерийская и хирургическая школы, славяно-греко-латинская академия и другие, было характерным явлением для столичных городов – Москвы и Санкт-Петербурга, а также Киева [65, с. 156]. В провинции же, согласно требованиям «Духовного регламента» (1721), составленного выдающимся общественным и религиозным деятелем петровской эпохи Феофаном Прокоповичем [106], предписывалось создавать архиерейские школы для детей духовенства. Этот документ современники характеризовали как «гимн просвещению». В нём, в частности, излагалась новая программа школьного обучения, сочетавшая религиозное обучение со светским [84, с. 88].

Прогресс образования в рассматриваемый исторический период проявлялся главным образом в Санкт-Петербурге, Киеве и Москве. На окраинах по-прежнему царили отсталость и неграмотность; региональной образовательной среды как таковой практически не существовало, а население не видело смысла в грамотности. Религиозное мировоззрение оставалось доминирующим в общественном сознании, и данное обстоятельство во многом предопределило своеобразие создававшихся в тот исторический период школьных учреждений. С одной стороны, это были русские школы, в которых преподавались учебные предметы на русском языке и был очень силен элемент православной религиозности. С другой стороны, школьные «фундаторы» должны были учитывать современные общественные веяния и изучать «европейские науки» (латынь, математику, историю и географию, начатки естествознания и пр.). Такой двойственный характер явственно прослеживается в деятельности первых вятских просветителей [161, с. 31].

Создание подчинённого царю Святейшего Синода поставило епископов в положение «представителей на местах» не только церковной, но и государственной власти. Епископы фактически были призваны стать не только церковниками, но и представителями царя, то есть должны были начать сочетать в своей деятельности клери-

кальное начало с началом просветительским [84, с. 89]. Таким образом, реформы Петра I, характеризовавшиеся достаточно активным включением государства в дело развития российского просвещения, знаменовали собой начало периода открытия первых школ и наступление важного этапа в развитии российского образования, получившего название *церковно-государственного.* Этот этап связан в истории образования и педагогической мысли прежде всего с именами выдающихся епископов, открывавших в епархиях первые архиерейские школы [161, с. 31].

В Вятском крае на протяжении длительного времени работала целая плеяда епископов-просветителей, внесших крупный вклад в первоначальное развитие просвещения в Вятском крае. Они оставили по себе добрую память [110, с. 193]. К числу таковых автор монографии относит, прежде всего, епископа Лаврентия Горку и его последователей [136, с. 75].

В данном разделе нашей работы внимание автора сосредоточено в основном на организационно-педагогических аспектах работы епископа Л. Горки и его соратников. К ним относятся следующие стороны деятельности вятских епископов в области просвещения: преодоление сопротивления со стороны противников петровских реформ в среде местного вятского духовенства, строительство помещений школы и материальное обеспечение её работы, поиск квалифицированных учителей, приобретение книг и необходимого учебного оборудования, набор учащихся, формирование позитивного общественного мнения среди населения г. Хлынова в отношении школы, формирование содержания и введение передовых для того времени методов работы в Хлыновской славяно-латинской школе [161, с. 31–32].

Представляется целесообразным раскрыть организационно-педагогические аспекты вышеуказанной последовательности, используя в качестве содержательной основы характеристику просветительской деятельности епископа Лаврентия Горки, а просветительские усилия его последователей «на Вятке» представить более кратко в последующих разделах монографии [156, с. 193].

Лаврентий (в миру – Андрей) Горка родился в 1671 (1672?) г. в местечке Лавров, близ г. Львова. По окончании Киево-Могилянской духовной академии, одного из крупнейших учебных заведений России того времени, он преподавал в нём вместе со своим другом Феофаном Прокоповичем: вёл курс «пиитики» (с 1706 г.) и риторики (1708–1710 гг.). Горкой была написана трагикомедия «Иосиф» (1708)

на традиционный библейский сюжет, составлен курс «пиитики» (“Idea artes poeseos...”, Киев, 1707) [207, с. 127]. В своих учебниках Прокопович и Горка выражали любовь к лучшим произведениям античной литературы, приводили отрывки из произведений Вергилия, Горация, Овидия [108, с. 30].

Хотя Горка был старше Прокоповича предположительно на девять лет, он смотрел на своего младшего друга, вскоре ставшего ректором Академии, а затем и главным иерархом Русской православной церкви, «снизу вверх», считал его своим руководителем в науке, называл себя смиренно «братом во-вторых Феофана Прокоповича» [246, с. 108].

Феофан Прокопович был одним из самых ярких сторонников преобразований Петра Великого. Нередко свои проповеди он посвящал светским темам, например прославлению побед русского оружия, восхвалению царя-реформатора [210, с. 38]. Не забывал Феофан Прокопович и о необходимости просвещения. Так, в своём известном сочинении «Правда воли монаршей» он определял царские обязанности следующим образом: «Царей должность есть... содержать подданных своих в беспечалии... должен царь пещися да будет истинное в государстве правосудие... також да будет крепкое и искусное воинство... А чтобы было и всякое лучшее наставление, должен царь смотреть, чтоб были искуснии учители как духовний, так и гражданстии довольное число» [161, с. 32].

В 1710 г. Лаврентия Горку за отличие по службе утвердили игуменом Выдубицкого монастыря в Киеве; в 1722 г. он стал архимандритом Воскресенского монастыря на Истре. В тот же год по ходатайству Феофана Прокоповича, ревностного сторонника петровских преобразований, Л. Горка был приглашён в Санкт-Петербург и назначен обер-иеромонахом армии и флота. Он сопровождал Петра I в Персидском походе в качестве историографа. За свою учёность и усердие Горка заслужил особенное благоволение императора и 8 сентября 1723 г. был назначен епископом в Астрахань, где служил до 1727 г. Далее он служил епископом в Великом Устюге (1727–1731), Рязани (1731–1733) и, наконец, в Хлынове (1733–1737), главном городе Вятской земли [161, с. 32–33].

25 сентября 1733 г. императрица Анна Иоанновна подписала указ о перемещении Рязанского архиерея Лаврентия Горки «за его продерзости» на Вятку, а Вятского архиерея Алексия – в Рязань. На следующий день Святейший Синод утвердил этот указ. Служение в

Рязанской епархии, расположенной вблизи Москвы, считалось более почётным. Город Хлынов уже тогда слыл местом ссылки, куда в своё время был отправлен и Алексий [210, с. 39].

Торжественная встреча хлыновцами нового вятского владыки произошла 9 сентября в церкви Всех Святых. Горожане были удивлены скорым приездом Лаврентия, последовавшим всего лишь на пятый день после отъезда епископа Алексия. Лаврентий был архиереем совсем другого типа и характера по сравнению со своими предшественниками [210, с. 39]. «Привыкшие к важным, тихим, размеренным движениям и речам старорусских предместников (то есть предшественников. – *В. П.*) нового архиерея, они (хлыновцы. – *В. П.*) увидели перед собой характерного малоросса, были изумлены его подвижностью, необыкновенной живостью его речей и жестов» [25, с. 56].

Хозяйственное положение архиерейского дома ко времени приезда Л. Горки в Хлынов было плачевным. От предшественника не осталось не только домовой денежной казны, но даже был долг в коллегию экономии в размере 529 р. 34 к. [22, № 1, с. 13] Тем не менее новый вятский епископ Л. Горка незамедлительно приступил к созданию школы. В ходе подготовки к открытию школы, первой в Вятском крае и Предуралье, Горке пришлось столкнуться со многими трудностями: отсутствием учебных пособий, учительских кадров, материальных средств, помещений [84, с. 91]. Но самым большим препятствием было активное сопротивление со стороны части местного духовенства, закосневшего в невежестве и не желавшего получать в лице учащихся будущих конкурентов на занятие «лучших священнических мест» [136, с. 77]. Епископу пришлось отрешать от должности священнослужителей, мешавших работе школы, причём в ряде случаев меру наказания определял Святейший Синод, к помощи которого Лаврентий Горка был вынужден прибегать [161, с. 33].

Сотрудниками первого вятского просветителя оказались люди грубые и невежественные, которые в ответ на упреки и внушения Горки стали его открытыми врагами. Они помнили указания покинувшего Хлынов бывшего епископа Алексия «искать приключку», то есть собирать на епископа Лаврентия компрометирующие сведения. Уже из Рязани Алексий слал письма хлыновскому духовенству и в воеводский приказ с целью подогревать недовольство «лучших людей» деятельностью нового епископа [210, с. 39]. Решительное противодействие Лаврентий Горка встретил даже там, где он был вправе ожидать помощи в первую очередь. Лица, стоявшие во главе хлынов-

ского духовенства, такие как архимандрит Успенского Трифонова монастыря Александр Корчёмкин, протоиерей Троицкой церкви Артемон Шубин, ключарь Никита Клобуков, не только высказывали прямое порицание деятельности своего епископа, но первые двое даже самовольно оставили Хлынов и отправились в Святейший Синод с наветами на Горку [84, с. 91].

Доносы на вятского епископа продолжались в течение всего периода его деятельности в Хлынове. В ответ на это в доношении Святейшему Синоду в мае 1834 г. Л. Горка в сердцах пишет: «В многообразном и нестерпимом гонении от врагов, всесмиренно у Святейшего Синода прошу крепкого защищения и помощи; ибо за таким гонением нельзя мне и жить, не токмо епархиею управлять. Вси единодушно на мое зло настроены и развращены, вси безмерно на соблазн прочим распустилися, вси не слушают; иные бегают, другие укрываются и неисповедимые пакости мне творят... Хотел я и учения славяно-латинския в епархии Вятской заводить и учителей из Киева двух человек мирских вызвал; но за таким гонением и противностями ждать доброго невозможно» [22, № 1, с. 18–19].

Неоценимую помощь Горке в этот период оказал вице-президент (с 1721 г.) Святейшего Синода архиепископ Феофан Прокопович. При его содействии некоторые «закащики» были смещены. Александр Корчёмкин, бежавший после своего доноса на Горку в Москве в Рязань, был схвачен и казнён. Другие церковнослужители, выказывавшие невнимание к его указаниям, были вызваны в крестовую палату и получили надлежащее «вразумление». Противостояние на некоторое время ослабло [161, с. 34].

Найти учителей для школы оказалось делом нелёгким. Киевские богословы крайне неохотно отзывались на приглашения поместных архиереев занимать должности в провинциальных школах. Так что поиски «годного для обучения студентов человека к себе на Вятку» были непростыми [24, с. 315]. Между тем Л. Горка стремился к совершенствованию организации обучения в своей школе. Он хотел устанавливать культурные и научные связи с известными центрами просвещения и развития педагогической мысли. Именно с этой целью он пишет полное лести письмо в свою «альма матер», Киево-Могилянскую духовную академию, которая, как отмечается в его послании, «изобиловала учёными людьми» и «от нея, аки от пресловутых оных Афин, вся Россия источник премудрости почерпает и вся своя новозаводимыя училищныя колонии напаяет и изращает. Академия

Киевская ещё умножит себе славу, егда и в Вятскую колонию извезёт на жатву делателей и поможет собирать плоды богоугодные и душеспасительные» [22, № 1, с. 12].

Через посредничество священника Московского Благовещенского собора Иакова Буявинского, который «снёсся с киевскими студентами», удалось пригласить в Хлынов студента класса философии Михаила Евстафьевича Финицкого (ок. 1705 – после 1787) [177, с. 81]. Финицкий согласился приехать в Хлынов только тогда, когда получил согласие Л. Горки на свои условия – годовое жалованье в 72 р. [25, с. 315] М. Е. Финицкий приехал в Хлынов в апреле 1734 г. В тот же год появился и второй учитель из студентов Киево-Могилянской духовной академии, Василий Лещинский. Это были первые учителя на Вятской земле, о которых сохранились достаточно подробные сведения. Таким образом, проблема учительских кадров на первое время оказалась решенной. Первые учителя вятской школы имели достаточно высокое для того времени образование, были гуманными и доброжелательными по отношению к детям наставниками. В школе были исключены физические наказания [161, с. 35].

Для того чтобы иметь средства к обустройству школы, Л. Горка разослал по всей епархии указ о том, чтобы попы, дьяконы, дьячки, пономари, сторожа и просворницы «немедля» явились в крестовую палату «все необходно» [210, с. 40]. Он принимал являвшихся к нему духовных лиц, подробно расспрашивал об их доходах и определял сумму, которую каждый из них беспрекословно должен был внести на содержание школы. Л. Горка требовал, чтобы все монастыри и пустыни доставили «ни мало не медля» в архиерейский дом двадцатую долю хлеба, которую они должны были поставлять уже в течение десяти лет [214, с. 58].

Сопротивление, то глухое и пассивное, а то дерзкое и открытое, было ответом на все распоряжения нового владыки епархии. Ни одно распоряжение епископа не было принято к исполнению быстро и охотно. Священнослужители являлись «с великою неохотою и тое самое малое число», а остальные, в течение почти целого года, по ноябрь 1734 г. «вовсе не являвались» [214, с. 58]. В 1734 г. двадцатой доли хлеба не передал ни один монастырь. Никто даже не представил ведомости о количестве хлеба, подлежащего «выделу» (то есть выделению) для нужд школы. Им устанавливается очередность монастырей, обязанных вносить свою долю хлеба: 1736 г. – Успенский Трифонов, Подгорный Богословский и Слободской Богоявленский мона-

стыри, 1737 г. – Верхочепецкий Воздвиженский, Орловский Спасский; 1738 г. – Чердынский Богословский, Соликамский Вознесенский монастыри [214, с. 59].

Для лучшего учета Л. Горка завёл ведомость прихода и расхода «и об остатке хлеба и денежной казны, собираемых с монастырей двадцатой доли на содержание семинарии». В ней по различным разделам указаны поступления хлеба в «четвертях» и «четвериках», денег – в рублях и копейках; отмечается, сколько следует купить овса, толокна, ржи, яровых. Тщательно ведёт Л. Горка и расходы на содержание школы. Вот, например, некоторые данные по записям, относящимся к 1735 г.: «Покупка писчей бумаги – 6 р. 70 к. ... харчю оным студентам – 4 р., мелочной в семинарию покупки на руки – 1 р. 64 1/2 к., жалованье учителям: Михаилу Финицкому – 52 р., Василию Лещинскому – 17 р.». Следующая запись по жалованью включает следующие данные: М. Финицкий – 50 р., В. Лещинский – 10 р., Михаил Марков – 3 р., Федор Шарин – 3 р., Петр Миронов – 3 р., служитель Герасим Ермолин – 3 р. [79, с. 8] По записям, относящимся к 1736 г., видно, что Финицкому было выдано в апреле и июне по 20 р. и в августе 12 р., В. Лещинскому – в апреле 5 р. и в ноябре 12 р. «В декабре 12 дня хлебному приёмщику Михайлову денежного жалованья выдано 2 р. 50 к.». Деньги Михайлов принял, но, поскольку был неграмотен, «по ево прошению Григорий Сыровацкий расписался» [79, с. 9]. Выдано «сторожа Степана Пипикова жене ево Матрене стряпухе 1 р. 50 к.» [79, с. 9]. Среди расходов встречаются такие записи: бочка – 10 к., две ручки – 8 к., «железо» – 2 к., «два блюда красные да горшков на 1 к., итого 24 к.», «горшков да поварёшка – 2 1/2 к., соли пуд, мяса пуд «самого хорошего» – 49 к. «Куплена у лавошника Ивана Степанова стопка серой бумаги за 1 р. 20 к.» [79, с. 10]. В августе 1736 г., например, помимо зарплаты Финицкому, все затраты составили 30 к. [79, с. 10]

Лаврентий Горка завёл «Книгу приходную дому архиерейского зборному всякому хлебу епархии архиерейской с монастырей двадцатой доли на постройку школ, на покупку и протчего и на уплату в школах учителям, служителям и на протчия разные расходы, без которых не пробыть» [214, с. 59].

В 1735 г. большая часть духовенства внесла в архиерейскую казну деньги на содержание школы, а с начала 1735 г. стала вносить и «двадцатую долю». Тем самым материальные средства для открытия школы были изысканы. Теперь, когда хозяйственная сторона органи-

зации школы была в основном обеспечена, дело стало за «робятами», которые стремились в массе своей избежать учения [161, с. 36]. Духовенство считало отправку детей в школу своей самой тяжёлой повинностью. Л. Горкой было сделано распоряжение о «наборе робят» в архиерейский дом для помещения их в латинскую школу [214, с. 60].

Он потребовал, чтобы все священнослужители привели к нему своих детей, начиная с семилетнего возраста, «без малейшего замедления», под «опасением» самой строгой ответственности в случае утайки детей или медленного исполнения архиерейского указа [210, с. 43]. «Духовным регламентом» и новым указом императрицы Анны Иоанновны (1731 г.) повелено было архиереям брать в школы и детей «лучших градских детей», а «тех, которые из них в школе быть не похотят, имать в школы и неволею» [21, № 1, с. 14].

Поэтому Л. Горка сделал распоряжение о наборе в школу детей лиц гражданского ведомства и даже военных, находившихся тогда в ведении духовной власти. Всего несколько священнослужителей, и то из близлежащих к Хлынову монастырей, привели своих детей учиться; «остальные всеми возможными случаями старались укрыться от школы» [246, с. 107]. Большая часть «закащиков» (благочинных), на которых было возложено исполнение приказа о наборе детей, не подумали его выполнять и «во всём явились ослушны и указу противны» [22, № 1, с. 16]. Например, из 110 священнослужительских детей Чердынского «заказа» не было направлено в школу ни одного ребёнка в 1734–1735 гг. Провинциальная канцелярия также не направляла в школу детей приказных и посадских [22, № 1, с. 16].

Подобное невнимание вятского общества к школе объяснялось низким духовным и материальным уровнем тогдашнего населения края, несформированностью региональной образовательной среды. Неприязненное отношение к проводимым реформам было намного сильнее выражено именно в глухой вятской провинции, по сравнению с центральными регионами России [214, с. 61]. «На Вятке» практически не было образованных людей, сторонников петровских реформ, да и о самих реформах люди имели самое смутное представление [214, с. 61]. Важным препятствием на пути распространения просвещения выступало то, что люди в провинции зачастую не видели ощутимой выгоды знаний. К тому же, если бы Л. Горка заводил школу православно-славянскую, это нашло бы больше понимания у хлыновчан. Как-никак, в то время «на Вятке» были грамотные люди, которые «ведали», что «издревле бы обычай детоводцем учити дети ма-

лыя – в начале азбуце, потом часослову и псалтири, тоже писати» [161, с. 37]. Поэтому, по всей вероятности, в случае открытия православно-славянской школы и не было бы такого сопротивления. Однако Горка «измыслил заводить» «школу латинскую», чтобы учить в ней «неведомо каким» наукам [161, с. 37].

Во времена, когда практически всё население не владело грамотой даже родного языка, учителя-«латынщики» не могли не вызывать неприязни. К тому же изучение латыни воспринималось вятчанами как своего рода предпочтение католицизма в ущерб православию [161, с. 37]. Не ограничиваясь призывами, Л. Горка послал в конце 1734 г. в «заказы» нарочных «розсыльщиков» и приставов духовного приказа для сыска укрывающихся от школы, приказал привозить последних в Хлынов, а в случае сопротивления «вязать их», «заковывать в колодки» и отправлять партиями в архиерейский дом «за надлежащим караулом» [22, № 2, с. 26].

Подобное обращение с детьми не было в то время чем-то чрезвычайным. Само правительство рекомендовало тогда такой способ действий. Поэтому Л. Горка лишь выполнял указания верховной власти. Когда удавалось набрать несколько будущих школьников, «розсыльщики» ехали с ними в другое место, пока не набиралось 10–15 детей, которых и привозили в Хлынов, – если только те не успевали сбежать по дороге, – и сдавали под расписку в духовный приказ. Столь решительные и грубые меры возбудили к Л. Горке ещё больший страх и ненависть со стороны некоторых обывателей. Тем не менее к началу 1735 г. вятскому епископу удалось собрать до четырехсот учеников в возрасте от 7 до 25 лет [161, с. 37]. Л. Горка действовал не только кнутом, но и пряником. Он «побуждал духовых, в надежде лучшего священства», то есть обещая назначения в более богатые приходы, отдавать в школу своих детей, обязывая в назначенные сроки предварительно обучить их на дому пению, чтению и письму, «под опасением лишать непослушных священства и чинов» [89, с. 30].

Однако самовольные побеги детей из школы не были редкостью. Тогда Л. Горке снова приходилось посылать «розсыльщиков» «в леса» [214, с. 62]. В этом отношении характерно «доношение великому господину преосвященному епископу иерея Леонтия»: «По присланным... указам в прошлом 1735 и нынешнем 1736 году... написано о сыску... бежавших из дому... из греко-латинской школы учеников. А именно Чусовского верхнего городка Рождественской церкви дьякона Василия

Третьякова сына ево Михаила, нижнего городка Богословской церкви попа Варушкина сына Ивана, дьячка Кузнецова детей Ефима да Михаила, села Калининского Богородской церкви попа Михаила Варушкина внука Павла, дьячка Степана Машкина сына ево Григория, Чусовской церкви Успенья Богородицы дьячка Семена Первушина сына Алексия и с оными школьниками со всеми велено быть мне нижеименованному самому на Вятку, а для высылки оных школьников послан Вашего преосвященства нарочный капрал Василей Филиппов» [79, с. 9]. Иерей отмечает, что он указанных школьников «сыскивал и проведывал» и «отцов к сыску принуждал». «Они (отцы. – *В. П.*) мне сказали, что оных детей своих сыскивать где не знают». И далее он указывал: «Для сыску оных в дома их означенный капрал Василей Филиппов с моим пономарём Михаилом ездили по отци оных беглецов... Матвей да Степан оному капралу евились» [79, с. 9].

Таким образом, используя методы принуждения (например, поимку «священнических детей» по приходам и доставку их в Хлынов под конвоем в деревянных колодках) и поощрения (обещание «лучшего священства», то есть назначение священниками в более богатые приходы тех священнослужителей, чьи дети станут учиться в школе), Горке удалось, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны противников просвещения, в 1734 г. открыть школу [161, с. 38].

По отношению к детям, учащимся своей школы, Л. Горка проявлял гуманность. Тем не менее условия содержания нельзя было признать благоприятными: дети проживали в холодных монастырских кельях, скудно питались и поэтому нередко убегали домой. За «утеклецами» снаряжалась погоня [161, с. 38]. В числе учащихся школы Л. Горки, помимо детей протопопских, поповских, дьяконских, причётнических, сторожевских, просфирнических, были также дети подьячих архиерейского приказа, монастырских стряпчих, сержантов, поручиков и капитанов, живших при Успенском монастыре. По отношению к ним Л. Горка употреблял те же самые «побудительные меры», что и по отношению ко всему духовенству в целом. Он стремился к определению в школу детей и посадского сословия, составлявшего тогда почти исключительно все население г. Хлынова. Сначала он обычно действовал увещеваниями: приглашал к себе лиц, «более значительных между посадскими», лично беседовал с ними о пользе учения, старался привлечь и самих детей посредством обещаний и подарков. В случае же неуспеха разговора прибегал к угрозам [214, с. 73].

Школа была устроена при самом архиерейском доме. Она размещалась в одной большой двухэтажной и трёх небольших деревянных избах, находившихся внутри ограды архиерейского дома. Дети «недостаточных» родителей, не имевшие родственников в Хлынове, помещались на готовое содержание и получали питание, одежду и книги бесплатно. Но большая часть учеников были на содержании родителей, и они посещали школу только на время уроков [214, с. 64].

Особую заботу Горка проявлял о приобретении книг. Он составил реестр «книг латинских», которые требовалось закупить в Москве. В списке отмечено: «Алваров новых (то есть учебников основ латинского языка Эммануэля Альвара. – *В. П.*). по осми гривен или по рублю продаютца. Цицеронов ad familiares новых ценою по полтора рубля покупаютца. Греко грамматику одну для ребят же. Дано Евстафию Иванову на покупку елементаров тридцати, которые элементары отыскать... 1736 года марта 20 дня по сему реестру дано на покупку выписанных латинских книг Успенского Трифонова монастыря служителю Мартыну Кобелеву тридцать рублев... Он выше писанные деньги 30 рублев принял, в том руку приложил» [79, с. 12]. Л. Горка заказывал или лично приобретал книги в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Астрахани, Рязани, Великом Устюге. В школьной библиотеке имелись произведения Гомера, Данте, Цицерона, Сенеки, Горация, Овидия, Петрония, Вергилия и других классических авторов, а также лучшие для того времени учебные пособия, например учебники Эммануэля Альвара по началам латинского языка, так называемые «Альваровы рудименты» [84, с. 95].

Обязательное открытие при школах библиотек особо оговаривалось в «Духовном регламенте». Согласно одному из его положений, пользоваться книгами преподаватели и ученики должны были в специальной «библиотечной конторе». Предусматривалась также выдача книг на дом. Вводилась регламентация работы библиотек: «А ученикам и прочим охотникам отворять библиотеку в уреченные дни и часы» [128, с. 90]. Для архиерейских школ по всем епархиям было разослано в общей сложности 900 букварей и 920 грамматик, которые положили начало первым школьным библиотекам в России [88].

Л. Горка отдал в семинарию все книги богатейшей для того времени своей личной библиотеки. Составленная после его смерти опись включала 355 книг, причём две трети из них были на иностранных языках: на латинском, греческом, еврейском, польском. Третью часть составляли книги светского содержания: сочинения по истории, фи-

лософии, филологии, риторике и географии, юридическая и художественная литература [76, с. 292–293]. Конволют, некогда принадлежавший Л. Горке, а ныне хранящийся в Кировской областной научной библиотеке имени А. И. Герцена, включает в себя, в частности, прижизненное издание «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы [161, с. 39]. Некоторые рукописи, созданные преподавателями и учащимися, сохранены и поныне. Среди них сборник упражнений в пиитике, включающий стихи преподавателей М. А. Ушакова и Г. С. Шутова [89, с. 140–144].

В семинарской библиотеке хранились стихотворные посвящения учеников важным событиям и отдельным лицам. Оригинальные произведения содержит ученическая тетрадь Агафона Свешникова, будущего протоиерея Спасского собора, относящаяся к середине XVIII в. [67, с. 265–301] Лучшая часть библиотеки семинарии, «за особливой их редкостию», была передана в 1741 г. в распоряжение Синода по его настоятельному требованию [21, № 2, с. 30].

В Хлыновской школе остались, по данным описи 1739 г., 34 книги [83, с. 144], а по другим данным – 42, переданные Горкой ещё при жизни в школьную библиотеку [76, с. 278]. Даже после смерти Лаврентия Горки в семинарию приходили выписанные им «на суммы архиерейского дома» сочинения на латинском языке [214, с. 66].

Личный вклад Л. Горки в разработку теории и методики преподавания, в частности латинского языка, состоял в написании учебных пособий по этому предмету: “Idea artes poeseos...” (1707) и “Rhetorica” (1708), которые активно использовались им и его коллегами в преподавательской работе. Его ученик и последователь М. Е. Финицкий в 1741 г. усовершенствовал «пиитический» учебник Л. Горки. Первую часть учебника Финицкого занимают рассуждения о природе и целях поэзии; во второй, третьей и четвертой характеризуются её разнообразные жанры. Изложение сопровождается примерами из Вергилия, Горация, Овидия, причём многие стихи даны в переводах самого Лаврентия Горки [210, с. 47].

Л. Горка уделял большое внимание рациональной организации работы школы, взяв при этом за образец свою «альма матер» – Киево-Могилянскую духовную академию. Это проявилось, прежде всего, в выборе предметов для обучения и особенностях построения учебного процесса. После того как в первый учебный год «профессор» М. Е. Финицкий обучил учащихся «верхней школы» «Альваровым рудиментам», а «инспектор нижней школы» В. Лещинской с начина-

ющими учениками одолел основы славянской грамоты, Л. Горка уже со второго года работы семинарии выделил шесть классов, получивших названия по основному учебному предмету (фара, инфима, грамматика, синтаксима, пиитика, риторика) [214, с. 67].

Разумеется, различие между рассматриваемыми двумя учебными заведениями, одно из которых было школой в предуральском захолустье, а другое – учреждением европейского масштаба, далеко не ограничивалось лишь отсутствием в вятской школе, в сравнении с Киевской академией, двух старших классов (философии и богословия), однако само стремление вятского епископа Лаврентия Горки ориентироваться на лучшие, столичные образцы при устройстве своего учебного заведения во многом способствовало укреплению авторитета его школы, повышению качества обучения в ней и, несомненно, было одной из важнейших сторон его просветительской деятельности на Вятской земле [84, с. 101].

В 1736/1737 учебном году распределение учительских обязанностей было следующим: классы фары и инфимы вёл Василий Лещинский, а Михаил Финицкий – классы грамматики, синтаксимы, пиитики и риторики. В работе с двумя последними классами ему помогал «учитель» Иоаким Богомедлевский [161, с. 40].

Следует отметить, что звание «профессор» Л. Горка не ставил выше должности учителя. Так, в «Реестре о обретающихся в Вятских архиерейских школах учителях» в 1737 г. «профессорами» названы учителя, работавшие в низших классах (инфимы, фары, аналогии). Этими «профессорами» были юноши-школьники, одновременно обучавшиеся в классе «реторики да пиитики» у «зсылочного» бывшего иеромонаха И. Богомедлевского. В «школе синтаксимы и грамматики» (иногда в документах «классы» называли «школами». – *В. П.*) занятия вёл «профессор» Петр Тимофеев Миронов, в «школе инфимы» – «профессор» Михайло Максимов Марков, в «школе аналогии» – «профессор» Федор Егоров Шарин, в «школе грамматики» – «профессор» artium liberalium («свободных искусств») и «леквенции» (элоквенции) «авдитор» (аудитор, то есть лектор, преподаватель, от слова «аудитория») Михаил Никонов [22, № 12, с. 204].

Примечательной личностью был иеромонах Иоаким Богомедлевский (ок. 1680 – после 1738). Он был сыном священника Киевской епархии. В течение 12 лет он учился в школах Киево-Братского монастыря. Префект Стефан Яворский направил его в Польшу, где он продолжил обучение во Львове, Люблине, Кракове, Варшаве, Кали-

ше. Около года Богомедлевский провёл в Познани, Данциге, Кенигсберге, Вильно. Вернувшись из-за границы, он ищет «промоции» у Стефана Яворского, в ту пору митрополита Рязанского. Затем Иоаким Богомедлевский живёт в Москве и Санкт-Петербурге, ведёт монашескую жизнь. У него происходит ссора (не ранее 1722 г.) с сотником знаменитого гетмана Скоропадского по фамилии Батуринский-Стожок. Последний обвинял Богомедлевского в «брани и бесчестии», а Богомедлевский, в свою очередь, жаловался на оскорбления, нанесённые ему в гетманской войсковой канцелярии. Дело тянулось очень долго и зашло слишком далеко. В мае 1728 г. оба спорщика давали показания в Синодальной канцелярии в Москве. Затем дело было передано на рассмотрение епископу Киевскому Варлааму, а тот передал его на рассмотрение... Стожку. Спустя некоторое время оно исчезло, в чём Стожок не замедлил обвинить... Богомедлевского. И хотя абсурдность навета была очевидна, последний уже не надеялся на благоприятный для себя исход и сбежал из-под стражи в Москву, тем самым как бы признав свою вину. 15 июля 1731 г. его поймали и отправили в ссылку.

В итоге 9 января 1732 г. «учёный чернец» прибыл под конвоем в Хлынов, а уже на другой день в сопровождении служителя Духовного приказа Кондратия Шеломова был отправлен в самый отдалённый монастырь Вятской и Великопермской епархии – Чердынский, где содержался «в оковах неисходно за бродяжество»; по выражению вятского историка А. С. Верещагина, был «упечатан в Чердынское заточение», положив тем самым начало вятской ссылки для самых передовых и образованных граждан России. В указе преосвященного епископа Чердынскому игумену Никите было предписано «бродягу Иоакима Богомедлевского держать в монастыре вовсе скована и никуды неисходна и ни до какова священнослужения его не допускать» [25, с. 302].

Лаврентий Горка хорошо знал И. Богомедлевского как по одновременному с ним обучению в Киеве, так и по служению в киевских монастырях. В 1734 г. «сиделец» обратился к новому вятскому епископу с просьбой перевести его из отдалённой Чердыни, где он находился по-прежнему под присмотром игумена Никиты, дававшего «большую волю своим рукам», в какой-нибудь из ближайших к Хлынову монастырей, но ответа не получил. Узнав об открытии школы в Хлынове, он обратился к архимандриту Богословского монастыря Лаврентию Полторацкому, также причастному к «киевской науке», с

просьбой о ходатайстве перед Горкой о месте в школе. Однако Л. Горка не решился нарушать приказ Синода от 10 декабря 1731 г. о его заточении [25, с. 310].

К тому же у него были тогда подобраны два учителя на первое время. И только летом 1736 г., перед открытием классов «пиитики да реторики», Лаврентий вспомнил о «чернеце», некогда преподававшем риторику в Москве и Ростове. Экономный Горка сообразил, что денежное содержание ещё одного киевского «профессора» встало бы ему дороже, нежели привлечение опального монаха, готового работать «за одно препитание». И Горка решается «достать» Богомедлевского. Он шлёт 13 августа 1736 г. указ игумену Никите: «Из железа ево расковать и привезти тебе из монастыря на Вятку к ево преосвященству на срок сего 1736 года сентября на 14 число», гласит указ № 3242 (Архив Вятской духовной консистории) [25, с. 316]. «Бродяга-чернец» прослужил в школе до августа 1738 г. Его можно считать третьим по счету вятским учителем после Финицкого и Лещинского.

Подтверждением важности вклада Л. Горки и его последователей в дело просвещения вятчан служит тот факт, что славяно-латинскую школу (впоследствии духовную семинарию) закончили некоторые видные деятели культуры и науки. Среди них следует назвать одного из основоположников отечественной медицины, доктора медицины (1758), первого русского профессора медицины (1762), разработчика русскоязычной анатомической терминологии Константина Ивановича Щепина (1728–1770), известного путешественника и мемуариста Филиппа Сергеевича Ефремова (1750–1811), автора первых российских учебников истории Ивана Федоровича Яковкина (1763–?) и др. [196, с. 67].

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что просвещение «на Вятке» ведёт свой отсчет именно с Л. Горки. Обладая жестким характером, Горка проводил, подобно Петру I, «варварскими методами борьбу против варварства», чем вызывал недовольство среди местного духовенства. Однако его деятельность, конечно, носила прогрессивный характер, за что он и получил впоследствии в народе почётное звание «просветителя земли Вятской» [207, с. 131]. Заложенный Л. Горкой интерес к чтению среди вятчан выразился, например, в том, что спустя несколько лет после его смерти и восстановления пришедшей было в упадок школы за границей было выписано книг «избранных церковных и лучших классических писателей» на 1500 р. [23, с. 588]

Вся система образования и воспитания в школе закладывала в учениках понимание литературных ценностей, формировала вкус к творческим опытам. Учащимися переписывались и переводились с других языков отдельные учебные пособия, создавались даже оригинальные произведения, чему в значительной степени способствовали поддерживавшиеся в этом учебном заведении на протяжении всего периода его существования традиции стихотворчества и «лицедейства». Воспитанники «разыгрывали действа»; в репертуар входила и трагикомедия «Иосиф» самого Горки [161, с. 42].

Традиции «школьной драмы» были продолжены и после его смерти в стенах Вятской духовной семинарии, преемницы школы Лаврентия Горки, преподавателями З. О. Лятушевичем и С. С. Леонтьевым в так называемых «разговорах» – своеобразных театрализованных диалогах о добре и зле, причём это имело место уже во второй половине XVIII в., в эпоху Просвещения [108, с. 30].

Последователь Л. Горки М. Е. Финицкий, фактически возглавивший школу после смерти епископа, проявил себя и как видный поэт своего времени. Художественный уровень его «гратуляций» свидетельствует о его несомненном таланте. Например, Л. Горке он посвятил проникновенные строки: «По умершем Лаврентии предобром пастыре / Полно всё слез в сем Вятском мире...» [161, с. 43]

Историк XIX в. Александр Степанович Верещагин называл М. Е. Финицкого одним из основоположников жанра эпиграмм в русской литературе [21, с. 24]. Л. Горка и М. Е. Финицкий своими рукописными и печатными трудами заложили основу для развития литературной традиции в Вятском крае. Некоторые исследователи усматривают тесную связь первых вятских литераторов с поэтами общероссийского масштаба. В частности, современный кировский литературовед Константин Геннадьевич Бронников (1961–1997), признавая, что А. Д. Кантемир превосходил Финицкого не только известностью, но и силой поэтического дарования, в то же время отмечает между этими поэтами тесную связь, состоящую в том, что Кантемир придал русской литературе сатирическую направленность, а Финицкий приобщил к сатирическому направлению вятскую поэтическую школу [15, с. 13].

Насилие как средство преодоления косности мышления необразованных взрослых вятчан, с одной стороны, и ненасилие, гуманизм как средство воспитания и обучения юных жителей Вятской земли, с другой стороны, неразделимо сочетались в деятельности первого вят-

ского просветителя Л. Горки и постепенно приносили свои плоды: грамотность, книга и культура получали всё большее распространение в Вятском крае [177, с. 81]. Подтверждением этого служит тот факт, что славяно-латинская школа Горки, вскоре после его смерти пришедшая в упадок, быстро была восстановлена и на многие десятилетия стала одним из виднейших центров просвещения не только в Вятском крае, но и на территории всей Северо-Восточной России [161, с. 43].

В сентябре 1736 г. Л. Горка «завлёк» в школу сына богатого хлыновского купца Михаила Злыгостева с целью, как объяснял впоследствии сам епископ, заинтересовать мальчика учёбой. Через два дня отец ребёнка подал жалобу в Вятскую провинциальную канцелярию. Последняя арестовала келейников и подьячих Л. Горки, некоторых служителей и даже нескольких учеников школы. Подьячие и «розсыльщики» воеводской канцелярии, а также до сотни посадских жителей с палками и камнями в руках напали на архиерейский дом [214, с. 73].

Подробности этого нападения отражены в челобитной Л. Горки, поданной на имя императрицы Анны Иоанновны: «По имянным Вашего императорского величества 1731 г. указом, велено при домах архиерейских иметь школы и набирать детей и учить их, «а которые в учении быть не похотят, тех имать в школы и неволею». Посадского Михайлы Злыгостева сын, взят в школу и был два дни, и при нем человек всегда был; пища вся от столу нашего и подарки от нас были, который и возвращен в дом свой без всякого озлобления. Но по злобе ево, Злыгостева, по поданной от него в воеводскую канцелярию челобитной, дому нашего келейников и стихарных подъяков и учеников и служителей в тое воеводскую канцелярию похватали; некоторые и поныне под караулом держатся, и тож канцелярии подъячии, и розсыльщики, и посадские человек со сто и больши на дом архиерейский, в котором и школы имеются, с дубинами, с палками и с кирпичьем нападали, и школы разоряли, и в дом архиерейский, и избу кирпичьем бросали, и в ворота необычно ломились, что те ворта были от них и досками подперты. И мое смирение в доме архиерейском, яко в осаде доселе содержусь, и нельзя из дому архиерейскому никому вон выйтить. Понеже из оной канцелярии дому нашего учителей и слушателей хватать различно похваляются; а некоторых служителей содержат в той канцелярии другую неделю. Подлинную челобитную писал дому архиерейского за секретаря Илья Протопопов. Сентября 23 дня 1736 года» [88, с. 193–194].

Это нападение на школу глубоко оскорбило Л. Горку. Его державный друг Феофан Прокопович уже не мог ему ничем помочь, он умер 8 сентября 1736 г. [238, с. 280] Известие о его смерти пришло вскоре после нападения на школу. А спустя некоторое время первый вятский просветитель и сам тяжело заболел. Однако, несмотря на прогрессировавшую день ото дня болезнь, с тем чтобы «не было ослабевания в занятиях», почти каждый день он посещал школу, старался лаской и приветливостью расположить школьников к учению, обнадёживая обещаниями прилежных и «неопустительно» подвергая наказанию ленивых. Стремясь доставить детям «приличные развлечения», Л. Горка позволял им в определённые дни и часы развлекаться играми как в самом архиерейском доме, так и во время прогулок за городом. В зимнее время, особенно перед праздниками, в школе разыгрывались духовные мистерии. Ученики школы участвовали в торжественных церковных процессиях [161, с. 44].

10 апреля 1737 г. был праздник Святой Пасхи. По окончании обедни все власти города Хлынова поспешили в архиерейский дом принести поздравления преосвященному владыке. Но у дверей дома они были остановлены двумя верными слугами епископа – калмыками Титом и Романом, обращёнными в христианство в бытность служения Лаврентия в Астрахани и последовавшими за своим господином в Хлынов. Они объявили, что «владыка почивает» и не следует его беспокоить. Вечером того же дня, по окончании радостного пасхального звона во всех церквах города, печальные звуки соборного колокола известили горожан о том, что их архипастырь «почил тем непробудным сном, от которого возбудит его только труба архангела Михаила» [22, № 2, с. 31]. Несколько человек: духовник владыки архимандрит Лаврентий Полторацкий, учителя Михаил Финицкий и Василий Лещинский, а также два келейника – были свидетелями кончины Л. Горки, последовавшей в седьмом часу вечера. Он был похоронен в Вятском кафедральном соборе, на северной стороне, в холодном храме [210, с. 49]. В надписи на гробнице, устроенной в 1772 г., он назывался «ревностным по Бозе Иерархом, бодрым словесных овец пастырем, мудрости и благочестия любителем, крайним невежества и суеверия ненавистником» [214, с. 75–76].

Здесь же спустя столетие были выбиты вдохновенные строки – дань памяти первому просветителю на Вятской земле:

Всеобщий смертный рок в сём месте мужа скрыл,
Который первый здесь науки насадил, –
Хотя Всевышня Власть, что целым светом правит,
Ему и не дала конечно их возставить.
Лаврентий Горка сё! А кто он был таков?
Епископ вятский, муз любитель, богослов [214, с. 76].

Эти строки до сих пор хорошо известны на Вятской земле; для вятчан они во многом соотносимы с известными строчками М. В. Ломоносова о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах». В настоящее время в связи со сносом кафедрального собора могила Л. Горки утрачена. На месте собора в своё время был поставлен памятник И. В. Сталину; сейчас здесь располагается комплекс «Вечный огонь».

Подвижническая жизнь Л. Горки стала предметом специального изучения со стороны вятских историков начиная со второй половины XIX в. Наибольшую известность получили многочисленные работы вятского историка А. С. Верещагина [23; 25]. Известный русский писатель Н. С. Лесков в своем сатирическом произведении «Святительские тени» дал описание деятельности всех вятских епископов XVIII в. Будучи в этом вопросе человеком совершенно беспристрастным, писатель уничтожающими эпитетами («бонвиваны», «бражники», «скопидомы», «невежи» и т. п.) охарактеризовал почти всех вятских «архипастырей», *за исключением Л. Горки*, которого он признал достойным своего сана [70].

Г. А. Никитников даёт Горке такую характеристику: «Нрава преосвященный Лаврентий был простого; с душою прямою и открытою, благочестив, нелицеприятен и непамятозлобив; только весьма горяч и вспыльчив, за что подчиненные не очень любили его и приносили Святейшему Синоду частые на него жалобы, вследствие коих он часто переводим был из одной епархии в другую. Это же, вероятно, поставлено было ему в вину и при переводе из Рязани в Вятку. Невежество и порочные склонности, которые он с особенной ревностью старался истреблять в своих подчиненных, частые огорчения и неприятности, причиняемые ему упорством и непослушанием, раздражая и воспламеняя время от времени от природы пылкую его душу, наконец, ввергли его в параличную болезнь. Несмотря на это, он до конца жизни своей не ослабевал в деятельности... Людей неучёных и не знающих своих обязанностей не определял не только в священники, но и в низшие чины церковные. К бедным и неимущим был со-

страдателен и щедр: во время бывшего в Вятке голода и в другие времена жертвовал им даже церковным имуществом, говоря, что церковное имение есть имение бедных...» [89, с. 32–33]

Вятских исследователей (Н. П. Изергина, С. В. Мудролюбова, Р. М. Преснецов, К. Г. Бронников, В. Б. Помелов) в исключительно яркой и самобытной личности Горки с особенной силой привлекают его несгибаемая воля и настойчивость, огромная эрудиция и значительный литературный талант, стремление даже ценой собственной жизни развеять вековую тьму невежества, помочь народу в преодолении извечного российского отставания в области просвещения [15; 55; 84; 126]. Публикации этих исследователей познакомили новые поколения вятчан со своим славным предком, который надолго, фактически до настоящего времени, стал для них своего рода нравственным ориентиром, прежде всего для вятского учительства. Несмотря на своё сравнительно непродолжительное пребывание «на Вятке», епископ Лаврентий Горка оставил по себе добрую, прошедшую сквозь века память.

2.3. Содержание и методы работы в Хлыновской славяно-латинской школе

Основатель Хлыновской славяно-латинской школы епископ Лаврентий Горка, его соратники и последователи были, как показывает анализ их деятельности на Вятской земле, несомненно, образованными и талантливыми людьми, стремившимися служить народу на ниве просвещения. Первый «фундатор» школы, по всей вероятности, был знаком с лучшими достижениями педагогической практики европейских стран, в частности с классно-урочной системой, которая, получив известность после Яна Амоса Коменского, вела, тем не менее, свое начало от так называемых «братских» школ Украины и Польши, где, кстати, прошла значительная часть жизнь первого вятского просветителя [65, с. 149].

Приступавших к учебе детей Горка разделил на две категории. Очень немногие, те, кто умел читать и писать по-славянски, направлялись в латинскую школу. Те, кто не владел элементарной грамотой, шли в «славяно-российскую» школу (правильнее было бы сказать не в «школу», а в «класс») для «научения читать в твердость и писать». Последних было значительное большинство, и с целью разгрузки школы Горка был вынужден отправлять часть детей на обучение «ис-

кусным в чтении» дьяконам и причётникам г. Хлынова либо отсылал их с той же целью в монастыри. Наконец, некоторые, те, кто имел грамотных отцов, отпускались обратно домой с условием изучения ими на дому к определённому сроку славянской грамоты и последующего возвращения в Хлынов для продолжения учёбы уже в латинской школе [161, с. 49].

В архивных документах Вятской духовной консистории за 1736 г. встречаются такие записи, имеющие отношение к школе Горки: «Богородской церкви дьячка Ивана Овчинникова сын Петр 11 лет доучить псалтирь (должен), Ивкинской Модестовской церкви дьячка Андрея Туляшева сын Тимофей 1735 года августа 30 дня по указу архиерея отпущен в дом, Коршикской церкви попа Тимофея Дрягина сын Егорий 15 лет за болезнью отпущен» [214, с. 82].

В 1736 г. школа была поделена на «верхнюю» и «нижнюю», то есть на латинскую и славяно-российскую. Четыре нижних класса латинской школы назывались следующим образом: 1. Аналогия (или Фара). 2. Инфима. 3. Грамматика. 4. Синтаксима. В класс аналогии поступали отучившиеся в приготовительной славяно-российской школе и умевшие бойко читать и писать по-русски. Здесь учились читать и писать по-латыни, по «элементору» и «элементарю»; поэтому и сами школьники этого класса назывались «элементарники». Переходя в класс инфимы, школьники занимались элементарным грамматическим разбором. В классе грамматики изучалась грамматика латинского языка в полном объёме. В классе синтаксимы преимущественно занимались «экстемпоралиями», то есть переводами с латинского языка на русский, и, наоборот, с помощью «кнапиума» [84, с. 105].

«Кнапиумом» называли учебник-лексикон автора по фамилии Кнапиус. Основным учебником во всех четырёх классах был учебник Эммануэля Альвара, пришедший ещё в XVII в. из Западной Европы в Киев, а затем и в провинциальные русские школы. В России он неоднократно переиздавался, несмотря на то что, по мнению П. Пекарского, «из всех учебников латинского языка грамматика Альвара была, может быть, самой темнейшей, так, что была непонятна не только для начинающих изучать латынь, но даже и для тех, кто знал её порядочно» [100, с. 242].

Неудивительно, что в низших классах хлыновской школы «малые» учились по шесть-восемь лет и порой, в итоге, многие из них так и оставались «тупыми и непонятными». Когда школьники оказывались способны мало-мальски понимать по латыни, их переводили в

класс поэтики. Поэзия, которая изучалась в хлыновской школе, была латинской и славяно-киевской. Русской поэзии тогда фактически не было. Под стихами понимали умение слагать силлабические вирши (от лат. versus) на латинском и славяно-российском диалектах. Некоторые наиболее талантливые учителя «пиитики» составляли собственные учебники поэтики. Известен, например, учебник М. Е. Финицкого “Idea artis poeseos, ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolaneo, tradita in orthodoxo collegio Wiatcensi, professore poeseos Finicky, 1740 anno” и П. М. Глемаровского “Liber de arte poetica, ad usum juventuti sacrae patriae, in orthodoxo Wiatcensi collegio, sub tutela Barlaami, illustrissim episcopi ano 1745 oblatus”, а также еще один, сохранившийся без титульного листа, издания 1747 г., написанный, по мнению вятского историка А. С. Верещагина, Петром Матвеевичем Глемаровским, префектом школы [214, с. 83].

Учебники поэтики того времени обычно содержали два отдела. В первом отделе говорилось о цели поэзии, смысле и содержании поэтического «измысла»; а также о том, как следует подражать великим поэтам, о средствах поэтического творчества, об особенностях силлабического стихосложения. Всё это тогда называлось по-латински subsidia poeseos. Второй отдел включал сведения о различных родах и видах поэтических произведений, о поэзии «эпической, комической, трагической, элегической, буколической, сатирической, лирической и эпиграмматической» [22, № 14, с. 243].

Основную часть первого отдела учебника составляли сведения из мифологии, считавшейся тогда очень важной составной частью поэзии. Здесь приводились сведения о богах и богинях Олимпа, нимфах и наядах, мифологических героях (Ахиллес) и исторических личностях (Александр Македонский). Во втором отделе, помимо определений и теории, приводились выдержки из стихов Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Антиоха Кантемира, а также самих составителей пособия. Давались также наставления по составлению стихов, особенно «гратуляций» – поздравительных стихов и од в честь различных высокопоставленных персон [84, с. 107].

В своём учебнике (1740) М. Е. Финицкий рекомендует составлять «акростих» в честь епископа Вениамина, покровителя школы, и даёт образец такого стиха:

Видим днесь тя пастыря Богом учиненна.
И его десницею в Вятку привезённа.
Егда же возшёл еси на престол, владыко,
Взошло купно и счастие с тобою велико.

На овцы егда воззрим, – ходят, торжествуя;
Церкви святые славят тебя, ликовствуя.
Иноверны языцы к божиему стаду
Присовокупляеши, для им образу.

Ангела же нарещи весьма подобает;
Житием бо таков ты (всяк то крепко знает).
Миром ограждаеши люди правоверны,
Стране вяцкой дая покой безмерный.

Изгоняеши скверну от церкве святыя;
Вводиши же в ню чины и нравы благия.
На сиё бо дело праведно Господь Бог
Избра тя, ибо к нему имаши труд мног [214, с. 84–85].

В учебнике учителя Вятской семинарии П. М. Глемаровского (1745) можно прочесть оду в честь другого вятского епископа, Варлаама.

Варлаам от человек славью почтенный,
А на престоле священне Богом возведённый,
Радости всем причина велией бывает.
Люд вятский егда его десницу лобзает;
А ко своим житием и нравы благими
Мирови он мир даёт во век нерушимый [161, с. 51].

В учебниках поэтики приводились образцы «змеиных» (versus serpentari) и «ретроградских» эпиграмм. Под последними понимаются стихотворные фразы, которые могут читаться слева направо и справа налево. Например, “Otto tenet madidam mappam madidam tenet Otto” [214, с. 85]. Венцом наук в Хлыновской славяно-латинской школе была риторика. И здесь учителя нередко занимались по ими же самими составленным пособиям. Известны учебники вятских учителей Алексея Андреевича Свирепова (или иеромонаха Трифиллия?) “Regulae Rethorics” и М. Е. Финицкого “Regia Tullinae elquentiali, Wiatcensi benevolae juventuto, per professorem Michaelem Finicky, procurantem feliciter construeta”. Пособия обычно включали «разсуждения» («трактации») о сущности и цели «реторики», о том, как следует «изобретать» мысль, об «орнаментах» риторической речи – тропах и фигурах [214, с. 85].

В разделе “de arta oratoria in particulari” излагались наставления по сочинению писем и речей поздравительных, приветственных, благодарственных, просительных, прощальных, надгробных и т. п. Здесь

можно найти подробные рецепты относительно того, в каких выражениях ученик должен обращаться с родителями при выходе из дома и при возвращении домой, например, из школы; какими «тропами» и «фигурами» школьник должен просить у старших денег, как следует правильно поздравлять своих друзей и близких с Новым годом, днём рождения, христианским праздником и т. д. Давались советы о произношении и «красноречии священном», то есть краткие и сухие правила о том, как составлять и произносить «риторические предики» – проповеди [161, с. 52].

Умение составлять предики очень ценил Л. Горка. Он был первым проповедником в Хлынове, который сам составлял устные проповеди. Даже самая простая проповедь считалась в то время слабой и «не изящной», если в ней не было «мифологических применений». Не всегда неграмотным жителям Хлынова, приходившим в храмы, были понятны «предики» проповедников. Но это был первый опыт живой устной речи священников, их свободного обращения к большой массе народа [84, с. 107].

Вслед за наставлениями в умении составления и «апробации» живой проповеди упражнялись и учащиеся. М. Е. Финицкий отмечает: «В школах мною основанных, некоторые из студентов в толикую моими трудами произошли науку, что во всю покойного преосвященного Вениамина бытность поучения в церквах сказывали, також уже и в бытность вашего преосвященства, какового суть оныя учения, в самоперсональном проповедения их слушании ваше преосвященство аппробовать их изволил» [285, с. 97].

Учителя риторики и поэтики были главными учителями в школе; они руководили и школой, были «экзаминаторами» в низших классах. Еженедельно посещали они каждый класс и вели наблюдение за работой всех учителей. Риторикой завершался весь круг наук, которым обучали в Хлыновской славяно-латинской школе. Правда, Финицкий в своей просьбе об увольнении от учительской должности отмечал, в частности, что он «латинского диалекта школы от самых Альваровых рудиментов (т. е. основ. – *В. П.*) произвёл своими трудами до риторики и диалектики». И хотя в учебнике Финицкого «Чертоги Туллиевой элоквенции...» (“Regie Tullinae eloquentiae...”) изложение «диалектики» отсутствует, можно предположить, что требования жизни побуждали его в рамках риторического класса изучать и предметы, относившиеся к высшим классам, а именно диалектику и богословие, хотя официально в школе они и не изучались. Класс риторики был открыт в 1738 г. [84, с. 108]

Некоторые школьники оставались в нём по несколько лет и, «выслушав», таким образом, полный курс школы, жаловались, что «за непроизведением в школе высших наук» (то есть ввиду отсутствия классов философии и богословия. – *В. П.*) быть им в реторике вельми стало скучно, и в оной школе они всуе содержатся, и токмо лета теряют напрасно» [22, № 12, с. 199].

Не имея возможности открыть в школе высшие классы, епископ Варлаам летом 1742 г. разрешил желающим получить высшее образование в других городах. Для этого молодые люди отправлялись для продолжения учебы в столичные учебные заведения. Будущий профессор медицины Константин Щепин избрал Киевскую духовную академию, Мина Мышкин и Федор Порошин, взявший впоследствии фамилию Радикорский по названию родного села, «для слышания философии и богословия» отправились в Московскую славяно-греко-латинскую академию. Мышкин и Порошин обучались в Москве более пяти лет, потом вернулись в Хлынов и были здесь в семинарии преподавателями соответственно поэтики и риторики [84, с. 108].

М. Е. Финицкий составил список, как он выражается, «самых старых» учеников Хлыновской славяно-латинской школы, доучившихся (в 1742 г.) до классов риторики и поэтики. По существу, это были первые выпускники школы, прошедшие в ней полный курс обучения. Помимо вышеупомянутых Мышкина и Порошина в этот список вошли Алексей Андреев Свирепов, г. Кунгур, сын дьячка; Назар Мартынов Хорошавин, с. Верхошижемское, сын дьячка; Михаил Григорьев Снегирев, с. Просницкое, сын пономаря местного монастыря; Алексей Иванов Шестаков, г. Орлов, сын попа; Федор Петров Цыреншинов, с. Новое Усолье, сын дьячка; Андрей Иванов Крекнин, с. Ошетское, сын попа; Василий Федоров Лобовиков, сын Соликамского иеромонаха Феодорита; Григорий Иванов Калашников, г. Кунгур, сын протопопа; Матвей Данилов Молчанов, с. Леква, сын попа; Гавриил Никитич Ергин, с. Бурмацкое, сын попа; Никита Андреев Микляев, с. Банное, сын попа; Яков Федоров Шкляев, с. Сезеневское, сын дьячка; Михаил Филиппов Филимонов, г. Орлов, сын попа; Елеверий Романов Мухачев, с. Ошетское, сын попа. Обо всех этих школьниках Финицкий дал одобрительное заключение: «понятен». Как «средних» оценивал он Егора Иванова Левитского, с. Веретея, сына дьячка; Емельяна Семенова Серебряникова, с. Ильинское, Кривецкого дьячка сына. И только о Ларионе Иванове Сычугове, с. Быстрицкое, сыне дьякона, он вынес заключение: «туп» [24, с. 98].

В этот список не вошли студенты класса риторики, которые ещё до 1742 г. были посвящены в дьяконы: Пётр Миронов, Фёдор Шарин, Иван Падерин, Иван Дьяконов, а также Иван Мышкин. Учителя риторики и поэтики были главными учителями в школе; они руководили и школой, а также были «экзаминаторами» в низших классах [23, с. 98]. Еженедельно посещали они каждый класс и вели наблюдение за работой всех учителей. За 18 лет существования школы насчитывалось восемь преподавателей риторики и поэтики. Из них Ф. Радикорский, М. Мышкин и А. Свирепов были учениками М. Е. Финицкого. Остальные, кроме П. Глемаровского, выпускники Киевской духовной академии [84, с. 108].

Именно по образцу Киевской академии дело было поставлено таким образом, что студенты, обучавшиеся у Финицкого в старших классах – в классах риторики и поэтики, были одновременно *учителями* низших классов. Потом они поднимались по учительской лестнице вверх: от класса аналогии к классу инфимы и т. д. Такой путь прошли Иакинф (Акинфий) Черепанов, Михаил Снегирёв, Назар Хорошавин и др. Подавляющее же большинство выпускников школы по окончании курса наук навсегда расставались с учёбой [23, с. 102]. Выпускники школы составили костяк учреждённой в 1758 г. Вятской духовной семинарии и гимназий в городах Кунгуре и Соликамске. Они занимали в этих учебных заведениях должности учителей во всех классах. И только для преподавания «высших наук» были приглашены ученые из Харьковского коллегиума и Киевской духовной академии [214, с. 89].

Нередко к студентам славяно-латинской школы обращались местные жители с просьбами об обучении своих детей частным образом. Так, малмыжский помещик Юшков просил епископа Антония прислать к нему «учёного школьника для дальнейшего обучения его детей в Малмыжских вотчинах» [21, № 15, с. 255].

Почти все студенты класса риторики по окончании учёбы поступали на священнические места. Судьба этих «учёных» была переменчива. Когда вятские архиереи непосредственно проживали в Хлынове, «учёные» были «в чести», пользовались покровительством его преосвященства. Но в период «междуцарствия, когда владыка умирал или выезжал надолго из Хлынова, либо назначенный в Вятскую епархию, епископ вовсе не приезжал, или приезжал далеко не сразу по назначении, в эти периоды времени власть в Духовном приказе (консистории) переходила в руки “неучёных” священнослужите-

лей “старого закала”, не признававших латынь и “всякую науку”» [161, с. 54].

Периоды безвластья в Хлынове были достаточно продолжительными. Достаточно сказать, что, например, после кончины Л. Горки (10 апреля 1737 г.) и до приезда епископа Варфоломея Любарского (15 октября 1758 г.) сменилось несколько преосвящённых, но в общей сложности в течение двадцати одного с половиной года епископа в Хлынове фактически не было 10 лет и 4 месяца. И вот в это-то время, отмечает А. С. Верещагин, «ни над кем не любили так смеяться, как над учёными, и никто ничего столько не презирал, как учения школьного. И только с прибытием владыки невежество, как тьма нощная, уступала. Учение же, как свет дневной, оказываться начинало, и начинали спрятываться нетопыри, которые во тьме нощи смело летали и дерзостно кричали» [23, с. 103].

2.4. Деятельность вятских епископов по развитию просвещения в Вятском крае в 1740–1750-е гг.

Сразу после смерти вятского епископа Лаврентия Горки последовал взрыв ненависти к его школе со стороны ненавистников просвещения, которые были подстрекаемы некоторыми мирянами. Близкий друг и соратник Горки архимандрит Богословского монастыря Лаврентий Полторацкий длительное время вообще не осмеливался показываться в Хлынове и даже не присутствовал на панихиде по Горке. (Богословский монастырь находился непосредственно за городской чертой; ныне это так называемый «район танка» или ОДНТ в городе Кирове.) М. Е. Финицкий был вынужден, опасаясь репрессий, покинуть школу; он спрятался в келье Богословского монастыря вместе с его настоятелем. Пытаясь поставить в известность Святейший Синод о наступившем в Хлынове безвластии, М. Е. Финицкий, выпросив у Полторацкого лошадь, отправился спустя несколько дней после смерти Л. Горки в Москву, но был схвачен в вятском городе Котельниче и в колодках был доставлен обратно в Хлынов, где просидел под стражей три недели в провинциальной канцелярии [214, с. 91].

Предоставленные сами себе ученики разбегались. Только 18 апреля бежали 159 учеников. М. Е. Финицкий пишет два прошения в Святейший Синод (12.04.1737 г. и 13.07.1737 г.). В последнем прошении он отмечает: «По преставлению преосвященного Лаврентия студенты, оставя школьное учение, бежали и в школу не ходят, а

18 апреля, видя меня заарестована их (управителей архиерейского дома казначея Трифона и секретаря Протопопова) промыслом, и тож студенты, которые имели охоту по учению, в конец разошлися. Вси соборяне и вси причетники церковные, как градские, так и уездные, враждуют и сему школьному латинскому учению весьма неблагодарны суть, и говорят, что де сие учение не на пользу нам есть, паче же и противно церкви, понеже де мы латынь гнушаемся, а они учителя латынщики своим учением с латынами в сообщение нас хотят привести, о чем соборяне и прочие попы градские намерены просить вашего святейшества о отмене онаго учения» [24, с. 319–320]. Он писал также, что ему, Финицкому, «при школах быть весьма трудно» и что его может заменить Богомедлевский, а сам он желает удалиться из Хлынова [24, с. 317].

Хлыновское духовенство в большинстве своём полагало, что школа – затея «поляка-архиерея» – со смертью «затейщика» «покончится». И действительно, первые два месяца после смерти Лаврентия Горки были временем её полной дезорганизации. Однако уже в середине июня 1737 г. был получен указ Святейшего Синода с требованием «содержать школы как было при жизни преосвященного Лаврентия во всём неотменно» [214, с. 92].

Местные противники школы несколько поутихли, а Духовный приказ начал принимать меры к возвращению беглецов-учеников в школу. Положение, однако, осложнялось тем, что назначенный вместо Горки епископом Киприан Скрипицын управлял епархией фактически «заочно». За два года, пока он числился в этой должности, Киприан так ни разу и не побывал в Хлынове. Он управлял епархией посредством издания и пересылки указов из Санкт-Петербурга [214, с. 92]. Эти указы, естественно, смело игнорировались. Хлыновские духовные власти заносчиво писали епископу Киприану, что «содержать оных школ никак не возможно» [24, с. 260]. При таком положении дел, когда количество бежавших из школы доходило даже по ведомости до 310 человек, всего во всех семи классах оставалось 120 учеников, а фактически ещё меньше. В условиях, когда ученики одну неделю занимались, а две недели находились в бегах, учение не могло идти «правильно», а успехи – быть значительными [161, с. 57].

Морально и материально тяжёлым было и положение учителей, особенно «зсылочного» Иоакима Богомедлевского, работавшего среди враждебного по отношению к «латынщикам» духовенства. О нём специально рассказывали местным жителям, что он «нарочно» ездил

учиться за границу в латинские еретические школы. За всё время работы в школе он получил всего 35 к., да и те не были ему выданы; в счёт их на Рождество 1836 г. на 32 к. для него были куплены 16 аршин холста и 3 к. были уплачены за шитье хламиды – плаща с капюшоном и прорезями для рук [253, с. 166]. Питался И. Богомедлевский в архиерейском доме вместе с другими монахами. Питание было крайне скудным. Даже М. Е. Финицкий писал в донесениях в Святейший Синод в июле 1737 г.: «Иеромонах Трифон (управитель архиерейского дома. – *В. П.*) мне с прочими учителями пищу прекратили, а когда ему, Трифону, начну напоминать о пище, то часто бывает, что упившися палкою на мене грозит, безчестными и поносительными укоряюще словами поносит» [24, с. 321].

Если уж «главнейший» учитель был вынужден жаловаться на невыносимые условия жизни, то нетрудно представить, что положение «зсылочного» Богомедлевского было ещё более тяжёлым. И Иоаким Богомедлевский бежал, несмотря на своё «изможденіе». В конце августа 1738 г. 30 августа в Провинциальную канцелярию поступила «промемория» из Духовного приказа о «бежавшем иеромонахе Иоакиме Богомедлевском» с просьбой «о сыске оного» [214, с. 94]. Однако учёный монах-чернец исчез бесследно, и его дальнейшая судьба осталась навсегда неизвестной.

Следом за ним покинул Хлынов и Василий Лещинский. Он поступил более хитро: отпросился из Хлынова в Москву под предлогом поискать для школы третьего учителя, на место Богомедлевского. Когда истекли все сроки его «командировки» и стало ясно, что и он бежал, на поиски Лещинского был даже отправлен в Москву архиерейский стряпчий. Ему, однако, не удалось напасть на след бежавшего учителя [161, с. 57].

Если уж стремились бежать из школы «магистры», «одержимые крайнею убожества скудостью в препитании», то чего можно было ожидать от школьников, набранных почти исключительно силой, которые смотрели на «латинскую грамоту» как на горькое мучение?! И они бежали, и не было на них теперь грозы, жаловался в донесении М. Е. Финицкий [285, с. 97].

Для того чтобы исполнить приказ Святейшего Синода о том, чтобы школу «держать неотменно», необходимо было прежде всего возвратить «из бегов» всех школьников. Духовный приказ сделал распоряжение об их сыске по «заказам», но вернуть удалось немногих, поскольку укрывателями были влиятельные лица духовного звания. А потому Духовный приказ не посмел их наказывать [214, с. 94].

В 1739 г. Святейший Синод приказал вновь назначенному 18 мая епископом в Вятскую и Слободскую епархию Коломенскому епископу Вениамину Сахновскому поспешить с выездом на Вятку, ибо дела епархии шли всё хуже. 28 сентября епископ прибыл в Хлынов. Вениамин Сахновский был уроженцем сербского города Косово. В молодости он переселился в Россию. В Воронеже постригся в монахи, служил иеромонахом во флоте, был архимандритом Псковско-Печерского монастыря. В 1731 г. он стал епископом Коломенским [161, с. 58].

Прежде всего, в Хлынове новый епископ обратил внимание на расстроенное состояние школы и поэтому решил возвратить беглецов-учащихся. «В страх другим» он отправил «за упорное укрывательство сына от школьного учения» кафедрального протопопа Артемона в менее значимый Богословский монастырь. Вслед за этим во все заказы были направлены строжайшие указы, с тем чтобы «закащики, всех учеников собрав в одно место, каждый своего заказу, привезли с собою в Хлынов в назначенные сроки; а ежели они, закащики, всех на указанные сроки не представят, то лишены будут чинов своих и сверх того взято будет с них штрафу по три рубли, не приемля никаких отговорок» [21, № 4, с. 64].

Это распоряжение принесло желаемые последствия: «закащики» «бились из всех сил о сыске утеклецов», и стали целыми группами привозить их в Хлынов. Но, несмотря на все свое усердие, они были не в состоянии полностью выполнить епископский указ и не раз вынуждены были доносить «о жестоком упрямстве и нестерпимом грубиянстве» подчинённого им духовенства, привыкшего к полной безнаказанности за время служения «отсутствовавшего епископа Киприана» [214, с. 95].

Эти жалобы вынудили вятского епископа Вениамина решиться на «нещадное наказание телесное» [214, с. 95]. Так, 6 июня 1740 г. по повелению епископа были собраны все священники, дьяконы и церковники г. Хлынова и в их присутствии был «примерно» наказан священник села Медянского Евфимий Овчинников за его «понаровку и укрывательство беглого своего сына-школьника» [21, № 4, с. 64]. Подобные же меры, кстати, не считавшиеся в то время жестокими, были приняты и в отношении к школьникам с целью предостережения их от «утечек» из школы.

Вскоре по приезде Вениамина в Хлынов были подвергнуты «нещадному наказанию по школьной регуле» все те школьники, ко-

торые были «сысканы из бегов» и на «непослушанство» которых ещё до приезда Вениамина жаловались учителя в Духовный приказ. После принятия столь действенных мер побеги стали редкостью. С 1740 г. попы стали не только спешить «сбывать с рук» поскорее являвшихся к ним беглецов-школьников, но и сами нередко пускались в погоню за «утеклецами», вязали их, в случае необходимости заковывали в колодки и «за караулом» везли в Духовный приказ. Неудивительно, что к концу 1740 г. в школе насчитывалось уже до 450 учащихся, что, конечно, совсем немало для одной школы даже по современным меркам [161, с. 58–59].

Епископ Вениамин не ограничивался, однако, одними строгими мерами к прекращению «утечек» и укрывательств. Главный упор он делал всё-таки на усиление материальной поддержки школы. Он неукоснительно требовал «двадцатой доли» от монастырей, и по возможности деньгами, которые были необходимы для выплаты зарплаты учителям. Учителям «пиитики и реторики» полагалось 72 р. в год, учителю грамматики и синтаксимы – 40 р. Это было весьма значительное для того времени жалованье [214, с. 96].

В этом отношении характерно «Великому господину преосвященному Вениамину прошение учителя Федора Порошина от 8 февраля 1740 г.»: «Сего 1740 года генваря 7 дня определён я учителем школы инфимы по указу вашим преосвященством, которые до самых вакаций обучал, а за оказанные труды никакого определённого жалованья не имею, скудостью же крайнего божества одержим есмь. Тож ради вашего преосвященства всепокорнейше прошу да благоволит ваше преосвященство приказать то либо определить за прошедшие месяцы чему достоин явью...» На этом прошении епископом Вениамином наложена резолюция: «Выдать 6 рублей. Заслуживает жалованья с января по июль» [79, с. 6].

Нужны были средства и на приобретение книг, питание «убогих», то есть бедных школьников, живших при школе. Немало затрат требовал ремонт школьных изб, в которых «валились» печи, протекала крыша, кое-где отсутствовали ставни. Епископ Вениамин часто посещал школу, отмечал прилежных учеников, приказывал учителям «не опускать без наказания» никаких уклонений от «школьных регул», то есть от установленных правил [214, с. 97].

В 1739 г. он приказал открыть класс «пиитики», в 1740 г. – класс «реторики», назначив «профессором» обоих классов М. Е. Финицкого, а преподавание в классах грамматики и синтаксимы передал от

Финицкого Т. Григоровскому, которого для этой цели привез с собой из Коломенской епархии [161, с. 59].

В 1742 г. Вятский епископ Вениамин Сахновский был переведён в Воронежскую епархию. Для того чтобы после его отъезда не повторилось такое же безвластье, как после смерти Лаврентия Горки, и школа бы «не упала», М. Е. Финицкий, оправившийся при епископе Вениамине от «скудного во всем и горестного жития», убедил преосвященного освободить школу от опеки Духовного приказа и учредить для неё независимое управление в виде особой «конторы». 17 января 1742 г. такая контора была учреждена. Ей было поручено в отсутствие епископа наблюдать за исправным и своевременным «представлением» в школу священнических детей, за своевременной поставкой монастырского сбора, за успехами и поведением школьников, за всей учебной и хозяйственной деятельностью школы. Членами конторы, этого *первого на Вятской земле учреждения по организации школьного дела*, были судья Духовного приказа иеромонах Иоасаф Потёмкин, казначей архиерейского дома игумен Иоанн и М. Е. Финицкий. Поскольку первые двое делами школы занимались мало, фактически ею заведовал Финицкий [214, с. 97].

Иногда между членами конторы возникали разногласия, которые обычно разрешались к ободному удовлетворению. Например, 21 января 1742 г. сын дьячка Белтюкова, прошедший курс обучения лишь в славянской школе, просил у конторы разрешения на женитьбу, «дабы после сочетания проситься в церковный причт». Финицкий решил определить его вместо этого в «верхнюю» школу. Но «комиссар» конторы отец Иоасаф Потёмкин счёл это решение чересчур суровым и предложил следующее решение: «Просителю Белтюкову законным браком сочетаться позволить, понеже он находится уже в совершеннолетних летах; ежели ж ему, Белтюкову, по желанию его, законным браком сочетаться не позволить, то паче чаяния не случилось бы греха; а чтоб от школьного учения не отлучался, взять с него, Белтюкова, обязательство и расписку (о продолжении обучения. – *В. П.*). М. Е. Финицкий согласился с таким предложением [21, № 12, с. 199].

С целью совершенствования контроля за работой школы епископ Вениамин повелел все указы и ведомости со времени его прибытия в Хлынов, имевшие отношение к её деятельности, по описи и под расписку сдавать в контору [214, с. 98].

В январе 1742 г. Вениамин отправился в Москву для участия в коронации императрицы Елизаветы Петровны и, находясь в столице,

видимо, «испросил промоции», ибо вскоре он был переведён обратно в Воронежскую епархию. О нём осталась «на Вятке» добрая память как о просветителе, в том числе просветителе иноверцев и любителе духовного просвещения. Историк А. С. Верещагин высоко оценивал деятельность епископа Вениамина Сахновского в Хлынове. Его двухлетнее пребывание в Хлынове он сравнивает по своей значимости даже с периодом работы здесь Л. Горки [214, с. 98].

Не случайно и М. Е. Финицкий в своих «силлабах» также сравнивает Сахновского с Горкой:

Угасе добротою лампада горяща;
Втора возжеся, равные светити могуща.
Упаде веры Божией стали непоколебимый;
Днесь же ина утвердил Бог везде хвалимый.
Прейде добрый пастырь, ах, над камень гробный;
Взыде по нем на престол ин ему подобный.
Се Лаврентий епископ своя замте очи,
Но днесь на престол его Вениамин вскочи.

По умершем Лаврентии, предобром пастыре,
Полно всё слез и вопля во всём Вяцком мире;
Вениамин же прииде слезы утолити,
Хотяще же гладные овцы оживити [22, № 4, с. 67–68].

Однако А. В. Эммаусский считал, что крутые меры епископа В. Сахновского привели лишь к искусственному подъёму в работе школы, а вот широкой общественной поддержки и надлежащей материальной базы всё-таки не было [289, с. 217]. Поэтому на долю следующего вятского епископа Варлаама Скамницкого, служившего на Вятке с 27 февраля 1743 г. по январь 1745 г., выпала задача решать вопрос о дальнейшем благоустройстве школы. «Определённая на содержание студентов изба, – указывалось в официальном донесении епископу в сентябре 1744 г., – как крышкою, так и углами обветшала и к житию в ней негодна; понеже и самого приходу крыльце и двери обвалилися, к тому ж оконницы, полы, потолки, печи и самые переклады являются гнилы, и впредь уже стояти отнюдь не возможны, и к починке негодны. Да при оном же архиерейском доме три особливыя школы також, за дряхлостью печей, нагревать невозможны, а во время дождёвно всюду каплет, наипаче когда снег тает» [23, с. 587].

Столь плачевное состояние школы вынудило Варлаама искать другое помещение, и в октябре 1744 г. школа была устроена в кельях

Успенского монастыря. Бедственному состоянию помещения школы соответствовало и незавидное материальное содержание школьников: «Свечей во оной школе не малыя части не обретается, а пища обретающихся во оной студентов точию в едныя молосныя дни, а в постныя дни и праздничныя, не токмо в простыя, кроме хлеба, ни малыя части не имеется; а с сего сентября (1744 г. – *В. П.*) не только пищи, но и квасу не выдаётся» [23, с. 587].

Переселение школы в кельи собора несколько улучшило быт проживавших в ней учащихся. Впрочем, на школьный кошт были переведены самые «недостаточные» дети, главным образом сироты. Остальные иногородние ученики, как и прежде, снимали угол в городе и питались за пределами школы. Епископ Варлаам пытался, насколько это было возможно, заботиться и об улучшении содержания находившихся на казённом содержании юношей. В частности, он издал такое распоряжение: «В пищу оным студентам от того Успенского монастыря, из подлежащей двадцатой доли всякого хлеба производить печёным, к тому ж квас, толокно, капусту и для варения щей крупу, а в постные праздничные дни горох и на кашу конопляное семя; во время мясоестьев на воскресные и праздничные дни у купцов брать говяжьи мяса, по полутора пуда на каждый праздничный день, и целовальнику пищу оным студентам приуготовлять в настоящее время» [22, № 12, с. 200].

Всё это требовало средств, и епископ Варлаам принял новые, ещё более строгие меры к «утеклецам». Руководствуясь указом Святейшего Синода от 1744 г., он стал налагать на укрывателей детей от школы за каждый месяц просрочки штраф: на протопопов – 2 р., на попов – 1 р. 50 к., на дьяконов – 1 р., на дьячков и пономарей – по 50 к. при этом он требовал уплаты этого штрафа «без малейшего опущения» [214, с. 101]. Через духовный приказ (с 1744 г. – духовная консистория) он слал предписания церковнослужителям епархии, которыми подтверждал «наикрепчайше», чтобы впредь те из них, чьи дети не прошли обучение в славяно-латинской школе или не представили их на «смотры» в школу на предмет их обучения, впредь не утруждали себя подачей прошений на занятие церковных должностей под грозой «не малого штрафа» [89, с. 49].

Тем не менее одним из главных препятствий, которое сильно уменьшало просветительские возможности церкви, продолжало оставаться отсутствие денежных средств на содержание учащихся и выплату жалованья учителям. «Двадцатая доля» доставлялась в архи-

ерейский дом из монастырей и архиерейских вотчин нерегулярно. Настоятели объясняли это сильными крестьянскими волнениями. Крестьяне отказывались возделывать церковные земли, уклонялись от уплаты оброка. По мере падения доходов церкви оставалась без средств и школа. Для того чтобы священнические места были заняты достойными людьми, Варлаам предложил проводить выборы из двух-трёх претендентов. Финицкому он предложил при обучении «всякими способами и упражнениями усматривать каждого остроумия, и кто же из оных весьма туп и непонятен, и не показует ли кто из себя, удаляяся чтения, притворной тупости, и о таковых через полугодное время подавать Его Преосвященству во всякой справедливости рапорты» [89, с. 49].

После долгих колебаний покинул школу её первый учитель и первый руководитель, *Первый Учитель на Вятской Земле* Михаил Евстафьевич Финицкий. Первое «доношение» по этому поводу на имя преосвящённого Варлаама он пишет 29 августа 1743 г. В нём он указывает, что «от многовременного и неусыпного в преподаянии наук труда весьма ослабел», и потому просил отставки. Епископ Варлаам делает на «доношении» помету для отца Иоасафа Потёмкина следующего содержания: «Справиться, имеется ли такой человек у нас, который бы на место сего просителя риторическое учение преподать мог, и нам предложить» [26, с. 95].

Далее следует запрос М. Е. Финицкому из Духовного приказа с тем же вопросом. Финицкий отвечает, что есть студенты, такие как Акинфей Черепанов и Михайло Шашков, которые «во учении не худы и в школьных делах на вопросы освещают и учатся не худо, а реторическое учение преподавать могут ли, в том я мнением своим не утверждаюсь, понеже инное есть учитися, а инное учити», – честно признается Финицкий. Следует резюме Варлаама: «Пока приищется на его место другой учитель, удержать на время» [26, с. 95–97].

1 января 1745 г., перед самым отъездом Варлаама из Хлынова, М. Е. Финицкий подаёт новое прошение и на сей раз получает положительный ответ епископа. К началу 1745 г. М. Е. Финицкий фактически уже не работал в школе. На его место был приглашен выпускник Казанской духовной академии Петр Глемаровский, который вступил в должность 18 октября 1744 г. Что касается дальнейшей судьбы М. Е. Финицкого, впоследствии он был управляющим (воеводой) в Орлове и Чердыни. В 1773 г. он служил в Хлынове в провинциальной канцелярии [214, с. 102].

Епископ Варлаам выехал из Хлынова на служение в Великий Устюг, где и скончался в 1761 г. [214, с. 102]

Следующий этап развития просвещения «на Вятке» связан с именем очередного епископа Антония Илляшевича, поляка родом из Виленского воеводства, ранее служившего в сане архимандрита Московского Новоспасского монастыря [214, с. 103]. В Хлынов он приехал 29 апреля 1748 г., здесь же и скончался 16 ноября 1755 г. За трёхлетнее отсутствие в Хлынове епископа школа постепенно «падала» и приходила во всё большее расстройство. Духовная консистория и её главный в тот период член, протоиерей Троицкий Никон, не были к ней расположены и не раз получали из столицы, видимо, в ответ на жалобы учителей и учащихся, замечания о том, что в Хлынове «о пользе школы нимало не стараются» [22, № 12, с. 201].

Епископ Антоний обнаружил школу в полном запустении, без всяких средств к существованию. Вместо 400 с лишним учеников, что учились при Вениамине и Варлааме, в ней оставались менее половины, да и тех содержать было не на что. Помимо Успенского Трифонова монастыря, который «довольствовал» школьников печёным хлебом и квасом, все остальные монастыри доставляли за «двадцатую долю» в общей сложности не более ста рублей, которых недоставало даже на выплату жалованья учителям. С такими средствами, сокрушался Антоний, «не токмо на исправление нужно-потребного, но и на пропитание было недостаточество; и ученики, и за толиким оных числом, не токмо нижних школ, но и реторические студенты питались токмо единым хлебом, а харчевных припасов не точию по вся дни, но и на праздничные ничего не получали, и за тем как в препитании, так и в школьных потребах крайнюю несли нужду» [22, № 12, с. 202].

Антоний был образованным человеком и стремился «восстановить пришедшее до него в упадок учение». Дело осложнялось тем, что с уходом М. Е. Финицкого, «выпущенного в светское звание», его преемники, уступавшие ему в знаниях и твёрдости характера, сильно запустили школу. Епископ Антоний назначил старшим учителем ученика Финицкого Алексея Свирепова, открыл риторический класс, из которого со временем стали выходить сочинители предиков и проповедники. Он так ценил в Свирепове сочинителя проповедей, что приказал его, хотя «оный и малогласен», оставить при Свято-Троицком и Николаевском соборе за протодьякона, «дабы смотря на то другие при семинарии вятской студенты большую по обучению охоту и по изучению против неучёных в производствии к лучшим местам надежду имели» [89, с. 59].

В то же время, следуя духу и букве «Духовного регламента», где указано, «яко не подобает академии хвалитися тем, что много учеников имеет», он приказал оставить в школе только «остроумных и надёжных», а излишних «непонятных», а также из «нижних школ великорослых», совсем «от школы уволить», взяв с них при этом «за обстоящую нужду, смотря по состоянию, кто что понесть может, денежные штрафы» [22, № 12, с. 202].

Оставив в школе не более 95 учеников, епископ Антоний сделал всё необходимое для улучшения их материального содержания. Завёл строгую отчетность по архиерейскому дому, следил за исправным внесением штрафов и «двадцатой доли» или денег вместо неё. Он распорядился «с произведённых и впредь производимых попов, дьяконов, также дьячков и пономарей, как в латинской школе в науках не были, на содержание студентов каждый год брать с священника по рублю, с дьякона по пятьдесят копеек, с пономаря и дьячка по 25 копеек» [22, № 12, с. 203].

Действуя решительно, придерживаясь режима строгой экономии, епископ Антоний добился того, что учащиеся, получая хлеб, квас и толокно по-прежнему из Успенского Трифонова монастыря, могли уже питаться в «молосныя дни» даже ветчиной, в праздничные – свежим мясом, гречневой кашей с маслом, в постные же дни – горохом и капустой, а «когда недорога была по продаже по праздникам и рыбой». Самые бедные из школьников «были снабдеваемы и одеждою, и прочим, кому что оказывалось особливо нуждопотребным» [22, № 12, с. 203].

В 1751 г. Антоний изыскал возможность вывести школьников из тёмных келий монастыря и к лету следующего года успел построить совершенно новое здание; оставалось сделать лишь некоторые внутренние работы. Епископ Антоний Илляшевич стремился к улучшению положения школы и школьников, «дабы они большую охоту имели ко учению». Он посещал духовную консисторию каждую среду и пятницу, часто заходил и в школу. Епископ Антоний всегда сам «свидетельствовал», то есть проводил отбор представляемых в школу священнических детей свыше 7 лет на предмет учения. «Острых» направлял в школу, а «тупых» «увольнял от ученья, дабы напрасной надежды на производствие во священнический чин не имели» [22, № 12, с. 204].

В школе Антоний бывал ласков и доступен, выслушивал все жалобы и «в поощрение ко учению» удовлетворял желаниям школьни-

ков, если находил это возможным. Помимо Свирепова, он высоко ценил учителя Ушакова «за достойное их славянско-латинского диалекта учение». Если не было возможности поднять жалованье, то, по крайней мере, он всегда отдавал этим учителям предпочтение перед их малообразованными коллегами. Тех же, кто не нравился ему своей «веселой, небережливой жизнью», как, например, Радикорский, несмотря на все их дарования и познания, Антоний удалял из школы [214, с. 105].

В июле 1752 г. страшный пожар обрушился на Хлынов. В огне сгорела значительная часть построек Успенского Трифонова собора, весь архиерейский дом, духовная консистория, многие церкви и дома жителей. Погибла и только что построенная школа, в которой так и не довелось поучиться хлыновским школярам. По причине наступившего бедствия стало не до учебы. С чувством глубокой горечи епископ Антоний распускает всех школьников по домам, и «учение» в Хлынове прерывается на целых шесть лет... Так завершилась история первого на Вятской земле учебного заведения – славяно-латинской школы [214, с. 105].

2.5. Хлыновская (Вятская) духовная семинария – наследница славяно-латинской школы (с 1758 г.)

Восстановление «учения школьного» в Хлынове выпало на долю епископа Варфоломея Любарского, которого с полным основанием можно назвать, вслед за Л. Горкой, вторым «фундатором» (основателем) школьного образования «на Вятке». Любарский находился в несколько более благоприятном положении по сравнению со своими предшественниками, поскольку в период его управления епархией крестьянские волнения сошли на нет, «отпиравшиеся» (то есть отказывавшиеся платить оброк монастырям) крестьяне были возвращены в монастыри, и в распоряжении епископа оказалось достаточное количество средств для открытия школы [161, с. 67].

Варфоломей Любарский родился в 1699 г. в городе Менве (впоследствии Черниговской губернии) в семье священника. Учился в Черниговской семинарии и Киевской духовной академии, работал в Смоленской шляхетной школе учителем и префектом, а с 1738 г. – ректором. В дальнейшем он служил архимандритом Аврамиева монастыря, с 1744 г. – в Боровском Пафнутьевом монастыре. В 1745 г. был переведён «для учреждения порядка» в училищах Ростовской епар-

хии в Спасо-Ярославский монастырь. Епископом Вятским и Слободским Варфоломей был назначен 19 июля 1758 г.; в Хлынове он и умер 4 июня 1774 г. [214, с. 109]

Уже спустя десять дней после прибытия «на Вятку», 26 октября 1758 г., епископ Варфоломей «определяет»: школу при архиерейском доме «возобновить по-прежнему». Но это должна была быть школа другого, более высокого уровня по сравнению с прежней, славяно-латинской. Новая школа, учреждённая в 1758 г., носила название «духовная семинария» [214, с. 110]. Новому названию учебного заведения и его новому статусу должно было соответствовать новое содержание его работы, более высокий уровень материального обеспечения этого вновь создававшегося учреждения. Первым делом епископ Варфоломей учреждает семинарскую контору (позднее – «семинарское правление») в составе ректора (им обычно был архимандрит Успенского Трифонова монастыря), префекта (фактически директора) и прокуратора (начальника материально-хозяйственной частью школы, и в разное время называвшегося «суперинтендантом» и «надзирателем» экономии) [214, с. 110].

Непосредственное руководство семинарией епископ Варфоломей поручил наместнику Успенского Трифонова монастыря иеромонаху Софонии, впоследствии архимандриту Слободского монастыря. Контора незамедлительно занялась «разбором» представленных «на смотр» детей 10–12 лет для направления их в школу «славяно-латинского диалекта». Разумеется, в школу, которая была открыта столь быстро только что прибывшим епископом, смогли прибыть лишь дети духовенства из Хлынова и ближайших к нему населённых пунктов. Из «пермской десятины» (то есть на 10% выделенных для пермяков мест) не приехал, например, никто. Поэтому В. Любарский в начале 1759 г. открыл в Кунгуре и Соликамске начальные школы, по образцу прежней славяно-латинской в Хлынове, и назвал их гимназиями. Причём школа в Кунгуре была «старшей», а в Соликамске – «младшей» [161, с. 68].

Для лучшего управления школами туда в 1769 г. был послан инспектор иеромонах Никодим. Эти две школы готовили детей к учебе в Хлыновской духовной семинарии. Однако в 1763 г. стало известно, что монастырские и архиерейские крестьяне будут отобраны от владельцев, и спустя год эта мера начала приводиться в исполнение. Как следствие, усилился недостаток средств в монастырях и епархиях. Школы пермской вотчины лишились материального содержания и

были закрыты в 1764 г. Сильно сократилось и количество учащихся в Хлыновской семинарии – с пятисот до трёхсот. Духовная семинария разместилась в Успенском Трифоновом монастыре, «в новопостроенных безнуждных монастырю кельях» [26, с. 591].

Особое внимание епископ Варфоломей уделял приглашению учителей для новой семинарии. 2 ноября 1758 г. в Духовной консистории был заключён контракт с приглашённым из Харьковского коллегиума студентом богословия Огинским, взявшимся обучать в школе «от аналогии даже до риторики» [22, с. 589] и уже на следующий день приступившим к работе, с помощниками, выпускниками прежней школы братьями М. и Н. Сеземовыми [214, с. 111].

В конце 1760 г., когда количество учащихся достигло трёхсот человек, епископ Варфоломей повелел открыть класс риторики. Для преподавания в нём он пригласил из Ростовской епархии Григория Хрещатицкого, который через год стал префектом школы. Показал себя достойным педагогом и приглашенный богослов Адорский. В конце 1762 г. епископ Варфоломей вызвал из Киевской духовной академии новых учителей, с которыми прибыл на Вятку и его племянник Петр (в монашестве Платон) Любарский, «служивший с отличием богословию» [23, с. 590]. Петр Иванович Любарский (ок. 1735–1811) преподавал в семинарии риторику, философию (по пособию Баумайстера) и важнейшие догматы богословия, обучал семинаристов сочинению проповедей и публичному их «сказыванию». Он впервые в хлыновских школах ввёл обучение географии и вообще поставил деятельность семинарии таким образом, что она стала заметным явлением жизни города [161, с. 68].

Без семинарии стало уже невозможно представить город Хлынов. Об «утечках» никто давно не вспоминал. Священники стремились пристроить своих сыновей в семинарию, поступить в которую стало престижно и непросто. Выпускники семинарии занимали по окончании этого учебного заведения лучшие в епархии священнические места. Именно в этот период семинария стала обеспечивать себя преподавательскими кадрами из своих бывших воспитанников. Епископ Варфоломей оказывал ей постоянное содействие. Так, в 1761 г. он выписал для библиотеки семинарии из-за границы книг на латинском и греческом языках на сумму 1492 р. 77 к. [89, с. 77] С этого же года в семинарии началось преподавание арифметики. Несмотря на духовный статус семинарии, обучение в ней стало более практическим, приближённым к потребностям жизни, прежде всего, за счёт

преподавания арифметики, географии и элементов истории. По мнению иркутского епископа Михаила, побывавшего в Хлынове в 1772 г., это была одна из лучших семинарий своего времени [23, с. 590].

Большое внимание уделял семинарии и следующий епископ Вятский и Слободской Лаврентий II Баранович, происходивший «из великороссиян Путивльского уезда» [89, с. 77]. В Вятской епархии он служил с 6 августа 1774 г. до самой смерти 13 марта 1796 г. По возрасту Лаврентий II был на 33 года моложе своего предшественника, и его энергия, знания, желание усовершенствовать деятельность семинарии вскоре принесли свои плоды. Первой заботой епископа Лаврентия II стало расширение круга предметов обучения [214, с. 112–113].

Хотя П. И. Любарский и ввёл в программу обучения «нужнейшие догматы» и философию, их преподавание было как бы необязательным и зависело от желания самого преподавателя, а специальных классов и преподавателей этих предметов не было. Поэтому он пригласил из Санкт-Петербурга известного богослова Транквиллина, который был определён в архимандриты Успенского Трифонова монастыря, стал ректором семинарии и одновременно учителем богословия. Впоследствии был открыт философский класс, первым учителем которого стал префект Антон Попов. Классы поэтики и риторики были объединены, что означало некоторое снижение значимости этих предметов [214, с. 113].

С 1779 г. епископ Лаврентий II ввёл в семинарии публичные философские и богословские диспуты, которые стали проводиться в школе перед «вакациальным временем» и служили своего рода экзаменом, как бы отчетом о том, чему семинаристы научились за год, какие знания приобрели и в какой степени овладели искусством ведения дискуссий. В 1780 г. началось обучение греческому языку, было усилено обучение математике за счёт преподавания алгебры и геометрии [161, с. 69]. Епископ Лаврентий II поощрял преподавателей, направлял их на учёбу в Троицкую семинарию, считавшуюся лучшей в России, в Московскую духовную академию и университет. Библиотека семинарии постоянно пополнялась, причём уже не только классическими и редкими изданиями, но и российскими периодическими изданиями, а также произведениями тогда только ещё нарождавшейся русской литературы [161, с. 69].

В связи с ростом количества учащихся, усложнением учебных программ и круга изучаемых предметов площадей для проживания и обучения семинаристов в помещениях Успенского Трифонова мона-

стыря не стало хватать. Кроме того, как отмечал епископ Лаврентий II, постоянные сношения учеников с городскими обывателями не способствовали нравственному росту будущих духовных пастырей. Для удаления последних от городских соблазнов летом 1795 г. семинария, согласно Указу Святейшего Синода от 3 июля 1790 г., была переведена во вновь построенные за счёт кафедрального собора и сохранившиеся до настоящего времени два каменных здания рядом с загородной архиерейской дачей у деревни Филимоновы на берегу речки Люльченка [214, с. 114]. (Другие названия этой речки – Люличенка, Юльченка, Юрченка.) Каждое здание было длиной 25 сажен. В них семинария размещалась весь последующий период своего существования. Ныне эти здания находятся на территории бывшей воинской части в районе улицы имени Романа Ердякова (ранее она называлась Кирпичной) города Кирова. Для строительства этих зданий поблизости был даже открыт кирпичный завод, работавший вплоть до конца XX в., а сама улица получила название Кирпичной. До недавнего времени она оставалась единственной улицей в г. Кирове, сохранявшей своё историческое название. В начале 2000-х гг. Кировская городская дума приняла решение переименовать её. Видимо, депутаты и члены топонимической комиссии посчитали, что название *Кирпичная* стоит в одном ряду с такими «названиями», как, скажем, Шлакоблочная, Угольная, Керамзитовая, Железобетонная, Арматурная, Щебёночная, Мазутная, Битумная и т. п.

Будучи ревностным сторонником образования духовенства – а другого социального слоя, способного нести знания в народ, тогда просто не было, епископ Лаврентий II стремился довести вятское духовенство до степени просвещённости, достойной его предназначения. Поэтому и тех, кто «домогался» высоких священнических должностей, и тех, кто просил низшие церковничьи места, – всех этих лиц епископ «испытывал» лично, каждому устраивал экзамен. Выслушивал, кто как считает и поёт, грамотно ли пишет, знает ли священные книги. Для этого были учреждены особые дни. Тот, кто не выдерживал экзамен, направлялся епископом в специально учреждённую им так называемую ставленническую школу. Если же и после этого церковного «рабфака» служитель оказывался неспособным сдать экзамен, он оказывался удалённым из духовного звания, и отправлялся служить в другое ведомство, чаще всего в военную службу или в провинциальную канцелярию [214, с. 114–115].

В то время как епископ Варфоломей Любарский делал всё необходимое для того, чтобы семинария твёрдо встала на ноги, при еписко-

пе Лаврентии II Барановиче она достигла своего расцвета. Их последователи епископы Амвросий I Яковлев-Орлин (6.09.1796–2.09.1804), Серафим Глаголевский (26.06.1804–7.07.1805), Гедеон Ильин (1805–3.05.1817), Амвросий II Визезеров (15.07.1817– 2.01.1823) и другие были, как отмечает вятский историк А. С. Верещагин, её добрыми покровителями, и они заботливо обращали внимание на улучшение то одной, то другой стороны её деятельности [23, с. 590].

Епископ Амвросий I особенно внимательно следил за материальным снабжением, ввёл обучение современным иностранным языкам – немецкому и французскому. Епископы Серафим и Гедеон проявляли заботу об уровне подготовленности выпускников. Благодаря плодотворной работе префектов семинарии П. И. Любарского, А. И. Попова, А. И. Шестакова, Ф. И. Пинегина, Е. С. Леонтьева и других учебная и воспитательная работа семинарии находилась на достаточно хорошем уровне [214, с. 115].

На протяжении всех лет своего существования, вплоть до её преобразования в 1818 г., семинария располагала достаточно квалифицированными учителями, энтузиастами педагогического и духовного дела. Однако недостаточное финансирование сужало её возможности. Особенно тяжёлое положение сложилось с 1764 г. в связи с секуляризацией церковных земель и сокращением значительного количества монастырей. С 1765 г. из коллегии экономии на содержание семинарии отпускались крайне небольшие суммы (490 р.), в то время как годовое жалованье учителя старших классов было 80–100 р., а учителя младших классов – 30–40 р. Несколько улучшилось положение преподавателей в 1784 г.: на семинарию стало отпускаться до 2000 р. в год. Преподаватель старших классов стал получать по 200 р., а младших – по 60–90 р. С 1797 г. на семинарию стало отпускаться по 3500 р., но в те годы резко возросла и стоимость продуктов питания [161, с. 70–71].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. необходимость образования, его важность и значимость для развития общественного устройства не были ещё в достаточной степени осознаны подавляющим большинством жителей Вятского края, как и всей России в целом. Поэтому какой-то существенной помощи от зажиточных горожан или купцов, располагавших значительными средствами, семинария, так же как и другие ей подобные учебные заведения, располагавшиеся в целом ряде городов России, не получала. В этом отношении очень показателен такой факт. Когда манифестом Екатерины II

от 14 декабря 1766 г. городу Хлынову, как и другим городам России, было предложено избрать депутатов в комиссию по составлению нового Уложения и снабдить их наказом от избирателей, то в наказе, который повёз в столицу хлыновский депутат купец 2-й гильдии Петр Злыгостев, не было даже упоминания о каких-то просьбах или требованиях в области просвещения [214, с. 116].

Желание хоть несколько облегчить нелёгкое существование учителей, особенно младших классов, школьных служителей (сторожей и пр.), а также казённо-коштных воспитанников (в основном сирот), побуждало епископов прибегать к нетрадиционным средствам пополнения бюджета семинарии. Так, епископ Варфоломей обязал всё духовенство собирать налог в своих приходах – по 1 к. с двора. Епископ Лаврентий II в 1784–1790 гг. отпускал на нужды семинарии ежегодно 1000 р. из средств кафедрального собора. Ещё со времен епископа Варлаама бедным ученикам давалось вспомоществование с незанятых священнических мест. Епископ Гедеон на личные средства содержал по 10 семинаристов ежегодно. Епископ Лаврентий II нередко жертвовал в пользу семинаристов имевшиеся в его распоряжении продукты и скот [214, с. 116–117].

Преподавателями семинарии, за некоторыми исключениями, были выпускники этого же учебного заведения. Многие из них, завершив обучение в семинарии, продолжали учебу в ведущих учебных заведениях России, а потом возвращались в родной город. Например, Г. Д. Осокин, В. В. Дьяконов, Г. Е. Мышкин учились в Московском университете, Г. И. Пинегин, П. Р. Орлов, Ф. С. Глазырин, С. И. Кулыгинский, С. И. Шестаков, Н. Е. Тукмачев – в Казанской духовной академии, С. Г. Калачников, П. И. Малинов, М. М. Зубарев – в Троицкой семинарии, А. И. Шестаков – в Александро-Невской семинарии, одновременно с будущим известным политическим деятелем и просветителем М. М. Сперанским. Как утверждает А. С. Верещагин, многие преподаватели семинарии выделялись глубиной своих познаний. Среди них – ректор семинарии архимандрит Транквиллин, Е. Ф. Тукмачев, А. К. Шкляев, З. О. Лятушевич, А. И. Шестаков, Е. С. Леонтьев, П. Р. Орлов, А. И. Попов [161, с. 71–72].

В среде преподавателей отмечалось посильное и здоровое соревнование. Поскольку профиль семинарии, особенно в первые десятилетия её работы, был классическо-филологический, многие преподаватели греческого, латинского и русского языков увлекались переводами, сочинением собственных произведений. Частично эти произ-

ведения дошли до наших дней и представляют определённый литературный, исторический и краеведческий интерес. Известны печатные переводы А. И. Шестакова работ итальянского писателя Каранчиана, перевод И. М. Ушаковым учебника философии Баумайстера. Игумен Мисаил Сапожков и В. Я. Сокольников также были известны своими переводами. Последний, в частности, перевёл с французского языка «Историю философии». Г. И. Пинегин писал труды по истории Вятской епархии [23, с. 593]. Среди преподавателей семинарии была распространена склонность к «пиитизму». В преподаватели этого класса избирались только те выпускники семинарии, которые ранее уже зарекомендовали себя стихотворцами. Большинство стихов оставалось в рукописях, но некоторые были «преданы тиснению», т. е. были напечатаны [23, с. 594]. В истории вятской поэзии как составной части общерусской поэзии остались имена С. И. Кулыгинского – автора торжественных од, «виршеслагателя» А. Н. Серебреникова, сатирика А. И. Попова [20].

Хлыновская (Вятская) духовная семинария в течение всех лет своего существования поставляла кадры для светских и духовных учреждений и других учебных заведений. Так, начиная с 1780 г., когда было открыто Вятское наместничество, семинария ежегодно направляла значительную часть своих выпускников на пополнение чиновничьего корпуса. С 1783 г. выпускники были востребованы для определения их в «лекарские классы». Любопытно, что отдавали в лекари худших выпускников, а лучших префект и ректор стремились оставить для духовного звания [214, с. 118].

В 1783 г. лучшие выпускники семинарии стали направляться для продолжения обучения в учительскую семинарию при Главном народном училище в Санкт-Петербурге. Так, из богословского класса были направлены И. Ф. Яковкин, И. Мышкин, Е. Шутихин, из философского – Н. Попов, П. Протопопов, Е. Зубарев [214, с. 118].

С открытием главного и малых народных училищ в Вятском наместничестве семинария регулярно поставляла преподавателей для них. В 1786 г. в малые народные училища были направлены Ф. Серебренников, Д. Хрулёв, Д. Савинов, в 1789 г. – И. Калашников, Г. Лучинин, А. Широких, И. Мышкин, в 1790 г. – А. Вештомов (в Сарапульское малое народное училище), Д. Зыков (в Котельничское малое народное училище), Д. Плетенёв (в Нолинское малое народное училище) и др. [161, с. 72–73]

В 1800 г. была открыта Пермская семинария и Вятская семинария передала ей практически полный состав преподавателей. Были

направлены выпускники Вятской семинарии и в другие вновь открывавшиеся учебные заведения Пермской губернии. Проявили себя выпускники Вятской духовной семинарии и на научном поприще. Н. Е. Черепанов стал профессором Московского университета, а И. Ф. Яковкин – профессором и первым руководителем (директором) Казанского университета [196, с. 66–67].

Чем же всё-таки принципиально отличались содержание и характер обучения в духовной семинарии от обучения в славяно-латинской школе? В начальный период работы семинарии (1758–1759) в ней были всё те же четыре низших класса, что и до 1752 г., лишь с некоторыми изменениями в названиях, например «информатория» вместо «фары». В 1761 г. появился класс поэзии, в 1762 г. – риторики и семинария. Таким образом, семинария лишь «догоняла» славяно-латинскую школу. Однако в последнем классе П. И. Любарский (в 1764–1772 гг.) изучал со студентами философию и краткое богословие. Тем самым закладывалась основа для перехода семинарии на содержательно новый уровень обучения. Привлечение известных педагогов, улучшение материально-бытовых условий позволили семинарии сделать важный шаг вперёд: в 1775 г. открылся философский класс, а в 1779 г. – богословский класс. Таким образом, студенты Хлыновской духовной семинарии получали, по крайней мере официально, полный курс наук, предусмотренный для высших духовных учебных заведений того времени. К тому же уже раньше в семинарский курс были введены священная история, арифметика и география [214, с. 119–120].

Круг преподаваемых предметов расширялся едва ли не каждый год: 1780 г. – греческий язык; 1781 г. – всеобщая история (сначала краткая – в «низших» классах, потом «пространная» – в «высших» классах); 1786 г. – рисование и, по примеру введённых в этот год народных училищ, изучение книги «О правах и обязанностях человека и гражданина»; 1789 г. – алгебра, геометрия, еврейский язык; 1802 г. – французский язык; 1803 г. – основы медицинского дела; 1809 г. – церковная архитектура [214, с. 120].

Такое расширение круга изучаемых предметов было продиктовано стремлением передовых вятских педагогов сделать шаг вперёд в направлении преподавания реальных знаний, приближения подготовки своих воспитанников к практическим требованиям жизни и производства, а также с целью сохранения семинарией своего статус-кво в условиях конкуренции со стороны Вятского главного народного учи-

лища и уездных малых народных училищ. Тем не менее семинария оставалась типичным сословно-духовным учебным заведением, которое всецело находилось под контролем церкви, несмотря на все проводившиеся в ней преобразования в направлении усиления светскости. Со временем ей было уже не под силу в полной мере удовлетворить растущую тягу вятчан к образованию и стремление местного общества к светской культуре.

III. НАЧАЛО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

3.1. Деятельность главного и малых народных училищ Вятской губернии

Экономическое развитие России, рост городов и увеличение численности государственного аппарата, а также становившаяся всё более очевидной необходимость распространения грамотности среди непривилегированного, прежде всего городского, населения, побудили императрицу Екатерину II обратить пристальное внимание на проблему развития образования в стране [65, с. 162].

Отставание в этом вопросе от ведущих стран Европы становилось всё более очевидным, что грозило в недалёком будущем неизбежным, и очень существенным, отставанием в сфере экономики и культуры. Было ясно, что отдельные, как правило, не связанные между собой, лишённые преемственности учебные заведения не способны служить надёжным основанием в деле обеспечения прогресса в социально-экономической, военной и культурной сферах российского общества. Нужна была именно система образования, рассчитанная на удовлетворение образовательных потребностей возможно большего количества граждан, за исключением, разумеется, тех, кого власти относили к «подлому сословию». Некоторое время Екатерина II колебалась в отношении выбора пути развития образования в стране. В частности, она изучала опыт Франции с её университетскими округами. Согласно этой системе, все регионы страны должны были иметь свой университет, который бы становился руководящим административным, методическим и научным центром осуществления образовательной политики на местах. Но для реализации этого плана требовалось как минимум создать несколько университетов, причём в разных

регионах страны. Этот план был частично реализован, но несколько позднее, в начале XIX в. императором Александром I. Пока же было решено использовать модель, которая успешно осуществлялась в ряде европейских стран (германские государства, Австро-Венгрия и др.) [65, с. 163].

В 1782 г. в столице была создана комиссия народных училищ. Это был правительственный орган, прообраз будущего министерства народного просвещения. Фактическим руководителем комиссии был специально приглашенный из Австро-Венгрии в Россию видный деятель просвещения, крупный учёный и последователь идей Я. А. Коменского Федор Иванович Янкович де Мириево (1741–1814), серб по национальности. Ранее он создал систему просвещения в Австро-Венгерской империи, и в России учреждавшаяся императрицей система строилась по австрийскому образцу [227, с. 199]. Комиссия подготовила «Устав народным училищам в Российской империи», согласно которому предполагалось открывать в крупных (губернских) городах четырёхклассные главные народные училища (далее – ГНУ) с пятилетним сроком обучения; четвертый класс продолжался два года), а в малых (уездных) городах, – малые народные училища (далее – МНУ) (с двухлетним сроком обучения). По окончании МНУ ученик мог перейти на обучение в старшие классы ГНУ, поскольку их учебные планы были согласованы между собой. «Устав…» дополнялся «Руководством учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи», «Правилами для учащихся в народных училищах» [227, с. 200].

В учебный план ГНУ включались следующие предметы: чтение, письмо, счёт, краткий катехизис, священная история, чистописание, рисование, арифметика, история (всеобщая и русская), география, грамматика, геометрия, механика, физика, естественная история и архитектура. В МНУ изучались предметы первых двух классов ГНУ. При ГНУ открывались библиотеки, учебные кабинеты, где должны были быть наглядные пособия по естественной истории, физике и математике. В качестве учебного пособия по нравственному воспитанию использовалась «Книга о должностях человека и гражданина», в которой объяснялись детям их обязанности по отношению к богу, царю, семье и другим людям. Материальное обеспечение и руководство ГНУи МНУ возлагались на приказы общественного призрения [225, с. 11].

В 1786 г. императрица Екатерина II приступила к открытию главных и малых народных училищ. В первый год предполагалось

начать учебный процесс в ГНУ в двадцати пяти губернских городах, в том числе в городе Вятке. Планировалось также открыть – и план этот был осуществлен – значительное количество МНУ. Всего к концу XVIII в. в России было открыто 315 ГНУ и МНУ с количеством учащихся около 20000; в них работали 790 учителей [65, с. 164–165]. Эти первые в истории России светские, провинциальные, по тому времени достаточно массовые общеобразовательные учебные заведения должны были открыться с особой торжественностью 22 сентября, в день тезоименитства (именин) императрицы, «дабы, – как указывалось в полученных губернаторами высочайших рескриптах, – сей день, в блаженстве России знаменитый, имел сугубую славу и по начавшемуся в нём всеобщему народному просвещению» [143, с. 73].

Высочайший рескрипт был подписан 12 августа, и вскоре казанский генерал-губернатор князь Платон Степанович Мещерский, наряду с другими губернаторами, получил его [161, с. 76]. В рескрипте было дано уведомление о решении главной комиссии народных училищ, одобренном императрицей, открыть главные и малые народные училища в России, и выражалось требование по подготовке к назначенному дню всего необходимого к открытию в Вятке «главной народной школы» и нескольких «малых» по уездным городам. Необходимо было также отыскать средства на содержание этих школ из доходов – городских и приказа общественного призрения, но «без отягощения казны и без оскудения для других полезных заведений» [268, т. 1, с. 236].

25 августа управитель Вятского наместничества Федор Федорович Желтухин получил от генерал-губернатора копию императорского рескрипта и распоряжение Мещерского в связи с необходимостью открытия в г. Вятке главного, а в г. Слободском – малого народных училищ [161, с. 77]. Генерал-губернатор давал следующие предписания: во-первых, сделать в обоих городах объявления об открытии училищ; во-вторых, подыскать для них помещения. Разумеется, готовых «публичных зданий», подходящих для этой цели, быть не могло, их ещё нужно было «обрести», то есть снять в аренду или купить. Для обеспечения финансовой стороны вопроса следовало провести переговоры (правильнее бы было сказать «уговоры») с «головами городскими и с именитейшими из купцов», а «для лучшего ими внятия» дать им на прочтение императорский рескрипт. Генерал-губернатор писал также в своём предписании к управителю, что, «как скоро явятся ко мне учителя и будут присланы устав и штаты и книги учи-

лищам подлежащие, не умедлю ни дня отправлением их к вам» [268, т. 1, с. 237].

В послании П. С. Мещерского выражалось беспокойство по поводу того, что до 22 сентября оставалось слишком мало времени. Желтухин незамедлительно занялся выполнением указаний, данных в рескрипте и в письме генерал-губернатора. Городские власти объявили жителям Вятки и Слободского о намерении открыть в их городах школы [161, с. 77]. Это извещение вызвало чувство радости у местных жителей. В ответном послании генерал-губернатору Желтухин отмечает: «Не могу умолчать... чтобы не донести Вашему сиятельству с какой радостью сиё Высокомонаршее пожалование в обоих городах всеми вообще принято. Каждый согражданин с пролитием слёз воссылал Всевышнему прошение о здравии Всеавгустейшей нашей Монархини, заявя при том, что они будут споспешествовать Высочайшему соизволению пособием и содержанию учащих» [268, т. 1, с. 238].

Наместник провёл с городскими головами и именитейшими гражданами совещание на предмет подыскания подходящих для школ зданий. Генерал-губернатор обещал сам решить вопрос с присылкой учителей и самых необходимых учебных пособий и книг; все остальные проблемы: мебель, здание, материальное обеспечение задуманного – предстояло решать местным властям. В результате под ГНУ поначалу был определён флигель в здании наместнического правления, в приходе Воскресенского собора, но в итоге сняли за 40 р. в год четыре комнаты в доме архиерейского певчего Котлецова. Здание располагалось неподалеку от Троицкого собора, на городском валу. Это здание, как оказалось в процессе эксплуатации, было малопригодно для учебных целей, и через два года «за нестерпимую стужу в оном» училище было переведено в находившийся в центре города дом пономаря Константиновской церкви Никиты Окишева, которому за аренду выплачивалось 39 р. в год [161, с. 77].

В 1789 г. училище в очередной раз переехало: под него был отдан верхний этаж дома городского магистрата. В июне 1800 г. оно уже размещалось на новом месте, в помещении только что упразднённого Верхнего земского суда, на втором этаже каменного корпуса присутственных мест. Но 20 марта 1809 г. там произошел пожар, и училище в очередной раз вынуждено было переехать. На этот раз ему отвели новое помещение в деревянном доме вблизи Царевской церкви [161, с. 78]. В итоге училище так и не дождалось положенного ему по

«Уставу народным училищам» «специально спроектированного двухэтажного каменного здания». По «Уставу...» на втором этаже должны были быть комнаты для классов и библиотеки; нижний этаж предполагался для проживания учителей. При этом учителям старших классов полагались трехкомнатные квартиры с кухней, учителям младших классов – двухкомнатные. Для Слободского малого народного училища было отведено помещение в «верхнем» (то есть втором) этаже каменного здания, занимаемого земским судом [143, с. 74].

Вскоре в Вятку прибыли средства для приобретения книг и наглядных пособий в размере 425 р. 70 к. [161, с. 78] Приехали и учителя, назначенные на работу в Вятское училище. Расскажем о каждом из *первых вятских учителей первой государственной светской школы.* Учителем 1-го класса был назначен Ефим Виглинский, сын священника, уроженец села Виглина Весьегонского уезда Тверской губернии, ранее получивший образование в Александро-Невской семинарии. Во 2-й класс был определён Григорий Тихомиров, сын дьякона, родом из села Хорошева Московского уезда Московской губернии. Получил образование в Московской духовной семинарии. Помимо занятий со своим классом Тихомиров в 3-м и 4-м классах преподавал латынь, «пространный» катехизис и «изъяснения» Евангелия. Занятия в 3-м классе были поручены Ивану Мышкину. Он оказался *единственным среди первого состава учителей уроженцем Вятского края.* Сын дьякона с. Кырмыжского Вятского уезда. Образование получил в Вятской духовной семинарии. И. Мышкин вёл также в 4-м классе географию, политическую историю и естественную историю [143, с. 74].

С учениками старшего, 4-го класса, стал заниматься Тимофей Титович Рапинов – личность незаурядная, человек, вошедший в историю Вятского края. Рапинов происходил из семьи священника. Родился в 1758 г. селе Остарки Мамадышского уезда Казанской губернии. Окончил курс Казанской духовной семинарии. Преподавал в ВятГНУ арифметику, геометрию, механику, архитектуру, физику, русский и латинский языки, рисование. Он был фактически за «главного» среди названной группы учителей. Этому способствовали и его возраст, и качества руководителя, позволившие ему впоследствии стать во главе ВятГНУ (в 1801 г.) и первой Вятской мужской гимназии (в 1811 г.). Кроме того, учителя старших классов и считались по статусу «старшими» по сравнению с учителями младших классов [143, с. 74].

Давая характеристику первым вятским светским, хотя и вышедшим из священнических семей и получивших сначала духовное образование, учителям, следует отметить, что все четверо были выпускниками открытого в 1782 г. *Санкт-Петербургского главного народного училища*, в то время единственного в России учебного заведения, готовившего специалистов, предназначенных к занятию учительских должностей. Фактически это была учительская семинария. Более того, они закончили указанное учебное заведение в *первом выпуске,* насчитывавшем не более двух десятков человек. Пятая часть выпуска была направлена именно в Вятку. (Руководителем этой первой «альма-матер» российских учителей был Фёдор Иванович Янкович-де-Мириево.) В 1803 г. Санкт-Петербургское ГНУ было преобразовано в так называемую учительскую гимназию. Это название породило путаницу, поскольку одновременно стали появляться обычные гимназии, – средние общеобразовательные учебные заведения. Поэтому уже через год педагогическая гимназия стала именоваться педагогическим институтом. Это был первый в России педагогический вуз, ныне Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена [161, с. 79].

Таким образом, все четверо: Виглинский, Тихомиров, Мышкин и Рапинов – *имели наилучшее по тому времени педагогическое образование*, причём по разным специальностям. Так, например, Рапинов окончил курс математических наук и немецкого языка. Можно с большой долей вероятности утверждать, что ни одна провинциальная школа в России, создававшаяся в то время, не имела таких подготовленных учителей. Председатель главной комиссии народных училищ граф Петр Васильевич Завадовский (1739–1812), в будущем (с 1802 г.) первый министр народного просвещения Российской империи, в отношении к казанскому генерал-губернатору с особенной заботой поручал его покровительству как молодых наставников, так и само дело открытия училищ.

Первым директором первой светской школы на Вятской земле по представлению наместника *был назначен 20 ноября 1786 г. коллежский асессор Иван Стефанович.* Он был родом из польской шляхты. В молодости окончил Киевскую духовную академию. С 1759 г. преподавал риторику и историю в Псковской, а с 1762 г. – в Казанской семинариях; в последней был профессором философии и богословия. В 1776 г. Стефанович был определён в Яранскую воеводскую канцелярию уездным казначеем. Оттуда в 1780 г. был переведён заседате-

лем в Вятский Верхний земский суд. В 1786 г. занял должность председателя второго департамента губернского магистрата и одновременно советника наместнического правления. Он продолжал совмещать эти обязанности и после своего назначения директором [143, с. 74].

За несколько дней до 22 сентября 1786 г. жителям Вятки было объявлено о предстоящем торжественном открытии училища. В назначенный день «благородное общество» города: дворяне, чиновники, купцы, а также только что прибывшие учителя и принятые в училище ученики – собрались к 9 часам утра в губернаторском доме. Оттуда во главе с наместником они направились в кафедральный собор, где прослушали литургию и «принесли молебствие». По окончании церковного обряда процессия направилась к зданию училища. Вскоре туда прибыл и епископ. Так распорядилась судьба, что после открытия епископом Лаврентием Горкой первой школы в главном городе Вятской земли, вторую – фактически всего лишь вторую за более чем пятьдесят лет! – снова открывал епископ с тем же именем – Лаврентий (по фамилии Баранович). Поэтому он вошёл в историю как Лаврентий II [161, с. 80].

Малое народное училище в г. Слободском было открыто лишь спустя год, в 1787 г., поскольку к сентябрю 1786 г. местные власти не успели приготовить всего необходимого. В материальном отношении оно было даже лучше обеспечено по сравнению с вятским училищем. Жители Слободского, а фактически купцы, «положили приговором» на содержание своего училища отпускать ежегодно особую сумму, а если её будет недостаточно, то купечество и мещанство «обещались» делать дополнительные взносы. 22 сентября 1790 г. были открыты малые народные училища в г. Нолинске, Котельниче и Сарапуле. В Котельниче при открытии было 30 учащихся, из них были три девушки: дочь купца Александра Зубкова, дочь чиновника Федосья Щепина и дочь мещанина Анна Глушкова. Это были, по нашим данным, *первые вятские девушки, официально получавшие образование в Вятском крае.* И это в то время, когда повсюду в России женское образование отсутствовало, за исключением разве что Смольного института благородных девиц [143, с. 74].

Как и во времена Лаврентия Горки, открывавшаяся в Вятке школа встретилась с проблемой поиска учеников. В целом вятские жители несколько настороженно относились к светской школе, явно предпочитая ей духовную семинарию. Для открытия сразу нескольких классов необходимо было не только достаточное количество уче-

ников, но и то, чтобы эти учащиеся были разного уровня подготовленности; ведь они должны были заполнить собой сразу четыре класса. Выход из создавшегося положения был найден следующий. В императорском «Указе народным училищам Российской империи» не запрещалось содержать домашнюю «частную» школу, но выдвигалось условие, что учителя этих школ должны подвергнуться испытанию в местном главном народном училище по тем предметам, которые они сами преподавали в школе. Только после такой аттестации они имели право «испрашивать дозволения» у приказа общественного призрения, ведавшего «училищными делами» на открытие школы. Наблюдение за точным исполнением этой части императорского указа возлагалось на управу благочиния [161, с. 81].

Руководствуясь буквой императорского указа, Ф. Ф. Желтухин запросил через управу благочиния сведения о домашних школах Вятки. Таковых оказалось семь. Обучением на дому занимались следующие вятчане: отставной канцелярист Андрей Глухих (14 учеников), солдатская жена Васильева (11), мещанин Никифор Ланских (18), вдова архиерейского служителя Егорова (6), дьякон Покровской церкви Луппов (5), вдова пономаря Воскресенского собора Осипова (4), крестьянин Большой Заоградной слободы Симанов (3). *Это были первые вятские домашние учителя, о которых сохранились достоверные сведения.* Обучали они в своих «школах» азбуке, письму, чтению псалтыри, часослову и катехизису. Никто из этих учителей никакой аттестации, естественно, не подвергался; собственно говоря, таковой и не организовывалось. Поэтому все эти «школы» во избежание конкуренции с казённым училищем были закрыты, а значительная часть их учеников была отправлена в ВятГНУ. Без этой меры произвести набор в ВятГНУ в первый год было бы затруднительно, тем более если учитывать то обстоятельство, что подготовка к его открытию проходила в невероятной спешке [161, с. 81].

По опыту вятчан пункт 107-1 «Устава народным училищам Российской империи» «о недозволении частным лицам содержать домашние училища без свидетельства и разрешения» был применён и в других городах Вятского наместничества, когда там стали открываться МНУ. Так, Котельничская управа благочиния уведомляла приказ общественного призрения о том, что в г. Котельниче имеется одно домашнее училище пономаря Николаевской церкви Степана, в котором обучаются двое детей местных мещан российской грамоте и часослову. Смотритель Нолинского училища протоиерей Иоанн Пине-

гин доносил, что Нолинской округи и вотчины деревни Высокая Веретея экономический крестьянин Епифан Кощеев, не имея «ниоткуда» свидетельства, обучает у себя на дому «по своему образцу» семь мальчиков, да ясачной вотчины деревни Калашницкой Евдоким Елезов обучает пять человек, «кои в противность монаршим узаконениям народным училищам чинят явный подрыв, поелику крестьянство, да и самые граждане, обходя народные училища, а полагаясь на оных мужиков, лишают детей своих полезных в училищах преподаваемых предметов» [290, с. 43–44].

Нолинский нижний земский суд сделал распоряжение о закрытии этих училищ. Обучались же в этих школах дети крестьян разных вотчин азбуке, письму, чтению часослова и псалтыри. Аналогичным образом в отношении домашних школ поступили и власти г. Слободского. Более того, Лаврентий II в 1791 г. воспретил священнослужителям содержать домашние школы без соответствующего разрешения. Он предлагал жителям отдавать своих детей на учебу в МНУ с тем, чтобы они имели затем возможность продолжить образование в Вятской духовной семинарии. Это распоряжение епископа возымело действие и помогло пополнить контингент учащихся в семинарии. Кроме того, оно способствовало повышению качества подготовленности поступавших на обучение в училище детей [143, с. 75].

Первым в ВятГНУ записался сын канцеляриста Тобольского наместничества из г. Тобольска Василий Попов. Всех поступивших на учебу распределили по степени овладения грамотой на 1, 2, 3 и 4-й классы. Для осуществления вышеуказанной «аттестации» при училище уже в год его открытия начал работать *педагогический класс*, в который поступили учащиеся Вятской духовной семинарии, взятые в этот класс из философского, богословского и риторического классов.

Первыми будущими учителями, прошедшими педагогическую подготовку в Вятке, были уроженцы сел Вятского наместничества Федор Серебренников, Илья Кочкин, Диомид Хрулев и Дмитрий Савинов. Уже через год, в 1787 г., Д. Хрулёв и Д. Савинов приступили к педагогической деятельности в Слободском малом народном училище; Ф. Серебренников был оставлен преподавателем в ВятГНУ [161, с. 82].

В 1790 г. из богословского класса Вятской духовной семинарии были направлены для прохождения подготовки в ВятГНУ учащиеся – уроженцы Вятского наместничества Дорофей Зыков и Дмитрий Плетнёв и сын священника Иоанна из г. Кунгура Пермского наместничества Александр Вештомов, в 1791 г. – Михаил Анисимов и Мирон

Княгин, в 1796 г. – Фёдор Костров и Адриан Черепанов, в 1807 г. – Фёдор Савинов, в 1809 г. – Пётр Кошкарев, Егор Чарушин и Платон Вештомов (сын первого вятского историка Александра Ивановича Вештомова) и др. Практиканты получали от училища по 2 р. в месяц и «платье». Многие из выпускников педагогического класса стали хорошими педагогами. Без них малые народные училища губернии просто не смогли бы открыться. Так, по окончании подготовки братья Фёдор и Николай Савиновы были назначены учителями соответственно в Нолинск и Слободской, А. Черепанов – в Котельничское МНУ [161, с. 82].

В своём последнем ежегодном отчете попечителю учебного округа С. Я. Румовскому Т. Т. Рапинов писал о работе с готовившимися стать учителями учащимися педагогического класса: «Учение юношества приноровлено совершенно к их летам и способностям. Все учителя с ревностью каждый проходит свои должности; благородный образ мыслей и обращение всего духа их на образование детей, кажется, удостоверяет меня, что при благих намерениях будем видеть всегда добрую жатву» [268, т. 2, с. 619].

Открытием ВятГНУ был сделан важный шаг в направлении создания системы образования на Вятской земле. Стремление к образованию стало всё более ощущаться не только в среде священнослужителей и мещан, чиновников и военных, но и среди крестьян. Административное управление училищами выглядело следующим образом. Попечителем народных училищ губернии по уставу 1786 г. был губернатор. Одновременно он был председателем приказа общественного призрения. Именно приказу общественного призрения до реформы образования в 1804 г. были подведомственны все училища. Поэтому губернатор был обязан лично принимать все зависящие от него меры к улучшению устройства имевшихся училищ и к открытию новых учебных заведений. Попечитель периодически посещал училища во время учебных занятий и неизменно присутствовал на ежегодных публичных испытаниях учащихся, которые обычно заканчивались осмотром кабинетов и разговором о школьных нуждах [161, с. 83].

Вятский историк А. А. Спицын из всех попечителей – а это были наместники Ф. Ф. Желтухин (1786–1796) и С. Н. Зиновьев (1796–1798), губернаторы С. Н. Тютчев (1798–1800), А. С. Латышев (1800–1802), П. С. Рунич (1802–1804), В. И. Болгарский (1804–1808), Ф. И. фон-Брадке (1808–1816) – с положительной стороны выделяет Ф. Ф. Желтухина, который, по его мнению, как никто другой, вникал

в нужды первых светских учебных заведений «на Вятке». Т. Т. Рапинов в своих рукописных «Исторических записках» неоднократно указывает на то, что руководители губернии и города посещали школу и «ексаменовали» учеников. Т. Т. Рапинов считает нужным отметить членов приказа общественного призрения Алексея Смирнова, Степана Курчанинова, Егора Милешина, Осипа Пахмутова, Ивана Шишкина, Михаила Усачёва и Петра Веснина, немало содействовавших открытию школы [291, л. 151]. Благодарной памяти потомков заслуживают и члены приказа общественного призрения в Слободском Андрей Чеканов, Яков Любочанинов, Леонтий Швецов, Пётр Коробов [291, л. 149].

В 1787 г. была учреждена должность директора народных училищ для руководства школьным делом в губерниях. Директор ГНУ в губернии исполнял эту должность. В первые годы все возникавшие финансовые и организационные вопросы он решал в приказе общественного призрения [161, с. 83].

В 1804 г. были созданы учебные округа и Вятка была отнесена к Казанскому учебному округу и созданному при нём училищному комитету. Все члены главного правления училищ в Санкт-Петербурге были закреплены за тем или иным учебным округом для осуществления общего руководства. Казанский учебный округ, в том числе и дело образования в Вятской губернии, курировал известный педагогический деятель Степан Яковлевич Румовский, по отзывам современников умный, осторожный, внимательный и деликатный человек. Ежегодно директор ВятГНУ писал отчёты в приказ общественного призрения, в главное управление училищ, попечителю округа. При этом приказ общественного призрения дополнял отчёт своим мнением, и высылал «ведомость» о своих постановлениях и годичный финансовый отчет [161, с. 83].

«Ведомость об училищах, в губернии находящихся» включала статистику по каждому учебному заведению в отдельности: когда основано, какое имеет помещение и имущество, сколько классов и чему в них обучаются, когда были последние испытания и кто на них присутствовал, сведения об учителях (их численность, образовательный уровень, время поступления на работу в училище, прилежание и поведение, жалованье, семейное положение), сведения об учениках (сколько поступило и окончило училище, какого состояния и пр.). Указывалось также количество уроков, пропущенных учителями [292].

При всём обилии начальников непосредственное руководство училищами возлагалось на их директоров. Они «определяли» и уволь-

няли учителей, но делали это по согласованию с попечителем училища и «с ведома приказа». Для предупреждения со стороны директоров возможных нарушений в «Уставе учебным заведениям, подведомым университетам», изданном 5 ноября 1804 г., указывалось, что «директор принимает смотрителей и учителей ласково, не оставляет их делом и советом как в классных, так и в собственных надобностях; нерадивых же и в поведении неблагонравных убеждает к исправлению... повторительными напоминаниями; но, не усмотря их исправления, доносит о том, беспристрастно университету...» [7, с. 37].

Высокие требования предъявлялись и к самому директору. Он должен был быть «сведущ в науках, мог исправно судить об искусстве учителей и успехах учеников; был бы деятелен, благонамерен, любил порядок и добродетель, усердствовал пользам юношества и знал цену воспитанию...» [7, с. 39].

Помимо наблюдения за МНУ директору также поручалось осуществлять контроль за частными пансионами и домашними школами и затем отражать их деятельность в своих отчётах. По училищным делам он заседал в приказе общественного призрения с правом голоса. В течение одиннадцати лет исполнял директорские обязанности И. Стефанович. В июле 1797 г. по его письменному прошению он был освобождён от должности. Один месяц директором был Т. Т. Рапинов, а затем в течение года – советник губернского правления Осип Наседкин. Однако он не смог проявить себя с положительной стороны. Некомпетентный в педагогических делах, Наседкин на собственном примере первым из вятских чиновников показал, вовсе не желая этого, что педагогическая деятельность является очень ответственной, специфичной, требующей соответствующего образования, опыта и способностей, и не каждый чиновник способен заниматься ею. Вернувшийся к должности директора И. Стефанович в отчете за 1798 г. (год, когда директором был Наседкин), характеризуя создавшееся в училище критическое положение, деликатно отмечал, что оно, это положение, стало возможным потому, что директор «не имел счастья быть знаком с музами, следовательно, со знаниями и науками, с сею должностью сопряжёнными, а посему... не в состоянии был предупреждать или отклонять упадок, в училище последовать имевший» [265, с. 7].

Тем не менее в 1801 г. И. Стефанович был без прошения уволен «за престарелые лета с пенсией по смерть свою по 300 р. в год» новым губернатором А. С. Латышевым вследствие происков недобро-

желателей, как считали современники. Было Стефановичу тогда около 60 лет. Его авторитет, однако, был столь велик, что ревизовавшие в то время Вятскую губернию сенаторы Спиридов и Лопухин составили губернатору представление следующего содержания: «За долг усердия к пользе губернии почитаем изъявить сожаление, что школы ея лишены столь достойного директора. При осмотре нашем, видели мы оные трудами его, г. Стефановича, приведённые в наилучшее состояние... Предмет школы столь есть важен, а г. Стефанович столь отличные имеет способности управлять оными и столь нелегко найти в сию должность подобного ему, что мы... конечно бы, сочли за нужным поправить отрешение г. Стефановича» [265, с. 6–7].

Назначенный 15 мая 1801 г. директором Т. Т. Рапинов, считает историк А. А. Спицын, стал им ввиду отсутствия достойных соперников и в силу того, что он усердно относился к делу. Попечитель учебного округа С. Я. Румовский был очень доволен его работой. *Тимофей Титович Рапинов был первым директором училища – педагогом, а не чиновником из другого ведомства, и первым директором, совмещавшим директорские обязанности и учительскую работу.* Т. Т. Рапинов оставался директором вплоть до преобразования училища в гимназию и был *первым директором первой мужской гимназии в Вятской губернии* [161, с. 85].

Некоторое время он был даже губернским предводителем дворянства (до 6 ноября 1802 г.) [161, с. 85]. Т. Т. Рапинов вышел в отставку 9 февраля 1812 г. Рано овдовев, он много занимался благотворительной деятельностью. Всю свою богатейшую библиотеку он подарил церкви, а имущество раздал беднякам. Умер 12 мая 1848 г., а по другим данным, 12 июля 1848 г. [308]

Наиболее сложным в работе вятских народных училищ был вопрос их финансирования. Так, на содержание ВятГНУ было положено 2700 р. в год [268, т. 1, с. 239]. Кроме того, под проценты было ассигновано 15000 р., дававших 900 р. дохода в год. До 1798 г. училище существовало главным образом на пожертвования. Регулярно жертвовали значительные суммы епископ Лаврентий II, Ф. Ф. Желтухин, другие влиятельные лица. Вятский городской голова Василий Хохряков 20 марта 1788 г. доносил приказу общественного призрения, что «вятское купечество и мещанство учинило приговор, коим приговорило на содержание училища на один нынешний 1788 год по добровольной подписке: купцы – по 70 рублей 35 копеек, а мещане генерально от всего общества 50 рублей, а впредь к подаянию как из купцов, так и мещан никто желания не объявил» [290, с. 29].

Ф. Ф. Желтухин приглашал «лучших» граждан города к пожертвованиям, «представлял им в полном виде изящество доброты от воспитания просвещения детей проистекающее» [290, с. 29], но добиться денег от купцов он так и не смог. В итоге за «майскую треть» 1788 г. учителя не смогли получить жалованье. (Оно выдавалось трижды в год, «третями».) Тогда Желтухин обратился к народу, работному люду и крестьянам с просьбой о добровольном пожертвовании на нужды школ, «на дело богоугодное, благотворительное, в пользу училищ пожертвованием лепты, каждого по своей воле, имуществу и избыткам без отягощения каждому, не сомневаяся, что крестьяне окажут своё усердие и рачение к благу училищ, потому что дети их находятся для образования в этих училищах, и тем докажут чувствование Высокомонаршей милости, даровавшей права каждому сословию и возможность пользоваться плодами учения и. вместе с тем, положат благоденствие народа» [268, т. 2, с. 616].

Инструктируя сборщиков пожертвований, Ф. Ф. Желтухин убеждал деньги «просить с тихостью и благодарением без всякой суровости, не делая ни малейшего огорчения даже и тем поселянам, кои подать не возжелают, какого бы они рода и звания ни были» [290, с. 35]. Допустивший вымогательство с корыстной целью и тем самым скомпрометировавший саму идею добровольного пожертвования, заседатель нолинской округи Аким Чепурных был «наипоноснейшим образом наказан публично кнутом с вырезанием ноздрей и отлучением навечно в каторжную работу» [290, с. 36].

Крупные пожертвования, собранные среди крестьян, имели место в 1789 и 1794 гг. В 1789 г. они составили 8232 р. 89,5 к. Это позволило не только сохранить сами школы и обеспечить в них бесплатное обучение, но и открыть с 22 сентября 1790 г. МНУ в Сарапуле, Котельниче и Нолинске, а также выделить 110 р. для покупки учебной литературы. В 1786 г. в Вятке была открыта типография при губернском правлении, в которой начиная с 1805 г. стали печататься для ВятГНУ программы публичных испытаний и другая полиграфическая продукция [161, с. 86].

В первые годы работы народных училищ приказ общественного призрения имел годовой бюджет в 15000 р., на которые он, помимо содержания учреждений образования, должен был оказывать помощь беднякам, престарелым и инвалидам. Однако только ВятГНУ требовало на своё содержание не меньше 2000 р. ежегодно [143, с. 78]. Поэтому с самого начала деятельности училищ были обложены

1%-м налогом питейные дома, что в 1787 г. дало 640 р. В тот же год Желтухин собрал частных пожертвований на сумму 2151 р., но этот источник не был постоянным. Значительно более благоприятным было положение Слободского МНУ. В своём донесении в главное правление училищ приказ общественного призрения сообщал, что от городского головы г. Слободского получено заверение в том, что слободское купечество, «приемля с благоговением спасительные заведения, служащие к просвещению и воспитанию юношества, с усерднейшим желанием, единодушно полагает для содержания училища по 300 р. в год из принадлежащих к городу доходов, назначив для оного и выгодный дом, с таковым притом положением, что если сей суммы на будущее время для содержания училища доставать не будет, то имеют дополнить расположением по себе: купечество с объявленного капитала, а мещанство с платимого рубля» [290, с. 46–47].

Слободское малое народное училище было открыто 4 июля 1787 г. Речь при открытии, произнесенная учителем, заканчивалась словами, которые стоит привести полностью: «Любезные сограждане! Вы, которые к славе и счастью рождённые, спешите путем сим к просвещению разума, спешите, ибо сие есть совершенное добро, которое врачует умы человеческие, страждущие предрассудками. Благотворители! Сей случай доказать дух ваш, стремящийся к общему благу. Вы получите в излиянии щедрот своих в награду истинную славу и истинного соотечественника. Родители! Сё место украсить детей своих совершенствами человечеству возможными и сделать их полезными в обществе сочленами. Дети! Сё дом к усовершенствованию вашему, потщитесь трудами и рвением заслужить высокое имя достойного сына российского отечества, жертвуйте с особенным усердием, яко особенная подлежит оному награда!... Что же принадлежит до нас, то мы тем большие труды и попечения по должности своей прилагать обязанными себя считаем, что первейшие удостоились в сём граде иметь участие исполнить повеление Всеавгустейшей нашей Монархини, клонящееся единственно к распространению просвещения» [290, с. 47].

Делая обозрение состояния школ Вятской губернии в 1802 г., Рапинов характеризует их материальную базу следующим образом. В распоряжении Слободской школы были две комнаты, «при сооружении того корпуса гражданами специально предназначенные. Из сих комнат одна поместить может в себя до 45 учеников, а другая, вдвое меньше, служит передней и для сторожа» [291, л. 55]. При этом он

делает вывод, что «Слобоцкая малая школа находится при городском магистрате, в выгодном положении и поблизости церквей» [291, л. 2].

Сарапульская школа располагалась в небольшом деревянном доме, состоявшем из одной комнаты, «имеющей поместить» до 40 человек. Дом был уступлен удельным крестьянином, находился в центре города, невдалеке от Вознесенского собора, но был явно недостаточен для большого количества учеников. Нолинская школа располагалась в «каменной палатке» при Николаевском соборе, отведённой для школы временно духовенством. Комната вмещала до 25 человек. Теснота и низкие потолки создавали «тягость воздуха». Здание было удалено от главной части города. Наконец, Котельничское училище располагалось в нижнем этаже двухэтажного деревянного дома. Помещение было очень сырым, но в то же время находилось в центре города и вблизи церквей, а это считалось достоинством расположения помещения [291, л. 2, 55].

Состояние бюджета в вятских школах претерпевало существенные колебания. Для подтверждения этого факта приведём данные о состоянии бюджета Вятского ГНУ и трёх МНУ – Котельничского, Нолинского и Сарапульского. (Без учёта Слободского МНУ, содержавшегося в основном на средства магистрата.) Статьи «прихода» и «расхода» средств составляли соответственно в 1786 г. – 2151 р. и 671 р., 1787 г. – 2167 р. и 1882 р., 1788 г. – 880 р. и 820 р., 1789 г. – 9190 р. и 2177 р., 1790 р. – 7990 р. и 1954 р., 1791 г. – 6466 р. и 2242 р., 1792 г. – 4461 р. и 2267 р., 1793 г. – 2384 р. и 2327 р., 1794 г. – 2608 р. и 2207 г., 1795 г. – 5369 р. и 2203 р., 1796 г. – 3666 р. и 2236 р., 1797 г. – 2042 р. и 1813 р. [161, с. 88].

Для более полной характеристики материального положения МНУ Вятской губернии приводим данные за 1803 г. Слободское МНУ содержалось на средства городского общества – магистрата – и пожертвования купцов и мещан. Израсходовано: на жалованье учителю – 210 р., ему же на свечи и дрова – 15 р., сторожу – 27 р., на дрова и свечи для училища – 20 р. Всего 272 р. Сарапульское МНУ содержалось на средства городского общества и приказа общественного призрения. На жалованье учителю из приказа – 150 р., из сумм городского общества на жалованье сторожу – 24 р., на отопление – 10 р., на бумагу, мел и пр. – 2 р. 85 к. Всего 186 р. 85 к. В благотворение от разных лиц на училище ниоткуда не было. За наём училищной комнаты не заплачено, да и платить общество почитает себе за тягость, поелику с начала открытия училища уступлена не одна тесная комна-

та, а весь дом под училище сарапульскими удельными крестьянами, а ныне другую комнату Сарапульский уездный суд занимает» [290, с. 114].

Нолинское училище содержалось за счет благотворительности городского общества. Эти средства собирались «от общества» городским старостой средств, а жалованье учителю выдавалось от приказа. Других доходов не было. Расходы: жалованье учителю – 150 р., сторожу – 8 р., отопление – 10 р., на принадлежности – 13 р. 32 к. Итого 181 р. 32 к. Котельничское училище содержалось за счет «городских общественных доходов». Расходы: жалованье учителю – 150 р., отопление – 10 р., на бумагу и чернила – 4 р. 16 к., на свечи, «поправку» досок и парт – 3 р. 86 к., на прочие расходы – 2 р. 20 к. Итого 170 р. 12 к. В лучшем положении находилось Слободское МНУ, содержавшееся за счет магистрата и на пожертвования богатого слободского купечества. В худшем положении находилось Котельничское училище [161, с. 88].

25 июля 1809 г. в Елабуге открылось уездное училище. Это был уже новый тип школы, призванный заменить собой МНУ. Протоиерей Спасского (в Елабуге) собора Павел Юрьев пожертвовал для него собственный каменный дом, снабдил училище всеми необходимыми на первое время учебными пособиями. С 1 февраля 1808 г. по 12 октября 1812 г. П. Юрьев исправлял должность законоучителя и смотрителя *без получения жалованья.* Он выстроил на училищном дворе ещё один дом, деревянный, со всеми необходимыми постройками, и также передал его в ведение училища. На это он потратил все свои личные средства. После смерти жены П. Юрьев поступил игуменом в Орловский монастырь. Отец Павла Марк Юрьев также был педагогом: в 1772–1788 гг. он занимался обучением детей на дому. Сын Павла Полиен по окончании Казанского университета в течение 33 лет служил смотрителем уездного училища в г. Мензелинске. Его сын Василий Полиенович Юрьев долгие годы работал учителем Вятской Мариинской женской гимназии, был активным краеведом. Его исследования истории Вятского края помогают современным учёным полнее и глубже представить прошлое Вятского края, в том числе историю народного образования. Краеведческие изыскания В. П. Юрьева были использованы при написании данной главы. Династия просветителей Юрьевых была одной из тех семей, благодаря самоотверженному и бескорыстному труду которых крепло и развивалось народное образование в Вятском крае [161, с. 88–89].

Открытие Елабужского училища, которое в соответствии с новым министерским положением стало сразу называться уездным, было отмечено небывалым доселе размахом. При его открытии играли оркестры духовой и инструментальной музыки. Гремели пушечные выстрелы до половины третьего пополудни. Очевидец насчитал 54 выстрела, но отмечает, что их было значительно больше. В училище сразу были открыты первый, второй и третий (рисовальный) классы. Учителем второго класса был выпускник Санкт-Петербургского пединститута Иван Виноградов, специализировавшийся в истории и русской словесности [291, л. 286].

Учительское жалованье в училище по уставу 1786 г. было следующим: директор ГНУ – 800 (позднее – 900) р. в год и такая же пенсия, учитель старших классов – 400 р., 2-го класса – 200 р., учитель 1-го класса и учитель рисования – 150 р. С 1800 г. стали выдавать квартирные в размере 50 р. (учителю 1-го класса и учителю рисования – 40 р.). (Для сравнения: в 1811 г. пуд муки стоил 1 р. 40 к., пуд крупы – 2 р., фунт мяса – 12–15 к., сажень дров – 2 р. 20 к., фунт свечей – 30 к.). Таким образом, учительское жалованье можно было считать небольшим. К тому же выдавалось оно нерегулярно и не в полном объеме. Так, вместо 150 р. некоторое время выдавали по 120 р., хотя в своих отчетах в главную училищную комиссию приказ всегда отмечал, что жалованье учителя получают «по штату». Эта недоплата обнаружилась после увольнения Желтухина и послужила причиной временной отставки Стефановича. Желающих занять учительское место было немного [161, с. 89].

В 1793 г. главная училищная комиссия постановила, чтобы приказы не увольняли учителей без её разрешения, «поелику люди сии по крайнему в их недостатку в государстве нарочно к званию сему приготовлялись с немалым трудом и иждивением» [290, с. 26].

И всё-таки учителей приходилось увольнять. Так, смотритель Слободского МНУ Андрей Жилкин доносил в приказ, что учитель 2-го класса Илья Кочкин «слепо предан порокам и ведёт жизнь превратную, что к прохождению звания учительского делает ему преграду». В итоге Кочкин был отрешён от должности и «обращён в первобытное состояние», «дабы тем и прочих учителей удержать от падения в пороки» [290, с. 59].

Так же печально закончил свою педагогическую деятельность и преемник Кочкина Диомид Хрулёв, который был уволен за «исчисленные» в рапорте Стефановича Желтухину проступки. «Учитель

Хрулёв в воскресные и праздничные дни в училище Евангелия ученикам не объясняет. Для установления учеников в церкви в порядок, – как предписано, в церковь с ними не ходит, а по большей части во время богослужения находится на рынке. В преподаянии надлежащего учения обходится с учениками грубо, с бранью и телесным наказанием, о чем и родители ему (Стефановичу. – *В. П.*) приносили жалобы в неблагопристойностях его. И по всем сим обстоятельствам имеет нерадение, от которого в учении как успехов и пользы нет» [290, с. 60].

Кочкин был обращен в приказное звание, а Хрулёв, по распоряжению Желтухина, был из Слободского «востребован» в Вятку и до окончания решения дела содержался три недели на гауптвахте, а затем был отдан в солдаты «для того, чтобы и другим учителям неповадно было, и чтоб они наблюдали во всём, как предписано им в училищном уставе и в руководстве учителям изданном» [290, с. 60–61].

В отчёте о состоянии народных училищ за 1797 г. И. Стефанович сетует на то, что при ВятГНУ помимо учителей находится только сторож для «топления печей и чистоты дома». Стефанович «почитает за нужное» при училищном доме быть ещё человеку состояния добропорядочного из военнослужащих, который бы имел смотрение во всякое время над воспитанниками, дабы они, собираясь до прихода учителя, «допущаемы не были ни до каких предосудительных поступков, непозволительных резвостей, кольми паче ссоры и драки. А притом справлялся бы с родителями или родственниками учеников о причине нехождения их в классы. Рапортовал бы директору, а в случае его отбытия в приказ общественного призрения, каждый день (следил), все ли учителя при своих должностях и в предписанные часы уставом, а буде кого из них нет, то почему. Ходил бы с учениками при учителе в праздничные и другие по обряду христианскому установленные дни во святой храм. А потому, не угодно ли будет приказу общественного призрения, явившегося из военной службы капрала Иуду Ефимова приставить к училищному делу надлежащего во всех прописанных частях присмотра» [290, с. 78].

Первый в истории вятской школы «классный руководитель», «завуч» и «инспектор», нанятый для исполнения своих обязанностей за 20 р. в год, недолго продержался в должности. 2 апреля 1800 г. в приказе общественного призрения было «докладовано» о том, как «находящийся при вятской школе смотритель Иуда Ефимов обращается в пьянстве и буйственных поступках, каковые при воспитании

детей терпимы быть не могут, а потому и приказали оному унтер-офицеру за обращение в пьянство и буйственных поступках от смотрительной должности отказать» [290, с. 79].

С течением времени изменялся состав учителей. В 1800 г. «за нетрезвость» был отдан в солдаты Иван Мышкин. Григорий Тихомиров заболел чахоткой и вскоре умер. Из Сарапула в Вятку в 1800 г. был переведён Александр Иванович Вештомов, родом из Кунгура, духовного звания; он преподавал естественные науки. В своей работе им использовались новаторские для того времени методические приемы. В частности, он водил детей на экскурсии, где дети собирали семена растений, наблюдали за жизнью природы. Вештомов составил собрание вятской флоры (в 2 т.) с приложением атласа растений, рисованных с натуры, а также самих растений в форме гербария. Этот труд был представлен на рассмотрение в главное управление училищ, которое распорядилось выдать автору премию в 500 р. [161, с. 91] Этой работой учителя-исследователя длительное время пользовались местные аптекари и врачи. Хранилась она в Вятской мужской гимназии, преемнице ВятГНУ. «Вятские губернские ведомости» в 1847 г. в № 4–27 печатали выдержки из этого замечательного труда [161, с. 91].

В 1807–1808 гг. А. И. Вештомов написал «Историю вятчан, со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества, или с 1181 по 1781 год чрез 600 лет». Эта замечательная работа, без анализа которой не обходится ни один исследователь истории Вятского края, печаталась в выдержках в «Казанском вестнике» и в «Вятских губернских ведомостях» в 1840 г. Тяжёлая душевная болезнь, вызванная бедственным материальным положением (в его семье было четверо детей) и постоянной напряжённой работой, рано свела в могилу этого, по определению кировского профессора В. А. Бердинских, первого вятского историка [143, с. 79–80]. В 2018 г. в г. Кирове на средства мецената Валерия Ивановича Федяева был открыт памятник А. И. Вештомову.

Учитель Ефим Виглинский был уволен из ВятГНУ по болезни 24 марта 1803 г. На его место был приглашен Андрей Колбек, родом из дворян Харьковской губернии, получивший образование в Харьковском ГНУ. Через три года вместо него с первоклассниками стал заниматься выпускник ВятГНУ Федор Непылов. Но уже в апреле 1807 г. его сменил 22-летний сын учителя Федор Савинов, выпускник Санкт-Петербургской педагогической гимназии. Впоследствии он был переведен в Нолинск, а на его место пришёл сын А. И. Вештомова Платон [161, с. 91].

Фёдор Савинов и Платон Вештомов были первыми, по нашим данным, вятскими учителями, которые происходили не из духовного звания или из дворянства, а были сыновьями учителей. Таким образом, на Вятке появляются первые учительские династии.

После П. А. Вештомова в учителя 1-го класса 16 мая 1811 г. вторично был определён Мирон Княгин, ранее уже увольнявшийся «за слабостью знаний». Продержался он в роли учителя очень недолго. Вскоре его заменил Александр Иллиус, который после преобразования ВятГНУ в гимназию в 1811 г. стал штатным сотрудником Вятского уездного училища. Уроки рисования вёл Фёдор Черепанов, выпускник Вятской духовной семинарии. Закончив педагогический класс в ВятГНУ, он был определён учителем рисования и чистописания. 15 марта 1806 г. по собственному прошению он был уволен. Его место занял выпускник ВятГНУ Егор Чарушин, 26 лет, из купцов, впоследствии работавший в Вятской мужской гимназии и штатным смотрителем Орловского уездного училищ; он умер в Вятке в 1862 г. [161, с. 92].

Хотя за всё время работы ВятГНУ и МНУ не было серьёзных проверок и ревизий, в целом об учителях первых вятских народных училищ шла добрая слава. Губернатор П. С. Рунич в своём отчете писал: «Все учителя главного училища честным своим поведением и благонамеренными склонностями своими, влекущими их к радетельному образованию юношества, заслуживают пред начальством одобрения. Все учителя с ревностью проходят свои должности; благородный образ мыслей и обращение всего духа их на образование детей, кажется, удостоверяет меня, что при благих намерениях будем видеть всегда добрую жатву» [265, с. 57–58].

Кадровые перемещения в ВятГНУ можно представить следующим образом. Учителя 1-го класса: 1786–1788 – Е. Виглинский, 1788–1796 – Ф. Серебренников, 1796–1799 – Михаил Анисимов, 1800–1803 – М. Княгин, 1803–1806 – А. Колбек, 1806–1807 – Ф. Непылов, 1807–1808 – Ф. Савинов, 1808–1811 – П. Вештомов, 1811 – М. Княгин, 1811 – А. Иллиус. Учителя 2-го класса: 1786–1788 – Г. Тихомиров, 1788–1789 – Е. Виглинский, 1800–1806 – А. Вештомов, 1806–1811 – А. Колбек. Учителя 3-го класса: 1786–1795 – И. Мышкин, 1795–1796 – Т. Рапинов, 1796–1803 – Григорий Дамаров, 1803–1810 – А. Вештомов. Учитель 4-го класса: 1786–1811 – Т. Рапинов. Учителя рисования: 1787–1806 – Ф. Черепанов, 1806–1811 – Е. Чарушин [161, с. 92].

Т. Т. Рапинов в своих отчётах даёт, в частности, характеристики многим учителям. Общая характеристика их весьма положительная.

Дмитрий Савинов, 1770 г. р., например, был учителем все годы обозреваемого нами периода (1787–1811). Его Рапинов характеризует как прилежного, с добрым поведением. О Григории Дамарове, 1768 г. р., Рапинов пишет как о прилежном учителе; об Александре Вештомове, 1768 г. р., – как о рачительном и благонравном педагоге. Аналогичной характеристики удостоились Алексей Костров, 1779 г. р., работавший в Сарапульском МНУ; Андриан Черепанов, 1778 г. р., Андрей Кобек, Дорофей Зыков и др. Некоторым учителям Рапиновым даются негативные оценки. Так, Фёдор Черепанов, 1765 г. р., «ленив и нетрезвого жития»; Дмитрий Плетенёв, 1768 г. р., «за нетрезвое его состояние 26 октября 1808 г. удалён от должности с надлежащим аттестатом» [291, л. 3, 25, 45, 133, 151].

Открытие значительного количества школ в конце XVIII в. потребовало, среди прочего, и соответствующего количества учеников, готовых к учёбе. «Устав народным училищам Российской империи» не запрещал принимать детей «бедного состояния», которым, по возможности, оказывалась даже некоторая материальная помощь, например бесплатной выдачей учебников на уроках. Таких учащихся в ВятГНУ в 1809 г. было 20 человек. Некоторая сумма определялась особенно нуждавшимся учащимся на стипендии. В первый год работы ВятГНУ были открыты три класса. 4-й класс до 14 июля 1787 г. не существовал «за неимением учеников, осведомлённых в предметах предыдущих классов» [291, л. 181].

Поэтому Т. Т. Рапинов, определённый было учителем 4-го класса, вёл занятия с младшими школьниками. В классах было следующее количество детей: 1-й – 28, 2-й – 10, 3-й – 5. Итого 43. Из них половина были детьми солдат и разночинцев, из мещан – 5, из крестьян – 6, из купцов – 8, из дворян – 2. Примерно такое соотношение сохранялось и в последующие годы. Больше всего стремились устроить на учёбу своих детей чиновники (разночинцы) – по 20–30 человек каждый год, что составляло от четверти до трети всех учеников. Чиновничьи дети, имея перед собой пример родителей, дорожили учёбой и почти все оканчивали полный курс обучения. Мещане смотрели на учебу как на способ «выдвинуться». Именно их дети составляли самую ленивую и непослушную группу школьников. Редко кто из них доучивался до конца. Купеческих сыновей ежегодно бывало по 10–15 человек, солдатских и приказных – от 5 до 15.

При открытии школ количество учеников было следующим: Вятское ГНУ – 43, Слободское МНУ – 24, Котельничское МНУ – 30, Нолинское МНУ – 14, Сарапульское МНУ – 25, Елабужское МНУ –

20. Со временем количество учащихся в периферийных училищах стало даже опережать соответствующий показатель в губернском училище. Так, в 1809 г. в ВятГНУ было 111 учащихся, в Слободском МНУ – 122, в Нолинском МНУ – 126. И это при том, что в Слободском и Нолинске было значительно меньше жителей, чем в Вятке.

Причины столь малого количества учащихся в отчёте директора ВятГНУ за 1797 г. объяснялись следующим образом: «Здешние обыватели, мало соревнуя предположенной цели просвещения, неохотно отдают детей своих в народное училище. Может быть, сиё происходит от закоренелого их обычая, какой их предки имели, ибо многие хотят заблаговременно приучать их к познаниям в домашних делах и для купечества и мещанства нужностях, в которых они сами обращаются. Также многие, имея своё мнение и не имеющие наклонения ни на какие убеждения, отдают детей своих для обучения по церковным книгам к причётникам, восхищаясь, когда дети их могут читать в церквах часослов и псалтирь, не думая того, что они подобятся тогда попугаям. Также многие берут в уважение причину, что дети их, приходя в училище до учителя, портят свои нравы, поелику ни один учитель не живёт при училище» [169, с. 73–74].

К этому следует добавить, что училище было расположено далеко от центра города, помещение его было тесным, холодным и неудобным для учёбы. Но главная причина состояла всё-таки в том, что многие обыватели на светское образование, на науки смотрели по-прежнему как на нечто суетное, легкомысленное, а то и противное Богу. Вятчане склонялись в сторону привычной церковной школы, за направление которой можно было быть спокойным, – «здесь плохому не научат». В начале XIX в. отмечается появление частных (домашних) школ. Запрет на них фактически был снят, поскольку проблем с набором в училища не стало.

В губернаторском отчёте за 1806 г. отмечается следующее: «Имеются также частные школы, в которых малолетних мужского и женского пола детей вместе обучают частные духовные чтению и письму, наблюдая старинное обыкновение выучивать часослов и псалтирь» [265, с. 61]. В 1802 г. Т. Т. Рапинов отмечает «надёжное» увеличение численности учащихся: «Граждане в тех городах, в которых открыты школы, более чем прежде рождают охоты по обучению детей своих. В Вятке же заметно довольно учеников из класса купцов, приказных и солдат, и они уже почитают за должное, и как бы за необходимое образовать в учении детей своих; класса же мещан частью довольно, а крестьян мало стремится к речённой цели» [265, с. 61].

А. А. Спицын отмечал, что факт меньшего количества учеников в главном училище по сравнению с уездными малыми необъясним и странен. На наш взгляд, причин было три: конкуренция со стороны Вятской духовной семинарии; неблагоприятные условия, в которых осуществлялся учебный процесс в ВятГНУ; наличие в губернском центре большего, по сравнению с уездами, количества частных школ. Несомненно, А. А. Спицыну были известны эти причины, однако сделать подобный вывод в открытой печати в его времена было весьма затруднительно. Всего, по данным В. С. Лопатина, в ВятГНУ в общей сложности за все годы учились до девятисот учащихся, а закончили примерно четыреста человек [268, т. 2, с. 79].

Для привлечения на учебу в училища их выпускникам обещались льготы при занятии канцелярских должностей. Однако в этом вопросе главным условием были связи и протекция, и нередко не закончивший полного курса обучения в школе, едва владеющий грамотой молодой человек получал преимущество перед значительно более образованным юношей. Помимо гражданской службы, выпускники училищ поступали на военную службу, а некоторые – даже в кадетский корпус. Купеческие дети обычно оставались «в своём состоянии». Начиная с 1810 г. лучшие выпускники ВятГНУ поступали в Казанский учительский институт. Среди них был, например, Антропов, ставший впоследствии первым окружным инспектором. ГНУ и МНУ Вятской губернии не соответствовали идее видного российского просветителя Ивана Ивановича Бецкого (1704–1795) о создании «новой породы людей», ибо в них не было закрытого пансиона. Вятские школы были открытыми, для того времени достаточно демократическими учебными заведениями [161, с. 95].

Новые идеи правительства в области образования, воплощённые в первые годы XIX в. в форме создания министерств, в том числе и министерства народного просвещения, стали воплощаться в Вятской губернии в 1811 г. Письмом от 10 июля 1811 г. С. Я. Румовский извещал Рапинова о направлении в распоряжение последнего в «имеющуюся открыться» гимназию первых учителей, выпускников Санкт-Петербургского педагогического института Сёмена Степановича Завьялова (учителем математики и физики), Фёдора Яковлевича Попова (философия, изящные науки и политэкономия), Василия Яковлевича Баженова (политическая история, география, статистика) [295, л. 2].

20 июля 1811 г. прибыл учитель Александр Иллиус. Все названные учителя были приведены к торжественной присяге, в которой

они клялись императрице в своём стремлении верно трудиться на службе «ея величества». Именно 1811 год служит в истории народного образования в Вятской губернии своеобразным водоразделом. В этот год в Вятке открылась мужская гимназия. Учебные заведения переводились на работу по Уставу 1804 г., значительно более современному, требовавшему добиваться уже не простой грамотности, а определённого уровня образованности. В связи с этим резко повысились требования к учителям. С самого начала работы гимназии основу её кадров составили выпускники первого, а тогда единственного в стране Санкт-Петербургского педагогического института. В дальнейшем этот высокий уровень гимназия и другие учебные заведения губернии стремились повышать [143, с. 80].

3.2. Содержание и методы работы в Вятском главном народном училище

В Вятском главном народном училище срок обучения был рассчитан на пять лет, причём 4-й класс был двухгодичным. Малые народные училища были двухклассными (двухгодичными); в течение двух лет дети изучали программу двух первых классов Главного народного училища. Поступивший в первый класс ученик должен был в течение первого учебного года научиться читать и писать, изучить правила для учащихся, основное содержание краткого катехизиса и краткой священной истории. В распоряжении педагогов имелось «Руководство учителям первого и второго классов»; оно включало в себя программу обучения и описание некоторых методических приёмов, которых должен был придерживаться учитель [226, с. 231].

Основой основ в работе учителя было обучение чтению. Сначала заучивался весь алфавит. На доске мелом учителем показывалось «построение» букв, которые заучивались по их латинскому названию. От отдельных букв постепенно переходили к складам, которые произносились механически, например, «*бе* да *а – ба»*. Изучив склады, ученики брались за букварь, включавший в себя отдельные слова, молитвы и краткие нравоучения. В конце букваря излагались правила для учащихся, содержавшие в себе указания о том, как ученику следует вести себя дома и в школе. Основным методом, который рекомендовался в то время особенно настоятельно, было хоровое чтение вслух. Педагогический смысл этого метода состоял в том, чтобы привлечь всех детей к работе над текстом, занять каждого делом. «В ви-

дах разнообразия и для контроля каждого» применялось и чтение «порознь» [161, с. 97]. В «Руководстве учителям» подчёркивалась необходимость осмысления учащимися читаемого текста, что было особенно важно, ввиду того что заучивание наизусть («в твёрдость») было ведущим методом обучения [225, с. 11].

В то время существовал такой порядок обучения, при котором одновременно в учебной комнате находились учащиеся разного уровня подготовленности. Это делало практически неизбежным использование метода взаимного обучения (получившего впоследствии название белл-ланкастерского метода), при котором дети, более продвинувшиеся в обучении, помогали учителю обучать менее преуспевших в нём. Косвенным подтверждением данного предположения служит тот факт, что некоторые учителя училищ Вятской губернии очень рано начали самостоятельную преподавательскую работу: например, Петр Кошкарев – с 16 лет, Егор Чарушин – с 19 лет, Платон Вештомов – с 17 лет. Наверно, они и раньше не только присматривались к работе учителя, но и непосредственно помогали учителю в работе с детьми, что не могло не оказать положительного влияния на выбор ими будущей профессии [161, с. 91].

После освоения чтения учащиеся брались за катехизис и священную историю. Особых уроков Закона Божьего тогда не было; чётко не осознавалось различие между изучением светской и духовной культуры. Оба эти направления должны были «быть суть едины» в сознании детей, и само умение читать имело своей целью прежде всего приготовление к чтению молитв и священных книг. Поэтому в сознании граждан не церковного сословия училище было своего рода духовной семинарией, но семинарией, открытой для всех свободных сословий. Поскольку в первом классе некоторые ученики читали ещё не «в твёрдость», а писали обычно ещё хуже, молитвы заучивались благодаря приёму записи начальных букв слов молитвы [161, с. 97–98].

Во втором полугодии учащиеся приступали к письму по прописям, изучали правила орфографии. В качестве наглядных пособий использовались таблицы. Как и теперь, учащиеся сначала писали буквы и слова между двумя линиями, потом приучались писать по одной линии; вначале учились писать лёгкие по начертанию буквы, затем переходили к более сложным [225, с. 12].

После того как учащиеся овладевали умением написания букв, они начинали учиться писать под диктовку учителя. Попутно им сообщались правила орфографии. Правила были обобщены в специаль-

ных таблицах, которые следовало заучивать. Далее дети учились писать письма делового характера, поздравления («гратуляции»), информативные сообщения. Умение писать письма очень ценилось, особенно в деревнях, где было крайне мало грамотных; причём по мере распространения в XIX в. почтового сообщения это умение стало цениться ещё выше. Наконец правила усвоены, правописание слов отработано. Учащимся разрешается писать «от себя»: о том, о чём они желают. Для этого задаются несложные темы для сочинений. Подводя итоги работы народных училищ Вятской губерний за 1807/1808 учебный год, Т. Т. Рапинов отмечал: «Преподано из краткой святой истории ветхой завет до конца, краткий катехизис и правила для учащихся кончены же. В чтении и писать успели хорошо» [291, л. 130].

Во втором классе краткий катехизис заменялся «пространным». Учебник краткой священной истории повторялся и изучался до конца. Продолжались упражнения в чистописании и орфографии. Начиналось изучение математики. Ученик вместо «Правил для учащихся» получал «Книгу о должностях человека и гражданина», в ходе чтения которой усваивал нравственные постулаты (6, с. 261–266).

Изучению этой книги, редактировавшейся самой императрицей Екатериной II, придавалось особенно важное значение. Усвоить заложенные в ней правила должен был каждый ученик. В современном понимании это был своего рода курс граждановедения. Книга включала в себя целый свод личных и общественных обязанностей человека. В ней давались не утратившие до настоящего времени моральные требования к личности человека, указывались его обязанности перед семьёй и родителями, перед обществом [225, с. 12].

Рассматривалось определение различных добродетелей (праводушие, любочестие, спокойствие духа, любоведение, услужливость, искренность, честность, порядок, трудолюбие), к овладению которыми должен был стремиться каждый человек, и пороков, которых следовало избегать (самолюбие, спесь, неучтивость, хвастовство, ложь и др.). В книгу были включены медицинские рекомендации «о здравии», «об образовании души», сведения о науках, художествах и ремеслах, хозяйственные советы и многое другое. Это была довольно сухая, скучная, нравоучительная книга, рассчитанная на постепенное усвоение учениками в течение длительного срока обучения. В практике работы лучших учителей содержание «Книги...» служило поводом для разговора с учащимися о смысле жизни и других животрепещущих во-

просах. Но на практике изучение книги, действительно заслуживавшей внимательного изучения, сводилось к зазубриванию наизусть её статей [226, с. 233]. Пространный катехизис отличался от краткого значительно большим объёмом и наличием примечаний по практическому применению его в жизни. Арифметика изучалась в пределах четырёх действий. Главное внимание уделялось усвоению механизма вычисления, после чего переходили к решению задач [225, с. 12].

Правильная орфография была в то время не столько результатом «доброго ученья», сколько делом навыка и постоянной практики. Отношение к правильному правописанию не было слишком строгим. В «Руководстве...» орфографические правила излагались неполно [265, с. 16].

Даже сам Рапинов в своих записях делает грубые ошибки («Слобоцкой», «в присудствии» и др.). Вот как характеризует он работу своей школы во втором полугодии 1808/1809 учебного года: «Преподано из пространного катехизиса с четвертого символ веры до конца, из краткой священной истории с параграфа 8 Нового Завета до конца; из “Книги о должностях...” со 2-й части до конца. Из 1-й части арифметики с деления до конца; в чтении и письме успели очень хорошо» [291, л. 131].

В 3-м классе повторно изучался пространный катехизис, но на этот раз «с доказательствами» из Священного Писания. Читалось Евангелие с толкованиями, заканчивался курс арифметики, начиналось преподавание истории и географии, в системе изучалась русская грамматика. Изучение религиозных текстов из «Евангелия» принимало более осмысленный и систематический характер и проходило следующим образом. Учитель предварительно прочитывал детям подлинный евангелический текст, объяснял им непонятные слова и переводил их на современный язык [161, с. 99].

После этого дети обращались к книге «Изъяснений...», где находили тот же текст в русском переводе, разбитый на мелкие отрывки для более полного усвоения. Далее они прочитывали «изъяснения», т. е. толкования и объяснения текста. Школьники должны были выучивать на память важнейшие догматы и молитвы, а также делать для себя соответствующие «нравоучительные выводы» [225, с. 13].

В училищах использовалась «Краткая российская грамматика» профессора Е. Б. Сырейщикова. Главное внимание в ней уделялось этимологии слов. Повторялись ранее усвоенные правила орфографии.

Важное место в обучении занимала «История других народов, каждого в отдельности», при изучении которой пользовались руко-

водством «Всемирная история, изданная для народных училищ. Часть 1». Рапинов отмечал, что учитель сопровождал преподавание истории показом мест исторических событий на «ландкарте». Ученики составляли под его руководством «хронологические таблицы». При чтении учебника ученик должен был заносить в соответствующую графу даты исторических событий, имена значительных личностей. При изучении географии пользовались пособием «Краткое землеописание Российского государства». Оно включало общее обозрение государства и список всех русских городов с указанием, на какой реке он стоит. Дополнительно изучали «Пространное землеописание Российского государства», использовали «Введение во всеобщую географию». Т. Т. Рапинов указывал в отчёте за 1808/1809 учебный год: «В 3-м классе прошли: с древней истории до республиканского состояния римлян, в географии Европы – до Португалии, в кратком землеописании Российского государства до губерний средней полосы, из российской грамматики – с глаголов до конца; из 2-й части арифметики с главного тройного правила пополнительно до конца» [291, л. 131].

В 4-м классе ученики продолжали изучение российской географии и истории, всеобщей истории (историю Пруссии, северных и южных европейских государств, США, Азии, Африки и Америки). Кроме того, изучались всеобщая и математическая (то есть физическая) география, основания естественной истории (то есть естествознание), геометрия, физика, механика, архитектура и черчение. Грамматика в 4-м классе повторялась с упражнениями в «общежительных» сочинениях, то есть сопровождалась сочинением писем, прошений, отчётов [225, с. 13].

Примечательно, что ученики всех российских училищ занимались по учебнику всеобщей истории, вторая и третья части которого, предназначенные для 3-х и 4-х классов, были написаны Иваном Федоровичем Яковкиным, воспитанником Вятской духовной семинарии. *Это, по нашим данным, первый вятский автор всероссийского учебника.* Учебник И. Ф. Яковкина был издан главной комиссией училищ и отличался краткостью, сочетавшейся с энциклопедичностью; имел характер справочного издания. В нём содержалось много фактов, но в то же время не всегда прослеживалась связь между ними. Не было подразделения на различные исторические эпохи. Исторические судьбы разных народов рассматривались в нём изолированно. Впрочем, это было одно из первых российских учебных пособий по всеобщей истории, которое дидактически и фактологически удовлетво-

ряло требованиям того времени. Российскую историю в училищах изучали по учебнику «Краткая Российская история» и по пособию Стриттера «История Российского государства» (в 2 т.). «Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара» представляло собой объяснительный текст к глобусам – земному и небесному.Активно использовалось в учебном процессе пособие «Всеобщее землеописание» (в 2 ч.). Первая часть включала географию Европы, вторая часть, написанная И. Ф. Яковкиным, – географию других частей света. Пособие «Начертание естественной истории» (в 2 т.) содержало практические советы и учебные тексты, включавшие описание различных частей России [196, с. 66–67].

Геометрия в то время больше понималась буквально, то есть как «измерение земли», и имела прежде всего практический, приложимый к жизни характер. «Краткое руководство к геометрии», которым пользовались в училищах, почти не имело «доказательств». Многие теоретические положения брались аксиоматически. При объяснении предлагалось исходить из «очевидности» и «наглядности». «Руководство к механике» и «Краткое руководство к физике» были составлены применительно к практике. Подробно излагалось устройство мельниц, различные источники механической силы. В «Кратком руководстве к гражданской архитектуре» давались указания относительно строительства, составления плана здания, которое «требовалось построить» [225, с. 13].

В 1788 и 1796 гг. Т. Т. Рапинов ввёл было преподавание латыни, но по требованию родителей учащихся обучение было прекращено. С наиболее успевающими учениками Рапинов проходил основания алгебры. Прохождение курса в 4-м классе в 1808/1809 учебном году директор ВятГНУ характеризовал следующим образом: «Из 2-й части арифметики с главного тройного правила пополнительно до конца. В математической географии – до конца. В натуральной истории в ископаемом царстве – до конца. В новой всемирной истории – до Франции. В географии Азии – до Бухары. Из механики сложных машин – до конца. Из физики г. Гиларовского – до конца. В рисовальном классе успели очень хорошо» (291, л. 132).

Приведённая запись показывает характер содержания образования в школе того времени. Школьное обучение имело выраженный реальный характер. Этому способствовал ряд причин. Первой причиной было наличие учебных пособий, носивших энциклопедический, справочный характер. Их основное назначение состояло в сообщении как мож-

но большего количества фактов. В них содержалось мало задач «для мысли», для развития самостоятельности мышления и воображения. В то же время учебники отличались простотой и ясностью в изложении материала. Для достижения большей отчётливости они подразделялись на части, главы и параграфы. В процессе работы с учебными пособиями перед учителем и учениками ставились конкретные задачи: усвоить, запомнить. Вторая причина заключалась в отсутствии в учебном плане латинского и греческого языков [225, с. 14].

Латынь была главным предметом даже в школе Л. Горки. Однако здравый смысл вятских граждан подсказывал им бессмысленность изучения этого учебного предмета, неприложимого к реальной жизни уже в то время. Реальный характер обучения обеспечивался практическим подходом к изучению математики, в которой упор делался на основательное изучение арифметики и «земельной» географии.

Наконец, задолго до К. Д. Ушинского изучение родного языка считалось в ВятГНУ важнейшим учебным предметом. Главное внимание уделялось практическому использованию знаний в жизни (составление «образцовых» писем, различного рода документов и пр.). Следует заметить, что в то время отсутствовало изучение литературы как отдельного предмета. Впрочем, этому есть объяснение: большой русской литературы тогда ещё просто не существовало. Редким было издание хрестоматий. Торжественные оды Хераскова, Тредиаковского, Ломоносова и Кострова мало подходили для изучения в провинциальных школах, а более приближенные к современному литературному языку произведения Карамзина и Жуковского только ещё пробивали себе дорогу и далеко не всегда имелись в наличии в училищных библиотеках. Ведущим методом обучения было чтение учителем вслух текста учебника вместе с учащимися. После этого учащиеся пересказывали его содержание. Для подготовки к ответу давалось некоторое время, и в эти минуты класс напоминал жужжащий улей. «Руководство учителям народных училищ» рекомендовало учителям заниматься не с каждым учеником в отдельности, а осуществлять «совокупное наставление». При этом учитель объяснял трудные места учебной книги, читаемой в классе и изучаемой учащимися дома. Тем самым училищный устав 1786 г. требовал от учителей и руководителей школ внедрения классно-урочной системы, что составляло тогда значительное нововведение и далеко не везде было осуществлено [161, с. 102].

Важным методом, использовавшимся в школах Вятской губернии, было повторение. Каждая «статья» читалась хором учениками

по 10–20 раз, так что в итоге они начинали «разуметь» и почти выучивали её наизусть «неприметным образом (то есть непроизвольно) все те нужные и полезные познания, которые в книгах для чтения... находятся» [265, с. 220].

В процессе преподавания использовались приёмы изображения через начальные буквы. Заучиваемый наизусть текст (стихи из катехизиса и т. п.) записывался на классной доске первыми буквами каждого слова и повторялся до тех пор, пока не выучивался наизусть. Лучшему усвоению материала, его систематизации способствовало использование метода составления таблиц. Для лучшего понимания учащимися материала учителя вятских школ прибегали к «вопрошению» изученного. Использовался в школах и метод наглядности посредством применения таблиц, «ландкарт». В ВятГНУ были устроены математический, физический и «натуральный» кабинеты [161, с. 102].

Т. Т. Рапинов в «Исторических записках» даёт длинный перечень, включающий более сотни приборов, устройств, наглядных пособий и прочего, в том числе, например, такие как барометр, «электрическая машина с прибором», ватерпас, две готовальни, два термометра, небесный и земной глобусы, географические карты, «фигуры для естественной истории» (муляжи и макеты), камера-обскура, рисунки и т. д. Был устроен «минц-кабинет», включавший собрание старинных монет (в том числе монеты римских императоров I–III вв., монеты русских князей), жетонов, «абдруков» (печатей) общим количеством 313 экз., в том числе 226 наименований монет в количестве 307 штук. Коллекция морских диковин состояла из 127 предметов. В коллекции минералов были представлены лунный опал, сердолик, янтарь, золотая самородная руда, колчедан, медная руда, серебряная и свинцовая руды, хрусталь, агат, «мармор», яшма, малахит, берилл, сардоникс, халкидон, «аметистово гнездо внутри кристаллизованное», «икряной камень» и т. д. Всего 385 наименований, 394 предмета. Все эти коллекции и библиотека были в ведении учителя Г. Дамарова. Перечень книг в библиотеке по состоянию на 31.01.1803 г. включал, например, следующие учебные пособия и книги: а) учебники: «Букварь» (140 экз.), «Российская грамматика» (24 экз.), «Всеобщее чистописание» (1-я ч. – 9 экз., 2-я ч. – 19 экз.), «Краткая история Российского государства» (9 экз.), «Извлечения Евангелия» (430 экз.), «Краткая история» (100 экз.), «Всемирная история» (1-я ч. – 8 экз., 2-я ч. – 18 экз., 3-я ч. – 190 экз.), «Краткий катехизис без вопросов» (105 экз.), «Руководство к геометрии» (11 экз.), «Руководство к меха-

нике» (15 экз.), Руководство к архитектуре» (3 экз.), «Начертания естественной истории» (1-я ч. – 30 экз., 2-я ч. – 36 экз.; в 2 ч., «без фигур» – 1 экз.), «Правила для учащихся» (116 экз.), «Руководство к арифметике» (1-я ч. – 100 экз., 2 ч. – 49 экз.; в 2 ч. – 2 экз.), «Руководство к математической географии» (17 экз.), «Руководство к физике» (20 экз.), «Руководство к чистописанию» (149 экз.), «Атлас России на простой бумаге времен Екатерины II» (14 экз.), «Пространный катехизис» (15 экз.), «Азбучные таблицы гражданской печати» (9 экз.), «Азбучные таблицы церковной печати» (13 экз.), «Таблицы для складов рукописных (3 экз.), гражданского письма (3 экз.) и церковного письма (3 экз.)». И это далеко не полный перечень учебников, имевшихся в библиотеке ВятГНУ; б) книги: «Труды Вольного экономического общества» (49 экз.), «Руководство к учителям» (4 экз.), «Рисовальная азбука» (2 экз.), «Словарь натуральной истории» (в 2 ч. – 20 экз.), «Конфуций, Магомед и Зороастр» (2 экз.), а также «Известия о старообрядцах», «Детский друг» (в 2 ч., ч. 2), «Греческие анекдоты», «Летопись Несторова», «Система мира» д′Аламбера («де Ламберта»), «Ядро истории Петра Великого», «Электрические опыты», «Руководство к древней географии», «Жизнь короля прусского Фридриха II», «Устав народным училищам», «Прописи», «Сочинения» Н. М. Карамзина, «Минералогия» Севергина, «Математика» И. Кеплера, «История» Тацита – все по одному экземпляру. Всего 55 наименований книг [295, л. 7–9].

Анализ более поздних описей предметов и наглядных пособий, находившихся в распоряжении педагогов ВятГНУ, позволяет сделать вывод о вполне приемлемом для условий того времени подборе учебных пособий и литературы, позволявшем осуществлять учебный процесс должным образом. Каждый учитель ВятГНУ ежедневно отмечал в специальной таблице «бытие» и «небытие» учеников, их леность и прилежание, опоздания и замечания и в конце каждого месяца подавал её в виде рапорта директору. Учителя малых народных училищ отчитывались перед директором народных училищ один раз в полгода. В их рапортах отмечались успехи учеников, их «прибытие и убытие», пожертвования для школы и другие сообщения. Отметки о способностях, прилежании и поведении в рапорте отмечались такими словами, как «остр», «понятен», «забывчив», «нерадив», «посредствен», «забиячлив», «резв», «хорош» и т. п. Отметки в школах не ставились, и ученики, как и много десятилетий спустя в школе Л. Н. Толстого, не трепетали за каждое слово своего ответа на уроке.

«Порядок выгодный для учеников и весьма невыгодный для учителя, почему изобретение цифровых отметок и экзаменов составляет великое явление в жизни собственно учительской», иронически замечал вятский историк Александр Андреевич Спицын [265, с. 22].

Домашних заданий не было. Указанные выше книги оставались в школе, и каждый урок начинался их раздачей ученикам, которые были не в состоянии их покупать. Процесс обучения носил в основном принудительный характер, поскольку состоял обычно в заучивании большого объема фактического материала.

В течение учебного дня обычно проводилось шесть уроков, разделяемых перерывами на обед. Но фактически получалось так, что в день успевали заниматься только двумя учебными предметами, поскольку урок не заканчивался до тех пор, пока все ученики не выучивали очередную порцию материала, а учитель не успевал их всех опросить. Там, где классы были большие, по 20 и более учеников, заучивание и опрос затягивались порой на три часа. В низших классах ГНУ и МНУ уроки длились по полтора-два часа. Перемен не было. Поощрялся взаимный опрос учащихся. Но, в общем, получалось так, что, пока учитель опрашивал одного ученика, остальные оставались в это время без дела. Единственное, что требовалось от них, – «не шуметь». Даже в «Руководстве для учителей» встречается такая фраза: «При совокупном наставлении дети научатся скорее и легче, а учитель не имеет больше нужды на неделающих ничего столь часто кричать» [161, с. 104].

Вот как описывает типичную картину учебных занятий в училище А. А. Спицын, бравший за основу воспоминания бывших учеников ВятГНУ, которые делились с ним воспоминаниями, уже будучи пожилыми людьми.

«Перед нами тесная, грязная комната с несколькими тесно уставленными, длинными-предлинными убогими партами, исчерканными и исполосованными во всех направлениях; на партах расселось плечо о плечо 50 (или меньше) живых мальчуганов, скованных присутствием учителя и учебников. В засаленных и истрепанных своих книжках они уже отметили то, что задал учитель выучить, и уже отбывают свою работу – зубрят, заботясь лишь о том, чтобы при помощи испытанных неоднократно ухищрений взять поскорее заданное на память и дать себе затем какой-нибудь отдых, или, по крайней мере, выучить настолько, чтобы избежать на сегодня наказания. Гул стоит в школе от молодых голосов, так как зубрить невозможно про себя, да

и учитель требует постоянного голошения... Вечером не так шалится ученикам, как утром, но, посмотрев на увлечённых своим занятием детей, вы подумали бы, что они разыгрывают какую-нибудь странную роль, каждый свою, либо шалят изысканным образом, либо все находятся в каком-нибудь непокойном болезненном расположении: всякий учится по-своему, всякий, стараясь помочь себе голосом и телодвижениями, разнообразит их на свой манер. Один раскачивается всем телом, другой зубрит, закрыв глаза и покачивая в такт головой, третий сидит странно и неподвижно, другой мозолит и теребит листы книги. Каждый занят своим делом, и нет ничего их соединяющего, кроме парт. Общей классной умственной работы нет. Учитель лишь слегка следит за учеником. Его – только обязанности контролёра. Всё, что надо знать, написано в книге, и ему нет никакой нужды что-нибудь объяснять или дополнять; это и не в привычку, и не нужно, и слишком много будет, и произведёт лишь беспорядок. Когда прилежные ученики кончили зубрение и уже начали сильно скучать и даже пошаливать, учитель увидел, что он должен приступить к важнейшему акту своих контролерских обязанностей – выспрашиванию. По требованию его класс смолкает, и начинается переспрашиванье выученного каждого ученика в одиночку, с первой строки до последней; от остальных учеников требуется только одно – чтобы они сидели тихо и ждали своей череды.

Ученики более или менее выспрошены, класс близится к концу, и наконец учитель даёт указание собираться домой, которое исполняется чрезвычайно поспешно и охотно. Безучастно и спешно читают молитву, выходит учитель, а за ним, шумя и толкаясь, ученики. Сторож подметает на полу и тушит свечки» [144, с. 25–26]. По средам и субботам, «для отдохновения», ученики 2–4-х классов собирались вместе и, образовав тем самым рисовальный класс, упражнялись в течение двух-трёх часов в рисовании моделей и в черчении» [265, с. 25–26].

В 1810 г. министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский в своём послании попечителям народных училищ указал на то, что вместо осмысленного усвоения наук он отмечает в школах механическое зубренье, потому что такой ход занятий удобен учителям, не требует от них подготовки к занятиям. Он потребовал от директоров народных училищ и проверяющих («визитаторов») обращать особое внимание на то, как во время проверок, испытаний и в ходе занятий учителя «спрашивают» учеников, добиваются ли они от учеников осмысленных ответов. При назначении учителей следует,

указывал министр, обращать особое внимание на усвоение учителями разумных методов занятий» [295, л. 18].

Деятельность народных училищ нуждалась в общественном контроле, и этот контроль воплотился в форме открытых испытаний («официальных представлений»), которые проводились в учебных заведениях дважды в год: под Рождество и летом, в конце учебного года. Это были самые значительные события в жизни коллектива училищ, ставившие перед собой две задачи: во-первых, отчитаться перед общественностью и властями (губернатор, городская глава, архимандрит Успенского Трифонова монастыря, приказ общественного призрения, префект духовной семинарии) о проделанной за полугодие работе, продемонстрировать то новое и положительное, что вошло в жизнь учебного заведения за истекшее учебное полугодие; во-вторых, пользуясь посещением училища высокопоставленных чиновников, попытаться привлечь их внимание к материальным, кадровым и иным проблемам училища. К мероприятию готовились задолго, особенно к летнему, считавшемуся главным. Именно на летние испытания всегда являлось высшее начальство; на зимнем в основном присутствовали только родители. Учителя готовили речи, «диссертации» (то есть небольшие научные доклады), ученики зубрили стихи и определённые каждому разделы учебника, участвовали в спевках. Наконец, назначался день испытания, приглашались гости. Парты в классе, где проходило испытание, заменялись приличной мебелью. Вместе с губернатором, являвшимся по должности попечителем народных училищ, приходили и другие чиновники, все в парадной форме. Учителя наряжались в лучшие кафтаны. Иногда, в первые годы работы училища, губернатор проводил испытания в своём доме по причине тесноты училищных помещений. Дети чувствовали себя скованно в незнакомой богатой обстановке губернаторского дома. Сначала испытания начинались во второй половине дня, но порой они затягивались и потому впоследствии стали проводиться с 10 часов утра. Обычно вначале директор обращался к детям и педагогам с приветственной речью, нередко в стихах, в которой выражалась горячая благодарность к местным правителям и царствующей особе. Последующие речи также обычно содержали «благодарное излияние сердец юношества к щедротам Великия Императрицы и к почтенным посетителям удовольствованное чувствование» [291, л. 312].

Директор училища Иван Стефанович старался разнообразить представление музыкальными номерами. Летнее испытание 1791 г.

«к удовольствию публики» «начало восприяло при вокальной и инструментальной музыке, потом говорились речи учителями и учениками; заключение же испытания последовало также при вокальной и инструментальной музыке, на что и сочинены были приличные канты» [265, с. 50].

Первый кант в начале одного из испытаний был следующий:

Сто крат блаженный град, блаженна Вятка ныне.
Воспой торжественно, во гласе трубне, в честь
Песнь новую в сей день второй Екатерине.
Она тебя наверх изволила вознесть.
Ты светом знания днесь свыше озаренна,
И ныне зришь ты чад, в сём доме наученна.
О день, о час святой! Минуты преблаженны,
В которы возгремел Екатерины глас;
Да будет свет в пределах русских вожделенный!
И тако бысть, мрак прочь днесь удален от нас.
Всяк пол и всякий род течёт во храм ученья,
Исполнен ревности, исполнен и веселья.
Сё памятник щедрот, и милостей пучина,
С благоговением, о смертный! ты внемли:
Творец сих благ твоих одна – Екатерина.
Весной, прославь её во все концы земли,
Да царствует она для нашего блаженства,
Да царствует навек для чад сих совершенна! [225, с. 16]

По окончании того же испытания прозвучал не менее прекрасный кант:

Простри с небес твой взор, о ты, великий Боже,
Взор милостей твоих на юных сих птенцов!
Что драгоценнее на свете быти может,
Как зрети чад своих перерожденных вновь.
Златой премены сей царица есть виною.
Творец, да будет Росс любим навек тобою [265, с. 50–51].

В начале и в конце испытания 1792 г. прозвучал гимн ВятГНУ:

Гласом звучным возгремите,
Вы, российские сыны.
И трубою возвестите
В северные днесь страны.
Да узнают и потомки
Сколь дни ваши были громки.

Росс уж ныне просветился,
Суевер прочь удалён,
Образ мыслей пременился,
Храм наук всем отворён.
Воин, жрец там с дворянином, земледелец с мещанином
Образуются в предметах.
Восплещите днесь руками,
Восхвалите все устами
Благонравные отцы,
Что седьмой год протекает
Как ученье всяк вкушает
Под державой Августейшей! [265, с. 58–59]

Во времена директорства Т. Т. Рапинова испытания приобрели более деловой характер. Каждый класс представлял себя речью или стихами. Стихи носили нравоучительный характер. И хотя с ними обращались к гостям, их содержание было направлено по отношению к самим детям. Ученик 1-го класса Андреянов, приветствуя «гостей дорогих», так рассуждал о смысле жизни:

Недавно я родился в свет.
Мне от роду пять только лет.
Но вижу – люди все трудятся,
Большой и малый суетятся.
Себе на пользу промышляют.
Конечно, Бог людей создал
Не куклами, благоизволил!
Так равно и меня устроил
Всех голосов символы знать
И в том ответе – сметь утверждать [291, л. 304].

Ученики описывали в стихах своё прежнее невежество мрачными красками и обращались к посетителям с просьбой посмотреть, насколько они преуспели в науках теперь. Обращаясь к «вожительным гостям» и «высокопочтенным мужам», ученик 1-го класса Мышкин начинал стихотворение на испытании в ВятГНУ 16 июня 1804 г. словами: «Прострите взор на нас и на успехи наши» [170, с. 44].

На испытании в 1800 г. в ВятГНУ крестьянский мальчик Пойлов произнес следующие стихи:

Нет мочи уж молчать, что чувствую я здесь!
(Показывает рукой на грудь.)
Позвольте мужичку хоть пять слов произнесть!
Пахать, жать, молотить – на вить я и родился,
И в сей работе век, век долго бы трудился.
Теперя я учусь, учусь читать, писать.
Учусь ещё тому, как жить, как Бога знать.
Как это хорошо, все братья наши знают.
За то творца сих благ все чтут и величают [265, с. 35].

После приветствий и стихов начиналось некое подобие экзамена. Ученики брали билеты и давали ответы на содержавшиеся в них вопросы. Участвовали в экзаменах не все школьники, а лишь специально отобранные, лучшие. Обычно переводные, «рабочие» экзамены проводились позднее, и они носили деловой характер. Открытые же испытания не были выпускными и переводными. Они назначались лишь для показа «избранных плодов просвещения» [161, с. 108].

Иногда на испытаниях учителя, в частности А. И. Вештомов, выступали с научными докладами («диссертациями»). На летнем испытании в 1901 г. главная речь была произнесена «училищным оратором» учителем 3-го класса Григорием Дамаровым на тему «О начале и успехах наук и искусств, преобразующих разум человека и приводящих его к тому, на что он произведён природой». В своей речи Дамаров дал краткое описание развития науки от времён «халдеев» и египтян и закончил современным (для того времени) её состоянием. Особенно подробно остановился он на заслугах Петра I и Екатерины II в деле прогресса научных знаний. Таким образом, испытания были своеобразным отчётом перед общественностью не только для учащихся, но и для учителей. По окончании выступления, которое обычно завершали старшие школьники, присутствующие благодарили учителей и детей и награждали последних, обычно книгами и одеждой. Т. Т. Рапинов скрупулёзно отмечает, какими книгами благодарили детей губернатор, епископ, другие почётные гости. Так, в 1792 г. это были такие книги, как «Слава русская» (7 экз.), «Прочти меня на досуге» (2 экз.), а также «Жизнь Марии Терезии», «О дубовых жёлудях», «Сновидения Аристовуловы», «Поход на шведа», «Разговоры Пифагора с Сократом о должностях человека», «Письмо барона Гольберга о сражении Александра Великого с Карлом XII», «Водка в руках философа, врача и простолюдина» – по одному экземпляру [161, с. 109].

Наилучшей наградой для выпускников было место чиновника в канцелярии. Так что участие в испытании было для них своего рода «должностными смотринами». В заключение директор обычно показывал гостям кабинеты, делился своими нуждами и излагал просьбы [225, с. 17].

В первый учебный год в ВятГНУ испытания не было «из-за тесноты училищного дома» [161, с. 109]. Но уже зимой следующего года на испытании присутствовали губернатор Мещерский, Ф. Ф. Желтухин, епископ Лаврентий II, много обывателей. «По окончании испытания слышен был от всех присутствующих особ благодарный отзыв. Родители же и ближние, взирая на юных птенцов сих, как прежде сего по стогнам града в превратном и жалостном виде к общему устыдению пресмыкалися, а ныне уже иные из них в чтении, письме, искусстве рисовальном упражняются, а другие арифметике, геометрии, географии, катехизису и истории обучаются, – восхищались, благодаря Творца и Бога, что во дни Екатерины II для преобразования сердец и разума открыта дорога», – писал в отчёте с удовлетворением И. Стефанович [290, с. 20]. А «дети, восхищаясь посещением знаменитых особ, один перед другим старались показать себя в знании успешными», – заключал И. Стефанович [290, с. 32].

В 1792 г., помимо речей, чтения стихов и кантов, вниманию собравшихся был представлен красочный эстамп, изображавший Екатерину II в окружении детей, каждый из которых держал в руках «предмет науки» (глобус, циркуль линейку, ручку и т. п.) и с помощью этого предмета занимался «изучением наук». Надпись внизу гласила: «Что дед или отец за чудо почитали, то внук иль сын в Екатеринин век узнал» [265, с. 33–34].

Эстамп 1795 г. изображал храм, по сторонам которого были изображены «Время» и «Вечность». Посредине храма на жертвеннике лежали две книги: книга природы и книга божественного откровения. «Благоденствующие гении» рукою указывали на книги, восклицая при этом: «Воззри, разумевай и умудрись». В 1806 г. в зимние испытания посетителей явилось мало из-за холодных покоев. В 1807 и 1808 гг. зимние испытания продолжались в течение трёх дней [161, с. 110].

Последним в ВятГНУ было летнее испытание 1811 г. Особую торжественность мероприятию придавало то обстоятельство, что все присутствующие знали, что это испытание – последнее. Вятское главное народное училище преобразовывалось в мужскую гимназию.

Речи в тот день – 28 июня – звучали уже и на татарском языке. Учащиеся, помимо прочего, упражнялись в распознавании руд и растений по коллекциям, собранным учителем Александром Яковлевичем Некрасовым. Некоторые выпускники переводились в гимназию.

«К удовольствию зрителей учинён от четырех лиц детский разговор из географии о любопытном и приятном. При сём испытуемы были разными посетителями и директором ученики в практическом исследовании предложенных штуфов минералов в натуре и растений живых и содержащихся в гербариях, отысканных нынешнею весною трудолюбивым господином учителем Некрасовым, который и заключил то испытание речью. Все посетители, видя зрелые и опытные успехи воспитывающегося юношества, исполнились приятным удовольствием, которым будучи движимы отозвались с признательностью к господину директору и господам учителям» [268, т. 2, с. 622].

Переводные («настоящие») экзамены шли под наблюдением директора ВятГНУ или смотрителя (в МНУ) и в присутствии учителя более старшего класса. Последний (своего рода «приёмщик продукции») бывал нередко придирчив и отмечал недостатки в ответах тех, кого ему приходилось принимать. Так, в 1801 г. в ВятГНУ из 36 учеников 1-го класса были переведены в следующий класс лишь 24, из 29 учеников 2-го класса – 14, из 15 учеников 3-го класса – 13, из 7 учеников 4-го класса были выпущены 5 человек. Обычно «вакат» (каникулы) продолжался не более месяца, а в 1802 г. его не было совсем, поскольку испытания провели слишком поздно, и уже в августе начался новый учебный год. С 1806 г. лучшие учащиеся отмечались не только книгами и одеждой, но и «тиснутыми» похвальными листами. По «Уставу народным училищам» 1786 г. предполагалось вручение в учебных заведениях «особых почётных книг» [161, с. 110].

В своих записях Т. Т. Рапинов отмечает лучших учеников ВятГНУ. Так, в 1805 г. «реэстр» отличившихся благонравием и особенными успехами учеников ВятГНУ выглядел следующим образом: 1-й класс – Иван Короваев, Николай Часовников, Александр Кушков, Алексей Краев, Пантелеймон Вшивцев, Николай Калинин. Всем им был вручен в качестве награды учебник арифметики (часть 1). Ученику второго класса Илье Чайковскому, в будущем отцу великого русского композитора П. И. Чайковского, вручили «Краткое землеописание Российского государства», другим лучшим второклассникам – Фёдору Финицкому, Степану Завалину, Козьме Антипову, Семену Скосареву, Ивану Андрееву, Иосафу Матвееву – «Арифметику» (ч. 2). Этот

учебник стал наградой и для лучших третьеклассников – Ивана Корелкина, Александра Часовникова, Василия Кунаева, Николая Анисимова, Александра Максимовича, а третьеклассники Иван и Захар Хлопины, Николай Шабалин получили похвальные листы. Выпускники Платон Вештомов, Петр Кошкарев и Яков Ермолин также были награждены похвальными листами, а Сергей Андреев, Яков Ложкин и Павел Смирнов – учебником «Геометрия» [161, с. 110–111].

Работа Вятского главного народного училища и его «меньших братьев» оставила яркий след в истории народного образования в Вятской губернии, заложила основу для открытия первой Вятской мужской гимназии.

IV. ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА В ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

4.1. Прогрессивный характер работы Вятского земства

Начиная с 1864 г. в России стали создаваться земства – органы местного самоуправления, на которые возлагались функции организации «местной жизни» и её улучшения путем учреждения больниц, приютов, строительства дорог и мостов, организации книжных и аптечных складов, развития потребительской кооперации и, разумеется, народного просвещения. Работа земств в области развития просвещения осуществлялась в следующих основных направлениях: открытие школ и других учебных заведений; их финансовое, хозяйственное, методическое и кадровое обеспечение; организация внешкольной образовательной работы, в том числе среди взрослого населения [258]. Эти направления не являлись специфичными для работы земских учреждений в каких-то определённых губерниях, а представляли собой то *общее*, что характеризовало деятельность всех земств России в целом [262, с. 5–6].

Специфика деятельности именно Вятского земства проявляется при рассмотрении конкретных действий, которые ими предпринимались для осуществления прогрессивных преобразований, способствовавших поступательному развитию системы просвещения в этом российском регионе [263].

Работа Вятского земства рассматривается в данной монографии в сравнении с нашими соседями – аналогичными организациями Ниже-

городской и Казанской губерний. Это позволяет более точно определить характер проводимых земствами мероприятий и с большей точностью оценить их достижения и недостатки. Как отмечали отечественные исследователи в области истории земского движения (Б. Б. Веселовский, П. А. Голубев, Е. А. Звягинцев, П. Ф. Лысков, Ф.А. Петров, Н. М. Пирумова, В. Б. Помелов, А. А. Савельев, В. Е. Чешихин-Ветринский, В. А. Акимов, Н. В. Чехов, И. И. Стефанова, В. В.Куликов и др.), деятельность Вятского земства на протяжении многих лет носила прогрессивный характер [26; 36; 52; 72; 142; 147; 151; 201; 203; 216; 247; 254; 267], что объясняется рядом причин.

Важнейшей из этих причин был *демократический состав гласных*. Несмотря на введение имущественного (для горожан) и земельного (для сельского населения) цензов, лишавших избирательного права малоземельное крестьянство и беднейшие слои городского населения, в составах губернского и уездных земств в Вятской губернии преобладали две категории населения: крестьянство и так называемый «служилый», или «третий», «элемент», значительную часть которого составляли представители демократической интеллигенции: врачи, агрономы, журналисты, учителя. Как правило, «третий элемент» не обладал землей или сколько-нибудь значительным имуществом, достаточным для преодоления имущественного ценза, но его представители попадали в земства по доверенности землевладельцев. Право участия в работе земств «по доверенности» было предоставлено *Вятской*, Олонецкой, Вологодской и Пермской губерниям [267, с. 18].

Эта особенность, которую можно считать региональной, сыграла важную роль в развитии просвещения в указанных губерниях, поскольку попадавшая в земства «по доверенности» передовая интеллигенция в силу своей образованности и близости к народу отчетливо осознавала необходимость просвещения. Не случайно, давая характеристику начальному периоду земской деятельности, региональные исследователи отмечали, что «лучше всего дело обстояло в Вятской и Пермской губерниях» [261, с. 3]. Именно эта социальная группа выдвинула из своих рядов таких выдающихся вятских земских деятелей, как Л. П. Матвеев, М. М. Синцов, А. П. Батуев, В. А. Садовень, Л. В. Юмашев и др. Гласные-крестьяне представляли собой в основном новый тип сельского хозяина – землевладельца, приобщающегося к торговле и развитию мелкого производства. Так, «Вятские губернские ведомости» (1882, № 28–29) писали о губернском гласном вятском крестьянине П. Заркине, занимавшемся торговлей лесом, да-

вавшей ему более 6000 р. годового дохода. Крестьянские представители в земствах, как правило, выступали в поддержку проектов расширения образования. В земствах Вятской губернии первого трехлетия крестьяне составляли 49,5% от общего числа гласных, в Нижегородской губернии – 41,0% [140]. В среднем по России этот показатель составлял 38,8% [104, с. 203].

В связи с этим председатель Вятской губернской земской управы Авксентий Петрович Батуев отмечал, что «вятское земство в постановке дела народного образования всегда считалось передовым. Это вполне естественно, так как большинство вятских земцев были крестьянами, и устраивали они народные школы для своих же детей, зная необходимость их и важность получения образования для культурного крестьянина. Устройство школ было для них вопросом не филантропии, а насущной надобности. Поэтому дело это в Вятской губернии сразу твёрдо стало на ноги» [9, с. 3].

Практически полное отсутствие помещичьего землевладения в Вятской губернии (к 1861 г. в губернии насчитывалось всего около 50 000 крепостных крестьян на два с половиной миллиона населения) обусловило значительно меньший, по сравнению с другими губерниями, процент гласных (37,9%) дворян и чиновников в первом, а затем и в последующих земских трехлетиях, в то время как по России в целом этот показатель равнялся 74,2% [26, с. 49]. В некоторых губерниях он был ещё выше, например, в Пензенской губернии доходил до 84,5%. В той же Пензенской губернии крестьяне полностью отсутствовали в губернском собрании [107, с. 78–79].

Второй важнейшей причиной, обусловившей прогрессивный характер деятельности земств Вятской губернии, был *особый*, по сравнению с подавляющим числом земств других губерний, *характер руководства делом народного образования*. Забота об удовлетворении потребности населения в начальной школе возлагалась в уездах и губерниях на уездные (и губернские) училищные советы и уездных (и губернских) предводителей дворянства, позиция которых в отношении просвещения народа по понятным причинам обычно отличалась консервативностью.

В Вятской губернии, в отличие от соседних с ней губерний, отсутствие дворянской прослойки и самого института предводителей дворянства привело к тому, что уездные и губернский училищные советы находились под председательством (соответственно) инспекторов и директора народных училищ, а ими были, как правило, гуман-

ные, образованные люди, такие как А. А. Красев, А. Д. Сильницкий, А. И. Анастасиев, стремившиеся к возможно более полному удовлетворению образовательных запросов населения [109].

Созданные в начальный период деятельности земств на местах специальные комиссии пытались определить ведущие направления деятельности этих новых для России учреждений. В рассматриваемых губерниях они определили в качестве важнейших проблем низкий уровень экономического благосостояния, медицинского обслуживания и просвещения населения. Поэтому роль образования осознавалась местными земствами как кардинальное средство решения и других важнейших социальных проблем. При этом вятские, а также нижегородские и казанские земцы объединяли понятия начального общего образования и начального профессионального образования и решение этих двух задач возлагали на один и тот же орган – земскую школу, в учебные планы которой входило изучение основ сельскохозяйственного производства и обучение различным ремеслам. Это вызвало своего рода даже «чрезмерную», по оценке некоторых исследователей, активность в деле просвещения указанных земств [264, с. 44].

Постановка проблем просвещения в центр работы земств рассматриваемых регионов является следующей важнейшей причиной, обусловившей прогрессивный характер земского движения в рассматриваемой области духовной жизни в изучаемых губерниях [262, с. 5].

Отметим, что охарактеризованные причины проявились в значительно меньшей степени в Казанской и Нижегородской губерниях, по сравнению с Вятской губернией, что, по нашему мнению, в определённой степени предопределило и несколько более скромные, по сравнению с Вятской губернией, достижения их земств в области просвещения.

Как известно, земская школа была предназначена для сельского населения. Однако в связи с тем, что в Вятской губернии уездные города имели небольшую численность населения, им было также предоставлено право открывать земские школы. *Работа городских земских школ, становившихся своего рода экспериментальными площадками в уездах по освоению новых педагогических идей,* может рассматриваться как одна из причин прогрессивного характера земского движения в области просвещения в Вятской губернии [264, с. 43].

Вышеизложенное позволяет нам выделить следующие основные стороны осуществления земской деятельности, определившие собой региональный характер земских преобразований в области просвеще-

ния в Вятской губернии: приоритетность вопроса развития сферы образования в деятельности земств; своеобразие работы земств по обеспечению совершенствования учебного процесса в школе; борьба прогрессивных и консервативных взглядов и позиций региональных деятелей в исследуемой сфере духовной жизни общества. Несомненно, к составляющим такой региональной особенности образования и воспитания, каковой является земская деятельность, относятся и такие её важнейшие стороны, как подготовка учительских кадров, просвещение нерусских народов, проживавших в рассматриваемых регионах, научно-методическая работа местных педагогов [112; 236].

Приоритетность вопроса развития сферы образования в деятельности земств рассматриваемых регионов, и прежде всего земств Вятской губернии проявлялась в первую очередь в двух наиболее важных аспектах: в открытии учебных заведений и характере их финансирования. При введении земских учреждений в Вятской, Нижегородской и Казанской губерниях сравнительно хорошо организованными начальными сельскими училищами были школы, относившиеся к ведению палаты государственных имуществ и содержавшиеся на средства с особого сбора с государственных крестьян (по 6,25 к. с ревизской души). Школ этого типа в Вятской губернии насчитывалось в 1867 г. 212 (7535 учащихся). Их содержание обходилось в 33 092 р., то есть по 153 р. в год на одну школу, не считая затрат на содержание школьных помещений. По мере передачи основной массы школ в ведение земств выяснилось, что до четверти из них существовало фактически только в отчетных документах. В Казанской губернии к середине 1860-х гг. на каждый из 12 уездов, по данным губернаторских отчетов, приходилось не более 5–10 школ, а фактически вдвое меньше. Несколько лучшее положение в Нижегородской губернии определялось её принадлежностью к одному из центральных (Московскому) учебных округов, где, по всей вероятности, лучше осуществлялся контроль за работой школ. В 1867 г. здесь насчитывалось 189 школ (5719 учащихся), по 17,1 школы на уезд. Распределение их было чрезвычайно неравномерным: от 41 и 37 школ в Нижегородском и Лукояновском уездах до двух в Семёновском и Сергачском уездах [258, с. 18].

Активная работа земств в сфере образования способствовала значительному росту количества школ и увеличению количества учащихся. Так, по России в период с 1869 по 1898 г. количество начальных школ возросло с 17 678 до 78 699 (в 4,5 раза), в земских

губерниях – с 9677 до 47 125 (в 4,9 раза), в Нижегородской губернии с 274 до 533 (в 1900 г., в 1,9 раза), а в Вятской губернии – с 352 до 2107 (в 6,0 раза). Соответственно, увеличилось и количество учащихся в начальных школах: по России – с 598 121 до 4203 246 (в 7,0 раза), в земских губерниях – с 274 107 до 2682 358 (в 9,8 раза), в Нижегородской губернии – с 8275 до 40 840 (в 1900 г., в 4,9 раза), в Вятской губернии – с 12 526 до 107 142 (в 8,5 раза) [26, с. 567].

Таким образом, рост сети начальных школ и количества учащихся в Вятской губернии соответствовал среднеземскому уровню и превышал соответствующие общероссийские показатели [26, с. 567]. Тем не менее, сознавая значительное отставание, изначально имевшее место в просвещении населения Вятской губернии по сравнению со многими другими российскими регионами, местные земства стремились к расширению финансирования этой сферы, о чём свидетельствуют статистические данные (табл. 1).

Таблица 1

Финансирование земствами народного образования (в тыс. р.) [219, с. 167]

Губерния / Год	1871	1876	1880	1890	1895	1901	1903
Вятская	192,1	72,9	15,1	42,4	77,6	428,3	571,0
Казанская	51,4	21,1	01,1	34,4	84,7	12,9	59,3
Нижегородская	35,9	78,9	117,4	164,3	216,0	404,3	435,0
Московская	95,3	159	242,6	387,8	447,5	1006,1	1124,0
Санкт-Петербургская	26,7	90,5	88,7	150,7	209,8	420,1	489,9
Всего по 34 земским губерниям	1600	4091	5200,0	7225,8	9128,	16924,	19756,4
В среднем на одну губернию	49,3	120	152,6	212,5	268,2	497,7	581,1

Приведённые в табл. 1 данные убедительно свидетельствуют о том, что вятские уездные земства по расходам на народное образование с самого начального этапа своей деятельности были в числе передовых. В то же время в Казанской губернии в 1871 г. весь школьный бюджет уездных земств – губернское земство в тот период не принимало участия в финансировании школьного дела вообще – едва превышал 50 000 р., причем некоторые уездные земства губернии,

например ядринское, цивильское и царевококшайское, расходовали крайне мало средств на эти цели: 360 р. (1,4% бюджета), 800 р. (1,8%), 943 р. (1,9%) соответственно.

Как отмечал статистик Я. В. Абрамов, в Казанской губернии «иные (уездные. – *В. П.*) земства первые два-три года совсем не ассигновали на школы ни копейки, а другие – отпускали небольшие суммы на вспомоществование преподавателям сельских школ» [1, с. 4].

В 1873 г. в Вятской губернии было уже 469 начальных училищ с почти 23 000 учащихся. Из них на земский счет содержались 398 училищ с 20 000 учащихся. Расход земств определялся сумой в 203 000 р., то есть в среднем по 510 р. на одну школу [37, с. 16]. Подобного бюджета (214 000 р.) Казанской губернии удалось достигнуть лишь в 1887 г. [61, с. 20]

Важно подчеркнуть, что расходы *каждого из уездных земств Вятской губернии* на образование значительно, а во многих случаях и многократно превосходили соответствующую статью расходов подавляющего большинства уездных российских земств, многие из которых располагали куда более крупными средствами, нежели вятские земства. Провинциальные вятские городки и сёла, о существовании которых за пределами губернии мало кто слышал, тратили на образование – каждый в отдельности – значительно больше земских средств, чем самые крупные российские города (за исключением Москвы и Екатеринбурга). Так, в 1901 г. первое место по затратам на народное образование занимало Московское уездное земство (207 200 р.) [218, с. 85].

Вятские уездные земства занимали следующие места: Сарапульское (140,7 т. р.) – 5-е, Уржумское (128,0 т. р.) – 7-е, Яранское (116,9 т. р.) – 8-е, Глазовское (113,9 т. р.) – 11-е, Орловское (93,5 т. р.) – 21-е, Слободское (80,6 т. р.) – 34-е, Малмыжское (80,0 т. р.) – 35–36-е (вместе с Пермским уездным земством), Котельничское (75,2 т. р.) – 41-е. Примечательно, что в списке 60 уездных земств, уделявших наибольшее внимание финансированию народного образования, представлены в основном те уездные земства, которые располагались в губернском городе, то есть Московское, Санкт-Петербургское, Пермское, Тверское и некоторые другие уездные земства. Кроме того, практически все губернии, в том числе Московская, Санкт-Петербургская и Казанская губернии, представлены в списке всего лишь одним уездным земством, а Нижегородская губерния не представлена вовсе [26, т. 1, с. 567].

В то же время в этом списке фигурируют *восемь из одиннадцати* имевшихся на тот период уездных земств Вятской губернии. При этом

Стефан Пермский

Трифон Вятский

Лаврентий Горка

Феофан Прокопович

Бюст А. И. Вештомова
в г. Кирове

А. П. Батуев

Вятский губернатор
Ф. И. фон-Брадке (1808 – 1816)

М. В. Полиновский

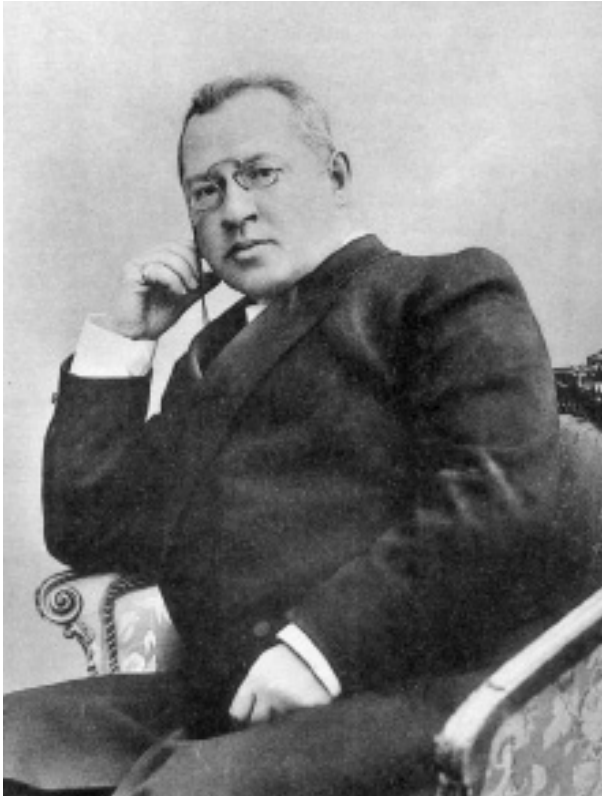
И. М. Глебов

Э. Е. Фишер

Ф. М. Керенский

Н. Ф. Свешников

С. А. Нурминский



А. И. Павлов

С. А. Богатырев

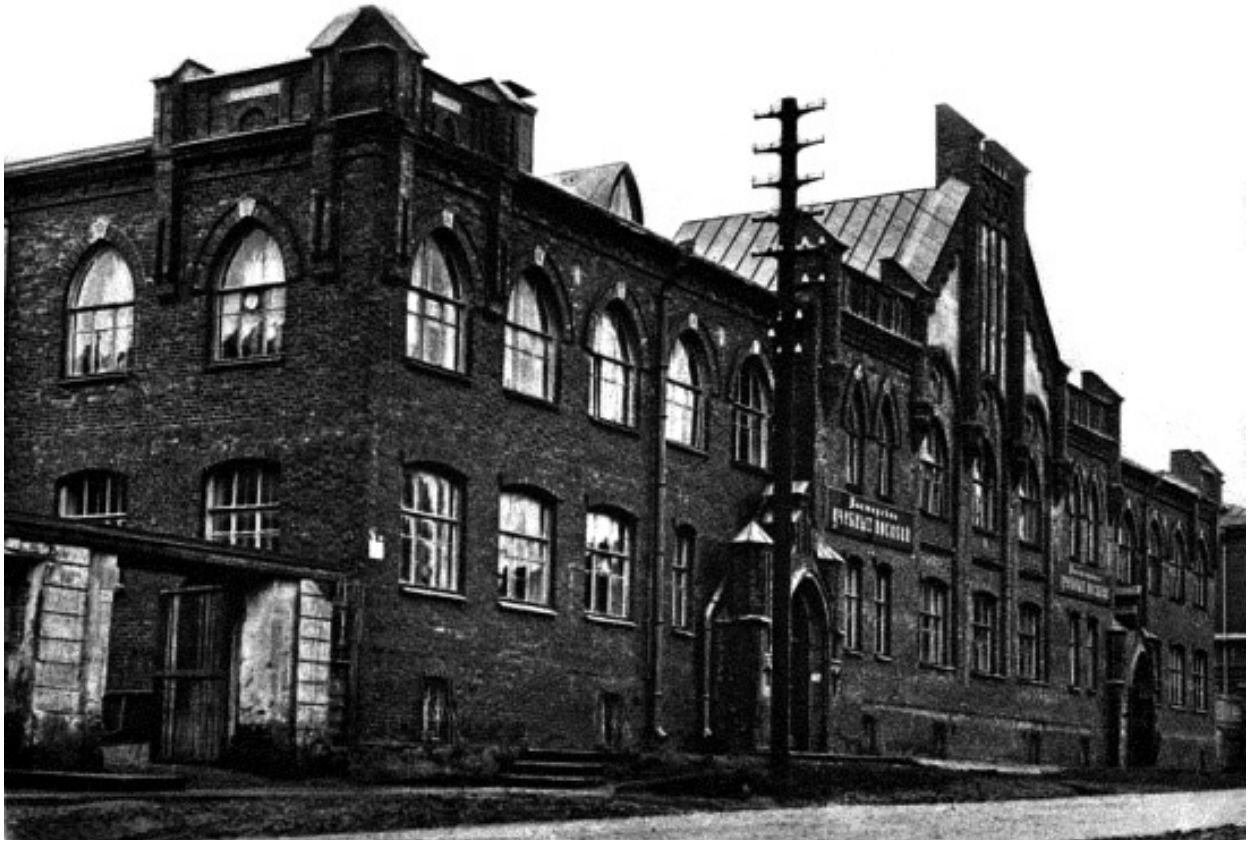
Т. Ф. Булычев

Д. А. Толстой

К. П. Победоносцев

Д. И. Тихомиров

Г. Ф. Стахеева



Вятская губернская земская мастерская учебно-наглядных пособий (в советское время завод № 2 «Физприбор» им. А. В. Луначарского)

Первое помещение 1-й Вятской мужской гимназии (1811-1815), дом Масленникова

Здание гимназии в 1815-1841 г. (бывший дом Аршаулова)

Здание 1-й Вятской мужской гимназии во второй половине XIX в.
(ныне ул. Спасская, 12б)

Здание Вятской гимназии, пожертвованное почетным попечителем Т. Ф. Булычевым (ныне учебный корпус Вятской гуманитарной гимназии)

Учителя гимназии в 1910-1911 учебном году. В первом ряду четвертый слева С. А. Богатырев, шестой слева – Т. Ф. Булычев

в списке отсутствует центральное – Вятское уездное земство. Это последнее обстоятельство, в частности, положительно характеризует деятельность вятских земств в том отношении, что средства, выделявшиеся на народное образование, распределялись достаточно равномерно по губернии. В среднем земства открывали в Вятской губернии до 18 школ ежегодно (по 1,6 на уезд). Неравномерность распределения школ по уездам отражала уровень их экономического развития. И хотя земства пытались уделять внимание отстающим в экономическом отношении уездам, большинство земских школ всё-таки было сосредоточено в более развитых в экономическом отношении южных уездах, прежде всего в Сарапульском и Елабужском, где имелось военное и металлургическое производство. Так, в 1873 г. в Сарапульском уезде насчитывались 84 школы с общим количеством учащихся свыше 4000, что составляло около 20% от общего количества учащихся земских школ губернии, тогда как население уезда не превышало 14% губернского населения [218, с. 85].

Стремилось к открытию возможно большего количества школ земство Елабужского уезда, славившегося высоким для Вятской губернии уровнем развития экономики, торговли, сельского хозяйства и промыслов. В 1867 г. здесь было открыто 18 школ, а в 1869 г. – уже 40 [219, с. 169].

Земские преобразования с первых лет их осуществления значительно улучшили фактические статистические показатели в области образования. В 1868 г. в Вятской губернии одна школа приходилась на 7256, а в 1874 г. – уже на 5690 человек. В 1867 г. в губернии не было школ в 100 волостях (из 292) и в 305 селах; к 1874 г. без школ оставались 54 волости и 120 сел [14, с. 159].

Отмеченные достижения дали основания некоторым уездным земствам Вятской губернии перейти к рассмотрению вопроса о введении обязательного начального обучения. Это предложение было выдвинуто вятскими уездными земствами (Нолинским, Орловским и Яранским) *одними из первых в России* (в 1873 г.), что, несомненно, *подчёркивает прогрессивный характер их деятельности* [218, с. 86].

В качестве формы осуществления всеобщего начального образования вятские земские деятели считали необходимым открытие так называемых «подвижных» школ по примеру Швеции. Значительную роль в распространении этой идеи сыграл находившийся в те годы в вятской ссылке Ф. Ф. Павленков, составивший для таких школ пособие «Наглядная азбука» [54; 55; 122; 204; 206]. На их устройство Ур-

жумское земство ассигновало 2 т. р. (для трёх школ), Орловское – 600 р. для одной школы, Глазовское – 580 р., Слободское – 200 р. [102, с. 67]

Однако вскоре открытие таких школ было запрещено властями, не без оснований усматривавших в их деятельности возможность для распространения антиправительственной агитации. Поэтому в дальнейшем обсуждение земствами идеи введения обязательного начального обучения в Вятской губернии касалось открытия лишь стационарных школ [219, с. 170].

Тем не менее высказывавшиеся предложения нередко отличались своей гуманностью. Так, в 1880 г. Уржумское земство ходатайствовало о введении обязательного обучения там, где существовали школы в радиусе трех-пяти верст одна от другой. Яранское земство считало, что необходимо крестьян, имеющих четырёх и более детей школьного возраста, побуждать к обучению не менее двух из них, а имеющих от одного до трех детей – к обучению как минимум одного ребенка. Обязательному обучению должны были подлежать в первую очередь беспризорные дети [218, с. 86].

Все эти и подобные им предложения губернская земская управа сочла интересными, заслуживающими внимания, но преждевременными и превышающими возможности земства. Для потенциальных 120 000 учащихся потребовались бы 1720 школ (из расчета по 70 учеников на одну школу) и ежегодные ассигнования в размере 900 000 р. [218, с. 86].

Активная деятельность вятских земств в области просвещения снискала им уважение со стороны демократической общественности России. С них стремились брать пример, использовать их опыт. Так, уже в 1869 г. инспектор училищ Нижегородской губернии Раевский рекомендовал уездным управам «брошюры Вятской губернской управы, как пособия для учителей в их занятиях с учениками» [258, с. 34–35]. По всей вероятности, имелись в виду учебные пособия, изданные на средства Вятского губернского земства. Казанские журналисты советовали отправить своих земцев «в соседнюю Вятку для того, чтобы посмотреть да поучиться, как относятся там серьёзные люди к серьёзным нуждам и пользам своего края. А поучиться у них есть чему...» [82, с. 2–3].

Известно, что в деятельности многих российских земств реакционные тенденции нередко брали верх. Так, в 1890 г. в Горбатовском уездном земском собрании Нижегородской губернии поднимался во-

прос о *вреде* грамотности для народа. В Псковском губернском собрании в 1893 г. предлагалось закрыть все земские школы и больницы на основании необязательности для земства расходов на эти цели. Хвалынское и Вольское уездные земства передали школы духовенству в 1887 г. Моршанское и Елатомское уездные земства закрыли в 1892 г. половину своих школ по причине временной нехватки средств. Вятские же земства «всегда сознавали всю важность духовных потребностей народа и не ставили их никогда на второе место. Напротив, они никогда не жалели средств и трудов на развитие и поддержку просвещения в народной среде и с первых шагов своей деятельности считали народное образование одним из лучших путей к достижению общественного блага», – справедливо отмечала историк В. В. Танаевская [271, с. 89].

В 1880–1890-х гг. в Вятской и в соседних с ней губерниях имело место замедление в темпах открытия школ. Это объяснялось тем, что земства перешли от количественного подхода в данном вопросе к качественному подходу. Удовлетворив первоначальную, особенно острую потребность в школах, они в дальнейшем сосредоточились на вопросе их лучшего оборудования: на строительстве и ремонте школьных зданий, подготовке учителей, оснащении учебного процесса пособиями. Кроме того, земское собрание, состоявшее преимущественно из крестьян и землевладельцев, несших на себе почти всю тяжесть земских расходов, должно было производить ассигнования и на другие отрасли земского хозяйства, тем более что по «Положению...» 1864 г. расходы на просвещение действительно, как это ни покажется странным, относились к числу необязательных. Однако с течением времени в бюджете вятских земств так называемые необязательные расходы начали брать верх над обязательными. Так, в 1868–1900 гг. расходы на строительство и содержание дорог снизились с 11,7% до 7,0%, а расходы на образование поднялись с 12,1% до 37,5% [102, с. 209].

Постоянно возрастающие земские расходы требовали увеличения земских сборов, которые производились в основном за счёт крестьян. Изменение налогообложения с одной десятины земли в Вятской губернии не только имело устойчивую тенденцию к возрастанию, но и значительно превышало среднероссийские показатели (см. табл. 2).

Таблица 2

Налогообложение с десятины земли [218, с. 87], к.

Губернии	1868 г.	1878 г.	1885 г.	1895 г.	1900 г.
Вятская	6,75	10,3	10,5	16,2	22,5
Земские	6,6	9,9	12,4	16,7	18,9
Неземские	6,2	6,5	6,6	9,5	11,1

Увеличение земских сборов в Вятской губернии создавало экономические предпосылки для развития начального образования. Крестьянство в целом неохотно встречало известия об увеличении налогов, даже если оно и шло на нужды образования. «Когда читаешь разглагольствования о “безучастии” крестьян к учреждению школы, надо всегда помнить, что на школу требуется от крестьянина его последний рубль», – справедливо отмечалось в «Вестнике Европы» (1868, № 12) [26, с. 87]. В то же время анализ докладов губернских и уездных земских собраний показывает, что расходы на школу в целом вызывали сочувственное отношение со стороны вятских сельских обществ. По их «приговору» открывались новые школы. Так, сельское общество Посадской волости Орловского уезда просило назначить в Пищальское училище учителя со средним образованием, для чего оно, общество, выделяло 100 р. и бесплатное помещение для школы [17, с. 210]. В целом при введении земских учреждений в Вятской губернии в 1867 г. расход на начальные школы составлял 33 092 р. Уже в 1868 г. этот расход *утроился* и составил 95 854 р. [36, с. 119]

Сравнительный анализ земских сметных расходов показывает, что ассигнования в Вятской губернии значительно превышали аналогичные расходы по 34 земским губерниям. Так, в 1868 г. во всех земских губерниях (включая Вятскую губернию) на народное образование было израсходовано 738 000 р., что составило 5,1% земского бюджета, в то время как в Вятской губернии – 12,1%. В 1871 г. эти показатели составляли соответственно 7,6% и 14,4%, в 1875 г. – 12,0% и 18,8%, в 1890 г. – 15,3% и 23,2%. По этому показателю вятские земства в течение ряда лет занимали 1-е место *в России* [36, с. 119].

В первые годы работы Вятское *губернское* земство, как и другие губернские земства, принимало недостаточно активное участие в финансировании народного образования. Например, в период с 1870 по 1890 г. его расходы в этой области возросли всего с 35 600 р. до 41 600 р., из которых 25 000 р. расходовалось на содержание Вятского реального училища. В тот же период в Нижегородской губернии соответствующие расходы возросли всего лишь с 4300 р. до 19 300 р. [219, с. 173]

С 1891 г., с приходом А. П. Батуева к руководству земским делом в Вятской губернии, расходы на народное образование резко возросли. В 1895 г. они составили 582 309 р. (22% расходов всех земств губернии), а уже к 1900 г. – 1364 415 р. (32,5%). При этом губернские сметы увеличились в пять раз, с 66 430 р. (12,3%) до 343 775 р. (26,3%). Соответствующие расходы уездных земств за тот же период повысились с 515 879 р. (24,5%) до 1020 640 р. (35,2%). Процент средств, направлявшихся на народное образование в губернских и уездных земских сметах, был в Вятской губернии наивысшим среди всех российских губерний. Так, процент расходов губернских земств на народное образование выражался в 1877 г. и 1901 г. следующими показателями: Вятская губерния – 10,1% и 20,0%, Казанская – 5,8% и 4,3%, Нижегородская – 7,1% и 6,5%, Московская – 9,6% и 16,6%, Санкт-Петербургская – 22,4% и 11,2%. Аналогичный показатель в уездных сметах колебался в различных уездах в следующих пределах: Вятская губерния – 23,2–40,0%, Казанская – 14,2–28,1%, Нижегородская, – 11,3–36,5%, Московская – 23,0–41,6%, Санкт-Петербургская – 10,1–24,1% [26, с. 567].

Сравним показатели исследуемых губерний по затратам земств на народное образование в процентах к их общему бюджету в различные годы (1871, 1881, 1890, 1895, 1900 гг.): Вятская губерния – 16,2, 21,4, 23,2, 22,0, 32,3; Казанская – 6,8, 14,5, 20,7, 15,4, 15,6; Нижегородская – 5,4, 11,4, 13,4, 12,4, 14,0. Показатели Казанской и Нижегородской губерний примерно соответствовали среднему показателю по 34 земским губерниям (7,6, 15,7, 15,3, 14,5, 16,7), но значительно уступали показателям Вятской губернии. Более того, показатели земств Вятской губернии превосходили соответствующие данные земств Московской (10,5, 18,4, 20,5, 18,2, 23,8) и Санкт-Петербургской (4,8, 13,7, 16,1, 16,2, 14,9) губерний и *были самыми высокими в стране в указанные годы.* В 1904 г. сумма ассигнований по бюджетам всех земств Вятской губернии на народное образование составляла 1671 620 р. (32,5%). На значительность этой суммы указывает то, что она равнялась одной трети всех средств, выделявшихся министерством народного просвещения на начальное образование во всей России. В относительных (с учётом численности населения) и абсолютных показателях расходы вятских земств на протяжении ряда лет были в числе наиболее высоких [218, с. 88–89].

Сравним показатели за 1895 и 1900 гг. В эти годы все 34 земские губернии, включая Вятскую губернию, насчитывавшие (соответ-

ственно) 65 и 70 млн человек, затратили на народное образование 9129 000 р. и 15358 000 р., то есть по 14 к. и 22 к. на душу населения. В остальных 45 неземских губерниях (без Финляндии и Польши) с населением 48 и 53 млн человек было израсходовано земского сбора 11 575 т. р. и 17 820 т. р., или по 2,4 к. и 3,3 к. на душу населения, а в среднем по стране – по 9 к. и 14 к. В то же время в указанные годы вятские земства расходовали на душу населения по 19,6 к. и 36,1 к. Для сравнения: Казанская губерния – 14,0 к. и 17,2 к., Нижегородская – 13,9 к. и 22,9 к., Московская – 19,3 к. и 35,8 к., Санкт-Петербургская – 10,3 к. и 14,5 к. [36, с. 122].

В 1903 г. Вятская губерния занимала *второе* место, после Олонецкой губернии, по величине расхода средств на душу населения: Олонецкая – 87,3 к., *Вятская* – 50,9 к., Тверская – 49,0 к., Московская – 46,1 к., Таврическая – 44,8 к., Пермская – 42,4 к., <...> Нижегородская – 27,1 к., <...> Санкт-Петербургская – 23,2 к., <...> Казанская – 20,9 к. [26, с. 575]

Некоторое отставание Вятской губернии от Олонецкой объяснялось малозаселенностью последней, что резко улучшало процентные показатели на душу населения в Олонецкой губернии при значительно меньших усилиях и затратах по сравнению с густонаселенными регионами, к которым относилась, в частности, Вятская губерния, занимавшая в конце XIX в. (1898 г.) первое место в Российской империи по численности населения. (Вятская губерния значительно опережала Киевскую, Московскую, Санкт-Петербургскую, Казанскую и все другие губернии страны по этому показателю.) В эти же годы в развитых европейских странах затрачивалось на нужды образования на одного жителя (в пересчете на рубли): в Пруссии – 2 р. 45 к., в Швейцарии – 2 р. 43 к., в Англии – 2 р. 36 к., в Ирландии – 1 р. 83 к., во Франции – 1 р. 66 к. [69, с. 438].

Сумма в 1157 500 р., израсходованная из земского сбора на народное образование во всех 45 неземских губерниях и областях (48 млн человек населения) в 1895 г., всего лишь вдвое превышала затраты, произведённые в тот же год земствами одной Вятской губернии (582 000 р.) на своё 3-миллионное население. В 1900 г. вятские земства расходовали уже около 80% суммы, затрачиваемой на те же цели 45 неземскими губерниями [36, с. 122]. При этом отметим, что земства занимали ведущее положение в финансировании народного образования в исследуемых губерниях. В Нижегородской губернии в 1900 г. затраты земств составили 246 300 р. (42%) от общей

суммы, внесенной на эти цели. В Вятской губернии в 1903 г. на содержание начальных народных училищ земствами было затрачено 954 217 р., что составило 87% от общего числа расходов в этой сфере [36, с. 126; 161, с. 116].

Следует указать на то, что земство направляло подавляющую часть выделяемых на народное образование средств на поддержку именно начальной школы, в то время как средства министерства народного просвещения и иных источников финансирования распределялись и на другие типы школ и учебных заведений. Проводившиеся в губернии ревизии, а также исследователи земства отмечали рациональность использования средств как характерную черту работы вятских земств. В 1902 г. эти расходы составили 1442 949 р., которые были распределены следующим образом: содержание земских школ – 893 821 р., пособия на церковно-приходские школы и крестьянские школы грамоты – 40 467 р., пособия на поддержку казенных учебных заведений – 19 882 р., пособия частным учебным заведениям – 45 662 р., расходы по надзору за школами – 12 312 р., расходы на содержание учебных заведений и классные принадлежности – 105 396 р., расходы на подготовку учителей – 3887 р., пособия и награды учителям и учащимся – 68 988 р., содержание земских стипендиатов – 16 496 р., общие меры по распространению образования среди населения – 70 380 р., постройка и ремонт зданий – 65 554 р. [2, с. 12–13; 94, с. 225].

Приведённые данные отражают основные направления земской деятельности в сфере просвещения и степень внимания, которая уделялась тому или иному направлению. Для увеличения средств на народное образование губернская земская управа стремилась находить нетрадиционные способы их изыскания. В частности, она ходатайствовала перед правительством об отчислении на эти цели 40 к. с каждого продаваемого ведра вина, что позволило бы дополнительно привлекать до 400 т. р. ежегодно. Однако разрешение на это не было получено [218, с. 90]. Земские расходы на образование в Вятской губернии имели тенденцию к увеличению и в последующие годы. В 1909 г. они превысили два миллиона рублей, в 1911 г. достигли трёх миллионов рублей. В Нижегородской губернии они составили всего 518 300 р. (1912 г.), в Казанской губернии – 509 400 р. (1905 г.) [3, с. 138–139; 81, с. 52; 282, с. 116].

В некоторых уездах Вятской губернии расходы на образование превышали половину общих расходов земств: Вятский уезд – 56,5%, Глазовский – 56,7%, Яранский – 50,3%. Ни в одном из уездов не опускались ниже 35,0% [260, с. 10–11].

Общие ассигнования вятских земств (губернского и уездных) на нужды образования за все годы составили свыше 41 миллиона рублей. Статистические данные позволяют положительно оценивать деятельность вятских земств в области народного образования. Так, в 1867 г. в Вятской губернии одна школа приходилась на 637 кв. верст и 0,33 учащихся на 100 жителей, в 1911 г. одна школа приходилась уже на 55 кв. верст и 4,06 учащихся на 100 жителей [28, с. 432].

Эти данные соответствовали средним показателям по земским губерниям и значительно превосходили показатели неземских губерний. Если в 1874 г. среди вятских новобранцев грамотные составляли 18,3%, то в 1912 г. – 71,2%. Уровень грамотности среди населения губернии поднялся с 9,36% в 1884 г. и 14,82% в 1897 г. до 20% в 1920 г. Значительно возросло в исследуемый период количество школ: 1867 г. – 212 (7636 учащихся), 1870 г. – 361 (14 715), 1880 г. – 587 (35 444), 1890 г. – 825 (53 245), 1900 г. – 1987 (102 904), 1914 г. – 2106 (107 430), 1916 г. – 1678, в том числе 67 городских (106 236). Вятская губерния на протяжении ряда лет удерживала *первое место среди земских губерний* как по сумме расходов своих земств на народное образование, так и по их процентному отношению к общему бюджету. В этом отношении, как показывают статистические данные и анализ состояния начального образования, Казанская и Нижегородская губернии существенно уступали Вятской губернии [218, с. 90].

Несмотря на это состояние образования в Казанской и Нижегородской губерниях на всём протяжении исследуемого периода было несколько выше. Это объяснялось тем, что роль земства в этих территориях не была столь существенной, как в Вятской губернии. Значительно большее значение, по сравнению с Вятской губернией, в Казанской и Нижегородской губерниях имели другие источники финансирования народного образования, такие как миссионерские общества, мусульманские организации, купечество, меценаты, фабриканты и др. Они выделяли немало средств на развитие повышенного (постначального) образования, в частности на организацию профессиональных школ, в то время как вятские земства обращали внимание прежде всего на становление начальной школы [218, с. 90–91].

Тенденция приоритетности расходования земских средств на народное образование, а также на медицину сохранялась и в последующие годы работы земских учреждений в Вятской губернии, что даёт основание характеризовать деятельность вятских земств как аксиологически ориентированную.

4.2. Работа Вятского земства по обеспечению совершенствования учебной работы в школах

Важной особенностью деятельности вятских земств в сфере народного просвещения являлось разнообразие предпринимаемых ими мер по обеспечению совершенствования учебной работы в школах. Преподавание учебных предметов в школах всех типов в дореформенный период, а также и в последующий период страдало самыми серьёзными недостатками. Причём главным из них было то, что в школах практически не было специально подготовленных учителей. Да и откуда им было взяться? Ведь в Вятской губернии не было никаких педагогических учебных заведений. Поэтому всякий бравшийся за обучение и воспитание детей школе был, по существу, самоучкой или, как говорят в народе, *«мастером-ломастером – от скуки на все руки»*. Исторически ведущей прослойкой в учительском сословии были выпускники духовных училищ, а также выпускницы женских гимназий, окончившие за годы своего обучения в гимназии так называемый педагогический класс. Но таких выпускниц было слишком мало. Характеризуя работу священников-законоучителей, видный вятский учитель и методист Н. Н. Блинов писал: «Заучивание на память, без понимания встретить можно ещё часто. Ещё чаще можно встретить, что законоучитель говорит ученикам полчаса и более, не останавливаясь, соображая, вероятно, что всё, что он говорил, дети усвоят...» [14, с. 268–269]

Некоторые учителя-священники вовсе отошли от учительского дела и посылали вместо себя в школу «крайне нетребовательных помощников: один – какого-то изгнанного учителя, другой – крестьянского мальчика, третий – сидельца питейного дома» [244, с. 34]. Обучение грамоте в начальный период земской деятельности осуществлялось в основном по буквослагательному методу. Хотя более передовой, звуковой метод был уже известен в России, да и в некоторых вятских школах его практиковали передовые учителя, такие как Н. И. Мышкин [193; 197], учителя-священники в массе своей обучать по-новому отказывались, вспоминал гласный А. А. Столбов. Они считали звуковой метод отступлением от некогда установленных канонов, то есть делом богохульственным [29, с. 39].

Позитивная роль земств в распространении передовых методов обучения заключалась, прежде всего, в подготовке и повышении квалификации педагогических кадров, в распространении учебников пе-

редовых российских педагогов, а также в стимулировании методических усилий местных авторов. Например, в 1869 г. губернское земское собрание ассигновало 200 р. на издание книги преподавателя естественных наук женской гимназии Емельянова «Популярный курс естественной истории» для вятских школ. Была издана «География Вятской губернии» Лаврентьева. В 1871 г. в Вятке вышла тремя изданиями «Грамота» Н. Н. Блинова. Вообще, роль Николая Николаевича Блинова в развитии вятской школы в первые земские десятилетия трудно переоценить; не случайно его практическая деятельность и публикации неоднократно становились предметом тщательного изучения [118; 125; 135; 137; 139; 179].

Другой формой работы вятских земств по обеспечению совершенствования учебного процесса было развёртывание активной деятельности по изготовлению наглядных пособий, поскольку отсутствие их в достаточном количестве вынуждало учителей к использованию лишь словесных методов обучения. В отчётах уездных земств постоянно встречаются упоминания об отсутствии или низком качестве наглядных пособий, «незначительности их пополнения» и замены старых учебников новыми. Однако в доземский период на эти цели затрачивались совершенно незначительные суммы. Так, в 1861 г. на шесть училищ Елабужского уезда было израсходовано на учебники, мебель и наглядные пособия всего 57 р. 45 к. [93, с. 12]

Между тем в школах Вятской и соседних с ней губерний сложилось неблагоприятное положение со снабжением учебно-наглядными пособиями. В Нижегородской губернии в 1904 г. в ряде уездов были школы, где не было ни одного наглядного пособия, в том числе в Нижегородском уезде, – в 8 школах (7,1% от общего числа школа), в Семеновском – в 4 (7,4%), а также во многих школах Сергачского, Лукояновского, Княгининского и Ардатовского уездов. Всего по одному пособию имели 9 школ (19,1%) Лукояновского уезда. Из 598 школ губернии всего в трех имелись физические приборы, «коллекции производств» – в 24, магнит – в 36, какие-либо таблицы – в 21. Даже такими совершенно необходимыми предметами, как классные счёты, арифметический ящик, компас, географическая карта и глобус, располагали далеко не все школы: 416, 167, 192, 457, 334 (соответственно) [86, с. 14].

Даже спустя десятилетие преподаватель Нижегородского учительского института М. Н. Кутузов констатировал: «Большей частью в школе пользуются наглядными пособиями, изготовленными в сто-

личных, а то и заграничных мастерских; последние же часто бывают неподходящи, неполны, недостаточны и недоступны по цене в повседневной школьной практике» [45, с. 42].

Решением проблемы наглядного обучения в Вятской губернии поначалу занимались отдельные конструкторы-самоучки. В 1876 г. крестьянин Игумновской волости Котельничского уезда Вятской губернии Сенников изобрёл подвижную азбуку и «подвижные таблицы умножения». Губернское земское собрание премировало талантливого самоучку пятьюдесятью рублями и рекомендовало училищным советам внедрение этих наглядных пособий. Но, прежде чем их внедрить, необходимо было эти и другие пособия изготовить в достаточном количестве. Однако отдельные мастера-самоучки не могли решить эту проблему в пределах всей губернии [216, с. 29].

С введением земств расходы на эту статью значительно возросли. Так, в 1870 г. Яранское земство выделило 300 р. на приобретение гирь, весов и других физических приборов [203, с. 64]. Однако в целом наглядные пособия были дороги и малодоступны школам в связи с тем, что они выписывались из Москвы и Санкт-Петербурга. Проблема, которая так и осталась неразрешённой вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции в Казанской и Нижегородской губерниях, была успешно разрешена в Вятской губернии благодаря открытию в городе Вятке 27 декабря 1897 г. земской мастерской учебно-наглядных пособий [152, с. 2849]. Уже в первый год стоимость произведенной продукции составила 547 р. Глобус, произведенный в мастерской, стоил 1 рубль, в то время как привезенный из Москвы обходился в 3–4 раза дороже [111, с. 47].

Важную роль в решении проблемы совершенствования учебного процесса *сыграло общение вятских учителей с ведущими российскими педагогами*. В этом отношении важное значение имела Всероссийская политехническая выставка 1872 г. в Москве, в которой принимали участие 15 учителей и 21 кустарь из Вятской губернии, направленные по командировке земств «для ознакомления с современным состоянием воспитательного и учебного дела в России и за границей по отношению к его технике, средствам и пособиям» [111, с. 48]. На выставке фактически был проведён всероссийский учительский съезд, в котором приняли участие более 800 учителей. Был развёрнут очень полный и богатый педагогический отдел, читались лекции и проводились практические занятия видными педагогами, такими как Н. Ф. Бунаков (русский язык), В. А. Евтушевский (арифмети-

ка) и др. В состав вятской делегации входили учителя Блинов и Введенский (Вятка), Костров (Слободской), Денисов (Глазов), Грачёв (Нолинск), Москвин и Васнецов (Уржум), Шубин (Малмыж), Бердников (Елабуга), Каначинский (Сарапул), Морилов и Сарычев (Оричи), Сенилов и Сушков (Котельнич), Юферев (Яранск). Вятские учителя выделялись, отмечал в своих воспоминаниях видный отечественный педагог-методист Н. Ф. Бунаков, из общей массы участников, «в общем довольно серенькой», «своею любознательностью, жаждою знания и света» [16, с. 337].

Несомненно, общение с видными российскими педагогами способствовало методическому обогащению вятских учителей. Некоторые из них, например Н. Н. Блинов, установили связи с видными российскими педагогами, которые, можно предполагать, благотворно сказались на росте их профессионального мастерства. Двумя годами ранее Блинов участвовал во всероссийской мануфактурной выставке в столице. В ходе дискуссий, в которых он принимал участие, была высказана мысль об устройстве коллекций учебных пособий для начального обучения [118, с. 190].

В отчёте земской сессии 1870 г. Вятская губернская земская управа рекомендовала организовывать на уездных учительских съездах «педагогические музеумы», под которыми подразумевалось устройство «коллекций учебных пособий для наглядного обучения». Путём ознакомления с лучшими образцами учебных пособий и их дальнейшего копирования самими учителями земство пыталось разрешить острую потребность в них. Однако реализация этого предложения растянулась на несколько лет. Только 19 января 1873 г. попечительный совет публичной библиотеки возбудил через губернатора ходатайство перед министерством внутренних дел об открытии кабинета наглядных пособий со следующими разделами: Закон Божий, арифметика, педагогика, русский язык, история, физика, сельское хозяйство. Была выбрана комиссия по устройству кабинета наглядных пособий, народной читальни и по проведению публичных популярных чтений. Комиссией был составлен список наглядных пособий, которые должны были войти в состав кабинета, по двум отделам: прикладные знания и по обучению и воспитанию. Вятское губернское земство ассигновало на музей с библиотекой 200 р. и поручило его организацию секретарю управы Вершинину, а Блинову выделило 125 р. на приобретение необходимых экспонатов и литературы [218, с. 94]. Однако министерство внутренних дел не дало согласия на открытие музея

наглядных пособий. Тогда попечительный совет библиотеки внёс предложение о продаже губернскому земству музея и открытии его при земской учительской семинарии. В итоге в 1874 г. музей был открыт для посещения публикой по воскресеньям. Он включал в себя ботанический, минералогический, сельскохозяйственный и нумизматический отделы; имел 5774 экспоната. Губернское земство ассигновало на него 300 р. в год, с 1889 г. – 500 р. Здесь же накапливалась педагогическая литература и наглядные пособия по различным предметам школьной программы [218, с. 94–95].

Постепенно методические кабинеты (педагогические музеи) получали распространение и в уездах. Для них был выработан проект устава, в котором указывалась цель их создания – «ознакомление учителей и всех интересующихся делом народного образования с современным положением дела народного образования и распространение правильных представлений и понятий о наилучшей его постановке». В методических кабинетах обычно имелись коллекции наглядных пособий по всем предметам обучения в начальной школе, собрания учебных пособий и руководств, планы, рисунки, модели школьных зданий, классной мебели, книги по педагогике и другим областям знаний, «образцовая библиотека для учителей и учащихся», то есть подборки соответствующей литературы. Аналогичным образом строилась работа в данном направлении в Нижегородской губернии, но здесь «музей» наглядных пособий выполнял в большей степени роль педагогической библиотеки и своеобразного педагогического клуба. По заявкам учителей из отдаленных школ им высылались учебные пособия. Всего в 1910 г. в библиотеке насчитывалось 4217 книг и журналов 2053 наименований на сумму 3660 р. [86, с. 37]

В Вятской и Казанской губерниях значительное распространение получили «пятирубл ёвые» «павленковские» библиотеки, открывавшиеся на средства, завещанные выдающимся российским издателем, методистом и просветителем Флорентием Фёдоровичем Павленковым, отбывавшим в Вятке ссылку [122; 206; 239]. С 1893 г. вятское губернское земство ассигновало ежегодно по 4000 р. на бесплатную рассылку книг населению по заявкам. С 1895 г. на эти цели расходовались проценты со специально учрежденного капитала размером в 50 000 р. Например, в 1903 г. была разослано книг на 27 000 р. Историк земства Б. Б. Веселовский отмечал, что «едва ли, однако, подобным мероприятиям принадлежит будущее; слишком много еще не удовлетворено вопиющих нужд, чтобы земство могло позволить себе такую роскошь, как бесплатная раздача населению книг» [26, с. 559].

Действительно, вятские уездные и губернское земства были, возможно, единственными в России, практиковавшими такую форму просвещения населения. В связи с этим отметим, что вятские земства тратили на внешкольное образование населения значительно больше других земств. Так, в 1903 г. расходы вятских земств на эти цели составили 70 100 р., московских – 23 900 р., нижегородских – 19 700 р., санкт-петербургских – 12 600 р., казанских – 5000 р. В итоге земства всей России потратили 747 100 р. Доля вятских земств в этой сумме составляет 10,7% [26, с. 553].

В Нижнем Новгороде по инициативе земцев были учреждены школьные библиотеки, которые носили имена заслуженных учительниц: Ю. С. Ермиловой, М. С. Лебедевой и А. А. Парадизовой. Кроме того, ряду училищ были присвоены имена М. В. Ломоносова, В. Г. Белинского, Н. В. Гоголя, Н. И. Пирогова, А. С. Пушкина, а также гласного Нижегородской городской думы Александра Васильевича Баулина, обучавшегося в Женевском университете и написавшего учебное пособие «Заметки по истории педагогики» (Нижний Новгород, 1907. 104 с.). Это пособие использовалось в те годы в качестве пособия в педагогических учебных заведениях рассматриваемых регионов. В начале XX в. в Нижнем Новгороде учителя добились открытия нескольких педагогических обществ, получавших поддержку со стороны земства: «Общество вспомоществования бедным», «Мининское Братство», «Общество школьных столовых», «Общество вспомоществования учащимся в городских училища по Положению 1872 г.» [258, с. 100]. Первые подобные общества («Общество вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях», «Общество содействия народному образованию», «Педагогическое общество» «Туберкулезная лига» и др.) стали появляться и в Вятке [190, с. 5].

Одной из важнейших задач эти организации ставили распространение педагогических знаний. С целью возможно более широкого распространения педагогической литературы, в частности периодики, в Вятском уезде уже в 1870 г. нашёл применение оригинальный способ ознакомления с ней учителей. Училища уезда были подразделены на четыре района, в каждом из которых было выделено училище, где размещалась «центральная» педагогическая библиотека. В этих библиотеках сосредоточивались педагогические журналы, которые выдавались учителям других школ на срок до пяти дней [216, с. 34].

Некоторые вятские уездные земства уже с 1873 г. стали учреждать кабинеты наглядных пособий и книжный склад с филиалами

(в 1902 г. их было 15), но в целом на приобретение книг и учебных пособий расходовалось немного средств: 1881–1890 гг. – 13 708 р., 15 369 р., 16 792 р., 16 338 р., 19 573 р., 17 811 р., 20 107 р., 24 382 р., 24 479 р., 19 843 р. [37, с. 22]. Сумма годового оборота вятского книжного склада в период с 1895 по 1902 г. возросла с 18 т. р. до 130 т. р. Книжный склад занимался не только торговлей книгами, но и обеспечивал школы канцелярскими принадлежностями, «волшебными фонарями», световыми картинами и другими пособиями. Подобная работа в несколько меньших масштабах проводилась казанскими и нижегородскими земствами [218, с. 96].

Настойчивая работа земств по обеспечению совершенствования учебного процесса постепенно приносила положительные результаты. Так, в школах Вятской и соседних с ней губерний благодаря использованию изделий земской мастерской учебно-наглядных пособий значительно быстрее стал распространяться звуковой метод в обучении грамоте, улучшилось преподавание других предметов. Открытие библиотек, «музеев» наглядных пособий и педагогических обществ стимулировало распространение грамотности и способствовало повышению уровня образованности среди населения [218, с. 96].

4.3. Борьба прогрессивных и консервативных сил в практической деятельности Вятского земства (Л. П. Матвеев, М. М. Синцов, А. П. Батуев, В. А. Садовень)

Важнейшей особенностью земской деятельности в рассматриваемый исторический период в Вятской и в соседних с ней губерниях выступает борьба прогрессивных и консервативных взглядов и позиций, выражавшаяся в противоборстве теоретических воззрений и в практической деятельности земских работников. Виднейшими представителями прогрессивного крыла вятских деятелей просвещения на первом этапе развития земского движения были М. М. Синцов и Л. П. Матвеев [134; 236; 242].

Первый председатель Уржумской уездной управы, гласный губернской управы 1-го созыва Лазарь Павлович Матвеев (14.10.1836–31.01.1895) был активным поборником широкого просвещения народа. Все свои личные средства (он владел винокуренным заводом) Л. П. Матвеев направлял на открытие школ. В память о нем его родное село, расположенное в Кильмезском районе Кировской области, до настоящего времени носит его имя, – Лазарево. Первым из мест-

ных земских деятелей Л. П. Матвеев стал проявлять активность в деле развития народного образования в уездах Вятской губернии. 25 сентября 1868 г. он представил на рассмотрение уездного собрания доклад, содержавший предложения по вопросу развития народного образования в уезде. В этом докладе, а также в ряде других его публичных выступлений, содержалось изложение педагогических воззрений этого прогрессивного земского деятеля. Л. П. Матвеев называл в качестве причин сложившегося неудовлетворительного положения в школах недостаточное количество хороших книг и школьных принадлежностей, отсутствие системы в учебно-воспитательной работе, неподготовленность наставников к школьному делу. Причину материальной необеспеченности населения Матвеев видел в отсутствии просвещения. «Мы нищи духом и находимся в братстве своего невежества и незнания», – указывал он [218, с. 96].

Главным условием возрастания народного благосостояния Л. П. Матвеев считал приобретение умения «воспользоваться естественными богатствами природы», а для этого нужны знания, образование, школа, которые «сделают человека крепким телом и духом, а через то способным к разумному и самостоятельному труду» [218, с. 97].

Л. П. Матвеев высказывал глубоко демократические взгляды о праве народа на образование: «Каждый из народа имеет одинаковое право на образование, без различия веры, звания и состояния». Он считал, что «в настоящее время всё в нашем отечестве ждёт сознательной и разумной человеческой деятельности, а нам не на кого надеяться, кроме как на самих себя». Задачу народной школы он видел в том, чтобы из детей «сделать образованных, сведущих деятелей» [218, с. 97].

Для этого он ставил конкретную задачу перед земством, – «завести хоть немного, но образцовых школ, с более обширной программой, чем нынешние сельские школы» [218, с. 97].

Подготовка учительских кадров, способных работать в таких школах, потребует специально подготовленных учителей, а значит, необходима учительская семинария. Цель учительской семинарии Л. П. Матвеев не ограничивал лишь практическими задачами, а видел в том, чтобы воспитывать в её стенах «нравственного человека», возбуждать в молодых людях самостоятельность мышления, основательность в усвоении знаний, приучать их отстаивать свои убеждения. Л. П. Матвеев считал, что учитель нового поколения должен быть не только наставником, то есть лицом, обучающим и воспиты-

вающим детей, но также и деятелем, способным «влиять на массу» [219, с. 189].

Большое значение в педагогической работе Л. П. Матвеев придавал работе учительских курсов и съездов, на которых, писал он, «учитель почерпнёт силу и бодрость на продолжение своего великого дела; учитель будет знать, что. высказывая какую-нибудь разумную новую мысль, он найдёт поддержку в товарищах и одобрение общества, а известно, что отраднее и даже легче трудиться там, где понимают и ценят твой труд» [219, с. 189]. Не случайно первые в Вятской губернии учительские курсы были проведены в Уржуме в 1869 г. по инициативе Л. П. Матвеева [233, с. 290].

Важное значение Л. П. Матвеев придавал подготовке женщин к учительской деятельности. При этом он ссылался на опыт других стран, в которых этот вопрос давно разрешён. Учитель, по мнению Л. П. Матвеева, должен стоять очень высоко в глазах общества, поскольку его обязанности «выше и полезней» других обязанностей. Поэтому необходимо поддерживать в учителях бодрость и сознание своего достоинства, без чего учитель немыслим. Он предлагал учредить способы вознаграждения учителей премиями за каждый хорошо проведённый урок, за отличные результаты в обучении и воспитании [235, с. 66].

Мысли, высказанные Л. П. Матвеевым в указанном докладе, привлекли внимание вятского губернатора Н. В. Компанейщикова, который в своём отношении к министру внутренних дел писал, что он затрудняется допустить к печатанию речь Матвеева по той причине, что «в ней заключаются такие выражения, которые выявляют надежду на торжество над неправдой и немилостью». Губернатор особо выделил ту часть в речи Л. П. Матвеева, где указывалось на то, что учителя должны быть людьми, «способными влиять на массу» [310, л. 156–158].

Другим видным деятелем начального периода земской деятельности был первый председатель вятской земской губернской управы врач Матвей Матвеевич Синцов (октябрь 1835, Орлов Вятской губернии – 21.01 (03.02) 1910, Одесса). Будучи убеждённым сторонником идей революционеров-демократов, он настаивал на том, чтобы дело просвещения не ограничивалось одной лишь грамотностью, а шло значительно дальше. Начальные школы, считал он, должны давать детям сведения о главных естественных науках, знакомство с которыми поможет крестьянину открыть дверь в большую, культурную

жизнь [252, с. 88; 262]. В отличие от Матвеева, Синцов возражал против того, чтобы учительская должность была пожизненным занятием. Эту установку он называл «германской» и противопоставлял ей, как ему казалось, «более прогрессивный» американский подход. «В Америке, – отмечал он, – педагогическое поприще является не столько предметом общественной натуры, сколько предметом общественного самообразования» [247, с. 28].

Педагогику он считал наукой «опытной» и придавал особое значение педагогической практике в школе. «Опытный кабинет для педагогики и методики может быть только в школе», – указывал Синцов, имея в виду необходимость практического освоения педагогических знаний. Он критиковал позицию, состоявшую в стремлении ограничивать изучение педагогики прохождением лишь теоретического курса педагогики и дидактики [219, с. 191].

Демократизм взглядов М. М. Синцова проявился в ходе его переписки с руководителем Дерптской учительской семинарии И. Д. Беловым, утверждавшим, что русскому народу необходима «лишь азбука знаний», после освоения которой многие годы спустя, возможно, «явится возможность приступить к передаче высших знаний». Соответственно, и программа учительской семинарии, которую собиралось открыть Вятское земство, должна была, по его мнению, ориентироваться на самый элементарный уровень. М. М. Синцов характеризовал И. Д. Белова как идеалиста, пристрастного к своей специальности (дидактике) и «неблагосклонного» к наукам естественным. Во взглядах своего оппонента он видел прежде всего «германское начало, замкнувшее педагогику в пределы исключительной специальности». «Если бы земство провело в жизнь идеи И. Д. Белова, произошла бы, – отмечал М. М. Синцов, – глубокая дезорганизация образовательных сил нашего края» [247, с. 24, 31].

В отличие от И. Д. Белова, гласных-священников Вятского губернского земства и некоторых других деятелей просвещения, придерживавшихся консервативных позиций, Синцов полагал, что цель народного образования не заключается в одной грамотности. «Если бы образованию положить такие узкие границы, то тогда не было бы никакой надобности тратить на это земские средства в таких больших размерах и так много беспокоиться по разрешению рассматриваемого вопроса» [262, с. 6].

Главную цель просвещения, по М. М. Синцову, должно составлять «нравственное развитие народа, возвышение уровня его поня-

тий, что обусловливается распространением в народе полезных сведений и знаний, и для чего грамотность необходима только как одно из вспомогательных средств. Вместе со знаниями теоретическими, способствующими улучшению умственных способностей и уничтожению нелепых мнений и предрассудков, народ должен приобретать сведения, которые он мог бы приложить на практике в своём домашнем быту: знание приемов земледелия, ремёсел, элементарного знакомства с медициной и ветеринарией» [262, с. 6]. Вот почему «грамотность сама по себе, без возможности дальнейшего приобретения сельским населением научных знаний, не приносит должной пользы, а потому земству своевременно переступить черту грамотности и начать дело народного образования в строгом смысле этого слова», – утверждал М. М. Синцов [262, с. 2].

Противостояние прогрессивных и консервативных взглядов на пути развития системы образования в рассматриваемых регионах отчетливо проявляется при анализе позиций сторонников и противников широкого просвещения народа в вопросе об открытии и характере деятельности Вятской учительской семинарии. М. М. Синцов обоснованно полагал, что двумя важнейшими задачами земства в области просвещения являются открытие школ и педагогическая подготовка учителей [218, с. 98].

Хороший состав преподавателей он называл главной причиной успешности работы школы. Поэтому М. М. Синцов считал недопустимым совмещение должностей священника и учителя. «Обладая известными знаниями и достаточной педагогической подготовкой, наставник сельского училища должен постоянно следить за развитием своих питомцев, наблюдать особенности характера и изучать способности и привычки каждого из них; а всё это более или менее возможно только тогда, когда он будет находиться при училище неотлучно, не отвлекаясь никакими другими занятиями и обязанностями. Всё это невыполнимо для священников» [262, с. 6].

М. М. Синцов возглавил работу по открытию учительской семинарии. В результате в проекте, а затем и в деятельности Вятской семинарии нашла отражение позитивная тенденция, состоявшая в том, что учащиеся получали такие знания, навыки и умения, направленность и ценность которых были обусловлены потребностями времени. Изучение общеобразовательных предметов, педагогики, основ сельского хозяйства и ремёсел позволяло выпускникам семинарии не только становиться учителями «повышенных» и тем более «элемен-

тарных», школ, но и быть «двигателями сельскохозяйственной интеллигенции» [247, с. 38].

М. М. Синцов справедливо считал, что «сведущий и опытный в осязательно-полезных предметах человек всегда внушает крестьянину уважение, а потому, чтобы учитель занял в глазах населения должное положение и тем привлёк население к школе, необходимо приготовить соответствующих этой цели учителей, что может быть достигнуто только особой земской учительской семинарией» [247, с. 38]. Особенность этой семинарии должна была состоять в «энциклопедичности теоретических и прикладных знаний и ничуть не быть односторонней, специальной, имея одну только цель, – приготовлять учителей в народные школы» [247, с. 38].

Намечавшаяся под руководством М. М. Синцова программа улучшения дела образования вызывала недовольство тогдашнего вятского губернатора Валерия Ивановича Чарыкова, который несмотря на то, что М. М. Синцов в 1870 г. был вторично избран председателем Вятской губернской земской управы, опротестовал результаты выборов и даже ни много ни мало запретил ему, Синцову, въезд на территорию Вятской губернии [219, с. 193].

После отстранения М. М. Синцова, Л. П. Матвеева и их сторонников от земской работы в земских учреждениях постепенно стали брать верх реакционные тенденции в вопросе о путях развития просвещения в Вятской губернии. В полной мере это затронуло и работу учительской семинарии. Так, в 1877 г. на очередном ежегодном земском собрании представитель от горного ведомства действительный статский советник Н. Тучемский заявил следующее: «Вятская учительская школа далеко не оправдала тех надежд, которые возлагались на неё земством в 1868 и 1869 годах... и потому полагал бы полезным закрыть эту учительскую семинарию» [50, с. 211]. Н. Тучемского поддержал гласный А. Скуридин, мировой судья и заводовладелец [51, с. 65–66].

Аргументы обоих гласных сводились к тому, что подготовка учителей в семинарии обходится слишком дорого; она выпустила слишком мало учителей и, наконец, нет в губернии таких школ, в которых могли бы найти применение своим силам выпускники семинарии. Однако истинную причину подобных взглядов раскрыл сам Н. Тучемский, заявивший в земском собрании, что «мода на народных учителей из среды народа прошла, пора бы и нашему земству оставить эти модные затеи, подобно тому как и другие земства уже отказались от воспитания этих дорогих учителей для народа» [50, с. 212].

Обстановка вокруг семинарии привлекла внимание прогрессивного российского журнала «Отечественные записки», отметившего, в частности, лживость и подтасовку фактов, приводимых противниками семинарии [140]. «Но таковы уж у нас нынче времена и нравы, что можно безнаказанно подтасовывать и извращать факты публично в общественном собрании, не встречая даже опровержения со стороны других гласных», – указывалось в статье в журнале [57, с. 230]. В самом деле, ссылка вышеуказанных гласных на то, что семинария подготовила слишком мало учителей, была несправедлива уже потому, что её первый выпуск был осуществлен всего лишь в 1876 г. [132, с. 112]

«Санкт-Петербургские ведомости» в статье «Поездка министра народного просвещения весной 1878» (№ 201 от 24 июля 1878 г.) негодовали по поводу того, что вятское «земство желало посадить крестьянских мальчиков, взятых с поля, за изучение университетских предметов, – химии, высшей математики, механики и т. д. <...> и образовать из них... учёных агрономов, механиков, техников и сельских учителей» [218, с. 100]. Сама мысль о том, что где-то в российской провинции крестьянские дети имеют возможность получать образование, выходившее за пределы элементарного курса, вызывала возмущение у правительственного печатного органа. Визит министра народного просвещения графа Д. А. Толстого в Вятскую губернию в 1878 г. привёл к закрытию учительской семинарии [218, с. 100].

«Отечественные записки», выступившие в защиту земских завоеваний в области просвещения, отмечали следующее: «За последнее время в системе нашего общественного самоуправления замечается, между прочим, усвоение положения, что развитие народа не должно входить в задачи земства; но самим ли земцам нужно отказываться от приобретённых прав и отступать перед трудным делом, – образовать сведущего и опытного сельского наставника в народную школу, который внушил бы крестьянину уважение и занял в глазах населения должное положение и тем привлёк население к школе...» [57, с. 232] Понятно, что своим выступлением в защиту училища прогрессивный журнал лишь подлил масла в огонь и укрепил позицию противников образования народа [141, с. 146].

Противостояние демократических и консервативных сил в вопросе о развитии просвещения в Вятской губернии продолжалось и на следующем этапе развития земского движения, когда, в 1890–1900-х гг., Вятское земство стало одним из передовых в России [151]. «Московские ведомости» (1896, № 44) отмечали: «Особенно выдви-

нулось, как известно, Вятское земство, руководимое А. П. Батуевым. Оно сразу поставило дело на широкую ногу, и оно же первое явилось мишенью для нападок со стороны реакционеров, выдвинув, между прочим, предложение об изъятии народного образования из рук ничтожной группы местных деятелей, утративших всякую связь с народным миросозерцанием и оказывающих лишь противодействие правительству в его стремлении обосновать народное образование на почве религии и нравственности» [218, с. 100].

Успехи Вятского земства в этот период были связаны, прежде всего, с именами председателя губернской земской управы Авксентия Петровича Батуева, губернского гласного от Уржумского уезда Владимира Андреевича Садовеня, а также директора народных училищ Вятской губернии Александра Алексеевича Красева, стремившегося осуществлять прогрессивные преобразования в области образования в тесном сотрудничестве с земцами [134].

Большое значение указанные деятели придавали привлечению общественного внимания к проблемам народного образования. Так, в докладе очередному губернскому земскому собранию в 1895 г. управа отмечала, что «по меньшей мере 9/10 всего населения губернии живёт самой жалкой жизнью». В докладе были приведены данные, характеризующие высокий уровень жизни шведских и норвежских крестьян, хотя условия для земледелия в этих странах значительно хуже. Причину благосостояния населения европейских стран председатель управы видел в широком развитии школьной сети [219, с. 196].

Выход из создавшегося положения А. П. Батуев и его единомышленники видели в распространении знаний, постановке народного образования в центр земских преобразований. Поэтому А. П. Батуевым была выдвинута идея всеобщего начального образования в губернии как «задача настоящего момента». Эта задача была поставлена значительно раньше, чем было принято, но так и не было осуществлено соответствующее решение на государственном уровне (1908), что, несомненно, положительно характеризует работу вятских земств и деятельность их лучших представителей [219, с. 196].

Будучи талантливым литератором и публицистом, А. П. Батуев отчётливо осознавал огромную роль книги в просвещении народа и поэтому особое значение придавал открытию библиотек. В решении этого вопроса ему приходилось противостоять не только открытым реакционерам, но и тем «добровольно заблуждавшимся» губернским гласным, в частности авторам докладной записки в губернское зем-

ское правление под названием «С чего начать и куда идти должно Вятское губернское земство в деле начального образования». В этой «записке» предлагалось направить все средства, выделявшиеся земством, в указанную сферу, на постройку школьных зданий. А. П. Батуев в связи с этим заявил, что такая позиция свидетельствует о том, что авторы «записки» «за деревьями не видят леса» [219, с. 196].

Он считал, что открытие библиотек и школ должно идти одновременно и что если земство не будет снабжать население книгами посредством их продажи из книжных складов, через бесплатную раздачу или открытие библиотек, то все заботы земства о грамотности народа потеряют всякий смысл. В этом случае «земство будет давать только грамотность, которую не к чему будет приложить, будет давать в руки ключ, которым нечего отпирать» [9, с. 5]. А. П. Батуев считал даже, что, если учителя в начальной школе не будут иметь специального образования и сама школа будет представлять собой обыкновенную крестьянскую избу, не отвечающую в полной мере санитарным и педагогическим требованиям, тем не менее, школа сделает своё дело. Но если ученики из прекрасной школы, обученные хорошо подготовленным учителем уйдут в деревню, где нет ни одной книги, то все заботы об их обучении сведутся к нулю [9, с. 5].

Авторы упомянутой «записки» считали, что библиотека имеет своей целью лишь предупреждение рецидива безграмотности. А. П. Батуев объяснял такое заявление только одним: полным безразличием к делу народного образования, как только оно выходило за пределы начальной школы. Принятие точки зрения авторов записки означало, что книга не источник знаний, а всего лишь средство от повторной неграмотности. При этом курс начальной школы считался совершенно достаточным для крестьянина: поучился в школе – и довольно, дальнейшее умственное развитие излишне. Отсюда А. П. Батуев пришёл к выводу о том, что, «как бы образцово ни была поставлена начальная школа, она не может удовлетворить те запросы на знания, которые в настоящее время предъявляются крестьянами. Книга, и только книга может с успехом выполнить эту задачу. Начальная школа – только дорога к знанию. Книга даст уже само знание. Крохи школьной науки есть только очень скудное начало, и нужно солидное продолжение его, – книги, как можно больше книг» [9, с. 5].

Свои взгляды А. П. Батуев подкреплял активной практической деятельностью: он внёс значительный вклад в развитие библиотечного дела в Вятской губернии. В своём докладе «Об открытии 3000 сель-

ских библиотек» на ежегодном губернском земском собрании в 1895 г. он заявил: «Назрела явная надобность дать здоровую умственную пищу народу, дать возможность грамотным не забыть грамоту... Губернская управа предложила устроить библиотеки. Находят неудачным принцип: доступность библиотек каждому. Я не могу отказаться от этого принципа и думаю, как в голодный год земство кормило каждого плательщика хлебом, так обязано оно позаботиться о том, чтобы удовлетворен был и духовный голод каждого. Это первая задача земства и, может быть, в Летописях Вятского земства нет ни одного постановления, которое имело бы такое громадное значение» [54, с. 71]. В итоге А. П. Батуеву, несмотря на сопротивление со стороны ряда консервативно настроенных гласных, удалось провести в жизнь идею открытия трёх тысяч сельских «пятирублевых» библиотек, получивших в народе название «батуевских» [219, с. 198].

А. П. Батуев много размышлял над тем, почему в народе так мало «собственных хороших знаний». Отчасти он объяснял низкий уровень грамотности населения такой региональной особенностью, как обширность территории Вятской губернии, в которой насчитывалось до 23 000 селений, в то время как в центральных губерниях – 2000–3000. К тому же вятские селения невелики, в северных уездах находятся на значительном удалении друг от друга. Все это подвело А. П. Батуева к мысли о необходимости открытия школы, пусть самой небольшой и скромной, *в каждом* населенном пункте губернии. Это дало бы возможность, по мнению А. П. Батуева, избежать такого нежелательного следствия работы крупных школ, как проживание детей из отдалённых деревень в тесных, неприспособленных общежитиях [218, с. 102].

В 1890-х гг. в Вятской губернии насчитывалось около тысячи школ грамоты и церковно-приходских школ, около пятисот земских и миссионерских школ. По плану А. П. Батуева, предстояло открыть в Вятской губернии дополнительно 1147 школ, то есть практически удвоить их количество. В качестве первого шага он предлагал губернской управе выделить уездным земствам для этой цели 40 000 р., а в дальнейшем выделять по 1500 000 р. ежегодно. Это пособие дало бы возможность открыть 600 школ. В его докладе на ежегодном губернском земском собрании в 1895 г. выдвигалось предложение ходатайствовать перед министерством народного просвещения о финансировании открытия «недостающих» 547 школ [218, с. 102].

А. П. Батуеву удалось добиться ассигнования от земства на открытие 600 школ. Зарплата учителя школ грамоты в те годы состав-

ляла в среднем 5 рублей в месяц, что не могло способствовать ни развитию просвещению в сельской провинции, ни повышению привлекательности профессии учителя в глазах молодежи. Поэтому Батуев настойчиво добивался улучшения социального положения земских работников: медиков, педагогов, агрономов, статистиков и др. В то же время отметим, что взгляды А. П. Батуева на состояние и перспективы развития народного образования в российской провинции не всегда отличались последовательностью. Так, с одной стороны, он высоко оценивал деятельность предыдущих составов губернского земства, в частности, в вопросе об открытии земской учительской семинарии. Он писал по этому поводу: «В 1872 г. вопрос о недостатке учителей являлся для Вятского земства действительно одним из серьезнейших. И Вятское земство решило его блистательно, учредивши особое заведение, вполне удовлетворявшее всем запросам, в значительной степени напоминающее по первоначальному своему плану шведские народные университеты. Это было единственное заведение такого рода во всей России...» [9, с. 6]

С другой стороны, в том же 1895 г. он выступил *против* открытия в губернии женской учительской семинарии, утверждая, что «за последние двадцать лет только две женские гимназии выпустили больше тысячи учительниц». Вторым аргументом А. П. Батуева против открытия семинарии было его мнение о том, что «в настоящее время о недостатке знающих учителей и учительниц не может быть и речи. Напротив, всякому земцу Вятской губернии известно, что места учительские берутся с бою, что в каждом уезде на места эти есть масса кандидатов и особенно кандидаток» [9, с. 7].

А. П. Батуев не мог не понимать, что специальное педагогическое учебное заведение способно готовить более качественные учительские кадры, нежели гимназия, для которой эта цель является второстепенной. Однако в условиях сравнительно небольшого земского бюджета он сознательно делал выбор в пользу мнения о том, чтобы «дать всем понемногу, нежели всё немногим». Кроме того, то обстоятельство, что «учительские места берутся с бою», означало в действительности прежде всего нехватку школ: в 1894 г. за пределами начального обучения в Вятской губернии оставалось 267 837 только православных детей [218, с. 103].

А. П. Батуев (17.08.1863, Казань – 26.10.1896, Вятка) внёс крупный вклад в дело развития народного образования в Вятской и Казанской губерниях. По словам В. Г. Короленко, пятилетнее руководство А. П. Батуевым Вятской губернской земской управой (1891–1896) со-

ставило «одну из самых блестящих страниц в истории не только Вятского земства, но русского земского дела вообще» [254, с. 3].

Именно при А. П. Батуеве просветительская деятельность Вятского земства стала известна всей России, чему во многом способствовала его личная популярность и активная переписка с Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловским, другими видными общественными, педагогическими, литературными и земскими деятелями. Известный книгоиздатель И. Д. Сытин писал: «В несколько лет заброшенная, полузабытая северная губерния стала центром внимания, и на Нижегородской ярмарке появились специальные вятские ряды, созданные руками Батуева и его предшественников, всякий любовался кипучей энергией этого человека. Ай да Батуев!» [270, с. 177–178]

А. П. Батуев стал инициатором издания с 1894 г. земской «Вятской сельскохозяйственной и кустарной газеты», которую А. М. Горький назвал «лучшим из немногих существующих у нас проводников просвещения в деревне» [85]. В 1895 г. по инициативе А. П. Батуева стала выходить газета «Вятский край». Отметим, что в соседних губерниях аналогичные издания появились значительно позже: «Казанская земская газета» в 1902 г., «Нижегородская земская газета» в 1903 г. А. П. Батуев ушёл из жизни совсем молодым. Он был убит душевнобольным прямо у входа в здание Вятской губернской земской управы. Его смерть оплакивала вся губерния. Гроб с телом А. П. Батуева везли в повозке для захоронения в его родной город Малмыж, и на протяжении всего пути ему воздавали почести вятские жители…

Активным педагогическим деятелем конца XIX – начала XX в. был губернский земский гласный от Уржумского уезда, председатель Вятской губернской земской управы в 1897–1900 гг. Владимир Андреевич Садовень. Он родился 13 августа 1862 г. в Уржумском уезде, который в то время имел достаточно развитую инфраструктуру местной промышленности, ориентированную на потребление внутри уезда и вывоз части продукции в приречные по Каме и Волге города. Главным фактором, тормозящим развитие промышленности, было отсутствие железнодорожного сообщения с центром губернии и России. Не случайно В. А. Садовень, обосновывая необходимость сооружения железнодорожной ветки до Уржума, в своих отчётах указывал на это как на главную причину, тормозящую развитие промышленности и ремёсел [134, с. 105].

В. А. Садовень окончил Петровскую земледельческую академию в 1885 г. Поселился в имении отца в Уржумском уезде, занялся

общественно-политической деятельностью. С 1887 г. – почётный мировой судья, член от министерства юстиции в Уржумском уезде по крестьянским делам присутствия. Мировой судья 1-го участка. Шесть лет был председателем Уржумской земской управы, три года – председателем Вятской губернской земской управы. Участник земского движения, уполномоченный по сельскохозяйственной части от министерства землевладения в Нижегородской губернии; далее – инженер сельского хозяйства в Псковской губернии (в связи с активным участием в политической деятельности даже подал прошение об отставке с этой должности) [134, с. 106].

В период Первой мировой войны В. А. Садовень оказался в действующей армии, представляя министерство земледелия, но характеристику от армейцев получил нелестную. Штабс-капитан Михаил Константинович Лемке, служивший в годы Первой мировой войны цензором, в своих воспоминаниях «250 дней в царской ставке» пишет: «Представители министерства земледелия при полевом интенданте Владимир Андреевич Садовень и Николай Васильевич Рухлов (брат бывшего министра) ровно ничего не делают, что не мешает им получать громадные оклады, какие-то сказочные подъёмные из Петрограда сюда, словом, синекурствовать даже без всякой декорации дела…» [134, с. 107]

Разумеется, М. К. Лемке (1872–1923), видный историк и журналист, был достаточно авторитетной личностью своего времени. Но кто может сказать сейчас, по прошествии столетия, так ли всё было на самом деле, как это описывает М. К. Лемке? Да и работа самого Лемке, заключавшаяся в чтении чужих писем, разве не синекура? Скончался В. А. Садовень после 1915 г. Но нас интересует больше тот период жизни В. А. Садовеня, который был связан с его земской деятельностью. Анализ его выступлений и практической деятельности позволяет характеризовать его как прогрессивно мыслящего, активного сторонника преобразований в области просвещения. В. А. Садовень выдвинул проект реорганизации школьного дела в Вятской губернии, который характеризовал его автора не только как сторонника простого распространения грамотности («Безграмотность – наше несчастье, в этом наш тормоз прогресса», – писал он), но и как приверженца более широкого образования [219, с. 201].

Первой составной частью проекта В. А. Садовеня было принятие мер к появлению народной интеллигенции, без которой, указывал он, «мы не поймём народа, а народ не поймёт нас». Решение этой за-

дачи он увязывал с необходимостью обеспечения хотя бы для части населения такого уровня образования, который мог бы «идти не только вширь, но и вглубь». Достижение этой цели предполагало принятие ряда мер, среди которых особое внимание уделялось расширению практики выдачи стипендий студентам высших учебных заведений, обучающимся за пределами губернии [134, с. 108].

Примечательно, что этот вопрос обсуждался по инициативе М. М. Синцова уже на самом первом заседании губернского собрания 30 мая 1867 г. В первые годы работы земства число стипендиатов не превышало 30 человек. К концу XIX в. их стало более ста. Однако, по мнению современного исследователя Р. С. Шиляевой, поставленная передовыми земцами, в том числе В. А. Садовенем, задача помочь получить образование среди стипендиатов дети крестьян составляли 8%, в то время как дети дворян – 41%, чиновников –34%, дети купцов и мещан – 15% [311, л. 81]. Тем не менее содержание стипендиатов-студентов, обучавшихся в вузах Санкт-Петербурга, Казани, Москвы, Харькова, Томска и других городов, позволило Вятскому земству к началу XX в. иметь около 200 специалистов с высшим образованием [36, с. 100]. Среди вятских земских стипендиатов немало известных людей, таких как партийный и государственный деятель В. М. Скрябин (Молотов), историк педагогики А. И. Кондаков, революционер-народник и мемуарист Н. А. Чарушин и другие [239; 286, с. 63].

Следующим шагом в деле реорганизации школьного дела в Вятской губернии В. А. Садовень считал, наряду с устройством «нормальных повышенных» 3-годичных земских школ, учреждение и сельскохозяйственных школ, в которых «крепнет ум молодого человека, его физические силы, и он научается ремёслам и сельскому хозяйству». В качестве одной из практических мер реализации своего предложения он считал необходимым дополнить программу министерских школ курсами «мироведения применительно к сельскому хозяйству». Он полагал, что поначалу можно было бы ввести по одной на уезд сельскохозяйственной школе и по две двуклассной школе министерства народного просвещения [134, с. 108].

В. А. Садовень предлагал организацию на средства губернского земства небольшого числа «образцовых школ», где работали бы лучшие учителя и где могли бы проходить «педагогическую стажировку прикомандированные кандидаты на учительские должности» [134, с. 108]. В проекте В. А. Садовеня большое внимание уделялось педагогической подготовке учителя посредством организации специальных

учебных заведений и постоянно действующих педагогических курсов. Не вызывает сомнений прогрессивность предложений В. А. Садовеня, однако они во многом превосходили финансовые возможности вятских земств. Губернская управа большинством голосов отклонила его проект, охарактеризовав его как «неудачное решение вопроса о народном образовании». Заметим, что взгляды В. А. Садовеня и А. П. Батуева, сторонника позиции «понемногу, но всем», на пути дальнейшего развития системы образования в Вятской губернии во многом расходились. Однако несмотря на то, что поначалу возобладала позиция А. П. Батуева, предложения В. А. Садовеня также не остались без внимания. Социально-экономические потребности развития губернии дали толчок к открытию сельскохозяйственных школ. Наибольшую известность приобрела Нартасская школа, давшая значительное количество агрономов, животноводов и других специалистов для села.

Большое значение для активизации работы земств в просветительской деятельности имело их тесное сотрудничество с официальными органами народного образования, прежде всего с дирекцией народных училищ. В штате последних в исследуемых губерниях было немало деятельных работников, стремившихся совместно с земскими органами плодотворно решать проблемы народного образования. Среди них видное место занимал Николай Николаевич Иорданский (1863–1941), в дальнейшем профессор, доктор педагогических наук, а в рассматриваемый период – учитель русского языка в школах Нижнего Новгорода (с 1887 г.), затем – инспектор народных училищ Нижегородского уезда. С его именем связана организация первой в России общедоступной детской библиотеки (в Нижнем Новгороде в 1905 г.), детских столовых при начальных школах, «дневного убежища» (групп продленного дня), «ночлежных пунктов» (школьных общежитий) и другие прогрессивные начинания, ставившие своей целью расширение образовательных возможностей для городской бедноты. Названия его наиболее известных публицистических работ дооктябрьского периода, таких как «Почему не все дети школьного возраста посещают школу» (Нижний Новгород, б/г), «Вопросы народного образования среди старообрядцев» (М., 1909) и других, показывают его искреннюю заинтересованность в решении вопроса о всеобщем образовании [218, с. 104].

В 1911 г. Н. Н. Иорданский за политическую неблагонадежность был выслан из Нижегородской губернии. Несмотря на это обстоятельство председатель губернского училищного совета, городской голова

А. М. Меморский выразил «глубочайшее сожаление» в связи с отъездом Н. Н. Иорданского. Поддержавшие его губернские земские гласные поставили ему в заслугу активное взаимодействие с земскими органами, позволившее значительно расширить сеть училищ, особенно женских, и поднять общекультурный и профессиональный уровень учителей посредством проведения курсов и съездов [218, с. 105].

Директор народных училищ Вятской губернии Александр Алексеевич Красев стремился всесторонне поддерживать земскую деятельность в области просвещения. Так, в своём выступлении на ежегодном губернском земском собрании в 1895 г. он отметил нехватку ученических мест и поддержал идею А. П. Батуева об открытии шестисот земских школ, на что должно было потребоваться до 280 т. р. в год. А. А. Красевым был разработан план «устройства школьной жизни» и программы обучения в земской школе. В противовес преобладавшей в то время повсеместно точке зрения он считал, что земские школы должны открываться в специально построенных для этой цели добротных помещениях, учитывающих санитарно-гигиенические и дидактические требования и рассчитанных на 40–60 человек. Они к тому же должны иметь общежитие и столовую для детей. При школе обязательны огород и поле, продукты с которых могли бы поступать на питание детей. Каждая школа должна иметь учительские квартиры, служебные постройки, земельные участки для учителей («тогда учителя будут крепче держаться за свои места») [218, с. 105].

Устройство сельскохозяйственных школ, по две на каждый уезд, он ставил как актуальную насущную задачу. При этом особое внимание А. А. Красев уделял введению в учебный план работы школы ремесел и сельскохозяйственных знаний, способных поднять её авторитет в глазах крестьян и тем самым облегчить сбор земских сборов, в том числе на нужды просвещения. В качестве предметов обучения в такой школе должны были быть Закон Божий (1-й класс – 2 часа в неделю, 2-й класс – 2 часа, 3-й класс – 2 часа), русский язык (2, 2, 2), арифметика (3, 3, 3), естествознание (4, 4, 4), география (1, 2, 2), русская история (1, 2, 2), физика (2, 2, 2), различные отрасли сельского хозяйства и ремесла (6, 6, 6) [218, с. 105].

А. А. Красев не раскрывал в своих выступлениях подробно содержательную сторону каждого предлагаемого им предмета, полагая это задачей специальной комиссии. Однако анализ общей направленности его выступлений на ежегодных губернских земских собраниях даёт основания утверждать, что он был твёрдым сторонником формирова-

ния у детей по возможности разносторонних широких знаний и практической начальной профессиональной подготовки [218, с. 105].

По инициативе А. П. Батуева и А. А. Красева в центре ежегодного губернского земского собрания 29 декабря 1895 г. стоял вопрос о состоянии начального образования в губернии. Некоторые гласные-священники заявляли, что земству не следует торопиться с открытием новых школ. Однако гласные из крестьян не были согласны с такой постановкой вопроса. Так, гласный Рожковский заявил, что побывав в селении, находящемся вне влияния школы, невольно можно подумать, что находишься в африканских землях, куда не заглядывало никакое просвещение. Его поддержал потомственный дворянин гласный Н. В. Алашеев. Он заявил о недопустимости одностороннего рассмотрения вопроса о дальнейших путях развития образования в губернии, как того требовали некоторые земские деятели, суть заявлений которых сводилась к необходимости открытия либо «простейших» начальных школ, либо устройства «повышенных» сельскохозяйственных училищ. «Нужно делать и то, и другое», – отметил Алашеев. – Только в этом залог развития земской школы и вширь, и вглубь» [218, с. 106]. Алашеев предложил открывать так называемые «высшие» народные школы, прототипом которых он считал 4-годичные городские училища, но с дополнительной задачей подготовки народных учителей [218, с. 106].

В дальнейшем (в 1897–1902 гг.) Николай Валерианович Алашеев (1869–1918) был председателем Елабужской уездной управы и в этой должности стремился реализовать на практике свои просвещенческие идеи. Будучи депутатом 2-й Государственной думы от Вятской губернии, он в 1906 г. возбудил ходатайство по улучшению дела народного образования в России [80, с. 15–16]. Свои взгляды на то, каким образом следует осуществлять дело народного просвещения, Н. В. Алашеев изложил в письме к Н. Ф. Бунакову, который с большой теплотой вспоминал, что письмо елабужского гласного показывает, «как оживился в наших земствах интерес к делу народного образования и какое серьезное направление он принял» [17, с. 236]. Видный русский педагог Н. Ф. Бунаков одобрил идею Н. В. Алашеева о том, что необходимо «вносить в народную массу не только грамотность, хотя бы и в самом лучшем, самом широком смысле, но и научное знание, и более широкое умственное развитие...» [17, с. 236]. Н. Ф. Бунаков отмечал, что письмо Н. В. Алашеева было «проникнуто очевидной любовью к делу и пониманием потребностей народной жизни», и поэтому он «поспешил отозваться на него» [17, с. 237].

В 1918 г. Н. В. Алашеев был без суда и следствия расстрелян большевиками.

В отчёте императору за 1895 г. вятский губернатор Ф. Ф. Трепов вынужден был признать, что, «идя навстречу народному стремлению к грамоте, земство в отчетном году сделало громадный шаг вперёд в осуществлении идеи всеобщего образования. Так, губернское земство решило в принципе вопрос об открытии в будущем году 600 новых начальных школ с пособием на это уездным земствам по 250 р. на школу» [218, с. 106]. Уже через год в отчёте земской губернской управы отмечался рост численности школ в Сарапульском уезде (на 30 школ), Малмыжском (26), Глазовском (22), Слободском (19), Уржумском (40), Орловском (30), Яранском (9), Нолинском (10), Котельничском (1). Только за период с 1890 по 1900 г. количество школ в губернии увеличилось с 494 до 1004, численность учащихся – с 40 782 до 69 558, ассигнования – с 415 078 р. до 866 042 р. В Яранском уезде за период с 1895–1899 гг. количество земских школ возросло на 76,6%, учащихся – на 64,7%, количество школьных помещений – более чем в два раза. Процент детей-школьников поднялся с 27,5 до 41,2%, ассигнования – с 53 260 р. до 112 060 р. Это был, как отмечает земский статистик П. Ф. Лысков, «громадный шаг, просто скачок» [72, с. 65].

Таким образом, земство рассматриваемых регионов в лице его прогрессивных представителей играло позитивную роль в развитии начального образования. Эта работа заложила основу для дальнейших успехов в подготовке учительских кадров «на Вятке» [157], причём немаловажную роль при этом играло сотрудничество земских органов с демократически настроенными, прогрессивно мыслящими представителями официальных государственных органов.

V. МАЯКИ ВЯТСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (XIX – НАЧАЛО XX в.)

5.1. Первая Вятская мужская гимназия

8 сентября 1802 г. в России в рамках государственно-административного переустройства было создано восемь министерств, в том числе министерство народного просвещения. Под руководством министра П. В. Завадовского осуществлялась реформа образования, предусматривавшая, в соответствии с «Уставом учебных заведений, подведомых университетам» (1804), постепенное преобразование

главных народных училищ (далее – ГНУ) в гимназии; малые народные училища при этом становились уездными училищами. Открывались также приходские училища. Таким образом, император Александр I стремился по совету своих приближенных советников, прежде всего Михаила Михайловича Сперанского, осовременить существовавшую в то время в России систему образования. При этом ставилась задача именно преобразования ГНУ, а не простого изменения названия, поскольку предполагалось поднять просвещение на новый уровень [194, с. 82].

Вятский губернатор (1808–1816 гг.) Федор Иванович фон Брадке проявил себя, в отличие от своего предшественника Валерия Ивановича Болгарского (1804–1808), ревностным сторонником просвещения и начиная с 1810 г. предпринимал активные действия, направленные на открытие гимназии [77, с. 57].

По вопросу преобразования Вятского ГНУ в гимназию он вступил в деятельную переписку с попечителем Казанского университета, пермским генерал-губернатором и министром народного просвещения. 22 января 1811 г. новый министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский уведомил его, что гимназия будет открыта, когда для неё в Вятке подыщут подходящее помещение. Он писал: «Уверьте в сём обывателей вверенной Вам губернии и приложите старание Ваше к умножению пожертвований, которому усердно Ваше к общественной пользе сделано уже начало. Принося Вам за это душевную благодарность, я буду ожидать от Вас уведомлений о дальнейших успехах Вашего подвига» [18, с. 6].

Ф. И. фон Брадке предстояло преодолеть инертность и равнодушие местного, прежде всего купеческого, общества, в большинстве своем не желавшего открытия среднего учебного заведения. Губернатор настойчиво просил «лучших людей» и городничего обеспечить сбор пожертвований для гимназии, мотивируя своё упорство тем, «что я никакого другого предмету не имею, как доставить способ родителям обогатить детей своих науками, яко капиталом наследственным, которого никакой случай, никакое несчастье от них отнять не может» [309, л. 4].

В августе 1810 г. он обратился с соответствующим письмом в городскую думу, инициировал подписку и пожертвования. В результате было собрано 13 624 р. 85 к., из которых 5000 р. внёс уржумский купец Матвеев, награждённый за это золотой медалью «За полезное» на алой ленте [153, с. 320]. По итогам проведённого аукциона для

гимназии казной был приобретён кирпичный дом купца Масленникова, располагавшийся на обширной территории на Царёвской улице (ныне ул. Свободы), на протяжении от ул. Московской до ул. Преображенской. В этом доме гимназия располагалась в 1811–1815 гг. За дом и примыкавшую к нему территорию с постройками было уплачено 5341 р. 90 к. [194, с. 83]

Хотя дом и был приобретён, но его нужно ещё было привести в надлежащий вид и приспособить к нуждам учебного заведения. Ещё «Устав народным училищам в Российской империи» (1786), изданный при Екатерине II, предполагал, что для ГНУ требуется здание, содержащее четыре больших покоя (то есть комнаты) для библиотеки и прочих пособий; «для двух учителей высших классов надобно в оном быть для каждого по три покоя и по кухне; для двух учителей нижних классов по два покоя и по кухне». Также требовалась изба для сторожа, и, кроме того, для каждого учителя должно быть по чулану или погребу [6, с. 247]. В гимназии же должно было быть вдвое больше учителей, а именно восемь [7, с. 32].

Следовательно, «покоев» в доме Масленникова хватало лишь для одного учителя старших классов. Для остальных надо было строить отдельные флигели, что и предполагал делать губернатор. А пока, до их постройки, единственным выходом из затруднительного положения являлось назначение квартирных денег в размере 150 р. директору и по 100 р. в год каждому учителю из сумм приказа общественного призрения, который отпускал на содержание училища 2600 р. в год [7, с. 39].

Другим важным вопросом при открытии гимназии был подбор учителей. Первый попечитель Казанского учебного округа (1803–1812) Степан Яковлевич Румовский доводил до сведения министра, что из учителей ГНУ только один учитель А. Я. Некрасов, за год до этого окончивший Санкт-Петербургский педагогический институт, может занять в гимназии место учителя естественной истории, торговли и технологии. Давно работавший в ГНУ Андрей Колбек просился в отставку. Все остальные, по мнению Румовского, не соответствовали высоким требованиям преподавателя гимназии. Таким образом, требовалось сразу семь учителей: 1) математики и физики (пока эти функции исполнял Т. Т. Рапинов, но ему также требовалась замена); 2) истории, географии и статистики; 3) философии, изящных наук и политэкономии; 4) латыни; 5) французского языка; 6) немецкого языка; 7) рисования («в рисовальный класс») [195, с. 155].

8 июня директор получил от попечителя округа ассигнования в размере 6650 р., отпущенные министром 1 мая на открытие гимназии, и предложение озаботиться приисканием учителей, вследствие чего было послано объявление в контору Московского университета для напечатания в газетах. В июле попечитель послал аттестаты трёх определённых в гимназию учителей: выпускника Санкт-Петербургского пединститута Семёна Степановича Завьялова (математика и физика), Фёдора Яковлевича Попова (философия, изящные науки и политэкономия), Василия Яковлевича Баженова (история, география, статистика). Александр Яковлевич Некрасов был определен учителем естественных наук. Учителем «рисовальных классов» был назначен Александр Герасимович Иллиус, работавший в гимназии в 1811–1822 гг.; пруссак, принявший российское подданство, позднее преподаватель рисования в Пензенской гимназии [194, с. 84].

В августе попечитель послал извещение о назначении учителей французского языка Мореля и немецкого языка Эмке. Однако Морель так и не приехал. Вместо него в 1812–1814 гг. учителем работал выпускник академии в г. Лозанне Франц Яковлевич Лоран. Также французский язык преподавал в 1815–1817 гг. воспитанник Парижского лицея Евдоким Якимович Эро, незадолго до назначения в Вятку сдавший экзамен в Московском университете на право преподавательской деятельности [41, с. 219].

В августе врачебная управа известила также, что медицинские чины будут заниматься в гимназии обучением учеников и учителей оспопрививанию. В послании губернатору попечитель потребовал, «чтобы учителя не оставались праздны и напрасно не получали бы жалованья», а потому предложил с наличным составом преподавателей начать поскорее учение, открыв гимназию в «приличный день» и «надлежащим образом» [195, с. 156].

Вследствие требования попечителя, полученного в Вятке 19 октября, директор просил губернатора ускорить обзаведение гимназии всем необходимым для её открытия. 25 октября Ф. И. фон Брадке поручил попечителю гимназии Андреянову и городскому голове Аршаулову сделать в здании все необходимые «исправления». В начале ноября здание было готово. О дне открытия гимназии губернатор и попечитель были извещены 18 ноября, а 19 ноября – преосвящённый епископ Вятский и Слободской Гедеон. По просьбе директора губернатор накануне открытия, 20 ноября, известил через полицию об открытии гимназии также «благородное и гражданское общество» [194, с. 84].

Гимназия была открыта 21 ноября 1811 г. при 39 учениках в составе трех классов: приготовительного – 9 учеников, 1-го – 18, 2-го – 12 [54, с. 120]. Так совершилось событие, имевшее большое культурно-историческое значение в жизни вятского общества. В 1813 г. законоучитель отец Николай Тронин (с 4 марта 1812 г. было введено преподавание Закона Божия и приглашён законоучитель) в актовой речи отозвался с большой похвалой о деятельности фон Брадке, справедливо считая его «единственным основателем гимназии». Энергичного просвещённого губернатора считали устроителем и «направителем» гимназии, и первые её директора постоянно обращались к нему за содействием, главным образом, по части выделения материальных средств и помещений. Заслуги Ф. И. фон Брадке были признаны и окружным начальством. В 1815 г. он был торжественно избран почётным членом Казанского университета. Директору гимназии было предписано передать ему соответствующий диплом «с подобающей почестью» в присутствии всех учителей. Попечитель Казанского учебного округа Салтыков в донесении министру в 1815 г., отмечая заслуги фон Брадке, подчеркнул, что, не прояви губернатор соответствующей настойчивости, открытие гимназии задержалось бы на неопределённое время. Он также оценил внимание губернатора к деятельности гимназии и её нуждам, отметил его роль в привлечении средств со стороны пожертвователей. Министр полиции Вязьмитинов счел даже нужным поставить усердие Ф. И. фон Брадке на вид другим губернаторам [194, с. 84–85].

Первым директором гимназии был назначен Тимофей Титович Рапинов, «по службе отличавшийся исправностью», человек усердный и знающий, обративший на себя внимание губернатора Латышева, который ещё в 1801 г. представил его на должность директора ГНУ. Рапинов вообще был единственным, кто работал в ГНУ со дня его открытия в 1786 г. По мнению некоторых современников, Т. Т. Рапинов не отличался большими дарованиями [14, с. 156]. В учебном плане гимназии по сравнению с учебным планом ГНУ появились новые, более сложные предметы. В частности, требовалось преподавание французского и немецкого языков на хорошем уровне – не случайно в Вятской гимназии их с самого начала вели носители языка, – а Рапинов языков не знал и вообще, по мнению попечителя, считался человеком «не слишком достаточным» для управления гимназией. Недовольные этим обстоятельством вятские «пожертвователи» через губернатора даже хлопотали перед министром о его замене. Однако найти подхо-

дящего человека, который бы согласился поехать в Вятку, не удалось. Но уже через полгода, 9 февраля 1812 г., Рапинов всё-таки вышел в отставку. Овдовев, он вёл отшельническую жизнь, часто посещал церковь и занимался организацией благотворительности. Жил он в своём доме, располагавшемся в том месте, где в советские времена находился кинотеатр «Мир». Умер в Вятке 12 июля 1848 г. [308, л. 58]

В 1812–1819 гг. директором гимназии служил Иван Вильгельмович (Виллимович) Глейниг, родом из прусских дворян на русской службе, получивший образование в Кенигсбергском университете. Ранее он был на военной службе, участвовал в русско-турецкой войне. Человеком он был вполне образованным, гимназия при нём процветала. Попечитель Казанского учебного округа С. Я. Румовский высоко ценил его знания, опыт, честность и, представляя его к награде в 1815 г., писал о нём, что «усердием и деятельностью он перед всеми директорами округа отличается» [18, с. 10].

Училищный комитет ставил И. В. Глейнига в пример прочим директорам. Но Глейниг был человеком самостоятельным и независимым в своих мнениях. На этой почве у него вскоре произошли неприятные столкновения с училищным комитетом и даже с попечителем округа. Вследствие этого он был вынужден оставить в 1819 г. учебную службу и поступил в советники в соляное отделение Вятской казенной палаты. При И. В. Глейниге гимназией было приобретено более удобное здание. 21 ноября 1815 г. старое здание гимназии было обменено (с доплатой в 11200 р.) на здание купца Аршаулова на Спасской улице (ныне ул. Спасская, 10а). В этом здании гимназия размещалась в 1815–1841 гг. [153, с. 321]

В 1819 г. И. В. Глейнига в должности директора на некоторое время заменил учитель Василий Яковлевич Баженов, но вскоре он выбыл на работу в Казанский университет, и в тот же год директором гимназии стал учитель словесности и латинского языка Федор Яковлевич Попов, занимавший эту должность по 1835 г. [153, с. 321] В. Я. Баженов и Ф. Я. Попов происходили из духовного сословия, Попов был выпускником Ярославской духовной семинарии и Санкт-Петербургского пединститута. Он пользовался благосклонностью попечителя учебного округа Магницкого.

В период директорства Ф. Я. Попова 9 октября 1824 г. вятскую гимназию посетил император Александр I. Прибыл он в сопровождении генерала Дибича и лейб-медика Виллие в 13 часов и пробыл в гимназии около часа. Очевидец Косарев рассказывал: «Входя в гим-

назию, Государь спрашивал встретивших и сопровождавших его профессора Казанского университета Г. С. Суровцева и Ф. Я. Попова о гимназическом доме – когда он был построен и как приобретён гимназией, о количестве учащихся, куда поступают на работу» [18, с. 17]. Высочайшему «визитатору» были показаны классы, рисунки и изделия учащихся, библиотека, таблицы и др. В 1830 г. Ф. Я. Попов получил в награду за службу Высочайший подарок – бриллиантовый перстень с аметистом стоимостью в 1000 р. [194, с. 86]

Учителя гимназии активно занимались научно-исследовательской работой, прежде всего, в области местной географии и истории, топографии, метеорологии, изучения флоры и фауны, других богатств края. Фактически тогдашние учителя были единственными представителями научной мысли в регионах, своего рода светочами знания среди мрака неграмотности. Например, учитель В. Я. Баженов зарекомендовал себя как автор трудов по истории, географии и статистике Вятского края. В круг его интересов входили такие темы, как флора и фауна Вятского края, составление гербариев, разыскание серебряной, медной и железной руд в пределах Вятской губернии. Он выступил преемником первого вятского историка Александра Ивановича Вештомова, научные труды которого по исследованию Вятской истории он в 1813 г. взялся продолжить. Ф. И. фон Брадке всячески поддерживал его в этом деле, посылал подведомственным учреждениям предписания доставлять В. Я. Баженову необходимые сведения с мест и предложил педагогу вести с ними личную переписку. Такое же предписание, по просьбе В. Я. Баженова, сделал директор гимназии смотрителям уездных училищ [195, с. 156].

В 1814 г. министерство народного просвещения поручило учителям гимназии «поверить всеобщее землеописание Российской империи в той части её, которая имеет отношение к Вятскому краю». Смотрители уездных училищ присылали в гимназию описания различных уездов, а летом была организована серия командировок учителей гимназии: Завьялов отправился в Глазов, Попов – в Орлов и Котельнич, Некрасов – в Яранск, Уржум и Малмыж для сбора исторических и статистических сведений. Все полученные экспедициями сведения были переданы для обобщения В. Я. Баженову. В 1816 г. он представил до тысячи «писаных листов», содержащих обработанный, приведённый в надлежащий порядок историко-статистический и топографический материал по Вятской губернии, который был отправлен в министерство народного просвещения. Многие работы В. Я. Ба-

женова печатались в «Учёных записках Казанского университета [194, с. 86–87].

Помимо этого в 1814–1818 гг. В. Я. Баженовым были представлены многочисленные труды, в том числе: 13 списков вятских летописцев; о жалованных грамотах вятским городам и лицам за 1807 г.; описание местного праздника Свистопляска; три различных списка (Повесть о стране Вятской и об образе Св. Николая Чудотворца, Житие преподобного Трифона, архимандрита и основателя Успенского монастыря на Вятке, Рукопись о стране Сибирской); вотский словарь из 500–600 слов в алфавитном порядке; повесть о чудесах от Нерукотворного образа Спасителя в Хлынове; описания местных кладбищ; показания о бывших на Вятке достопамятных случаях; сведения о ценах и съестных припасах в Хлынове и других городах в 1727–1773 гг.; о первоначальном заведении и современном состоянии фабрики Рязанцевых; о воеводах и губернаторах и вице-губернаторах Вятки; список с грамоты Ионы, архиепископа Вятского и Великопермского; выписка о Татарии, сиречь о Татарском государстве великого хана; наказ, данный вятскому депутату Злыгостеву для обсуждения в Комиссии по составлению нового уложения (1767 г.) и др. [18, с. 19]

В разные годы В. Я. Баженов написал труды по статистике и топографии: описание лесов за 1806 г., описание судоходных и сплавных рек Вятской губернии, поверка землеописания Вятской губернии, сведения о судоходстве, описание вятских пристаней, описание вятских городов, сведения по почтовой гоньбе по Вятской губернии, сведения о ценах на хлеб и припасы в вятских городах в 1724–1743 гг., о состоянии земледелия в 1811–1812 гг., ведомость о лесах в 1814–1816 гг., о количестве хлеба в 1810–1817 гг., о ценах на лесные товары, о числе периодических изданий, получаемых в Вятской губернии, о числе родившихся, сочетавшихся браком и умерших в 1805–1815 гг. и др. [18, с. 19]

Другим видным учителем-исследователем был А. Я. Некрасов. Он составил обширный труд «Вятская флора» (в 2 т.), «Описание насекомых Вятской губернии». Доставил в Казанский университет атлас из 50 видов растений. В 1816 г. он совершил вместе с И. В. Глейнигом поездку по Вятской губернии по предписанию правления императорского Казанского университета по поиску месторождений руды в Слободском, Орловском и Котельничском уездах. Выделим такие труды Некрасова, как «10 новых мест нахождения руд», описание ключа Кичинского в Уржумском уезде, заметки о минералогии и скотовод-

стве, звероловстве и птицеводстве, геологическое описание Вятской губернии (меловые горы в Слободском уезде с нахождением отпечатков раковин и других окаменелостей) [18, с. 20].

Гимназия неоднократно проходила ревизии. В 1816 г. ревизию проводили сверхординарный профессор Казанского университета доктор медицины и хирургии Эрдман и врачебных наук адъюнкт Ренар. Ревизоры нашли, что преподаватель истории и географии Баженов и естественной истории Широков, философии и словесности Попов и французского языка Эри по «рачительному отправлению своих обязанностей заслуживают особенной признательности высшего начальства» [40, с. 219]. В январе 1821 г. ревизию осуществлял статский советник Петр Андреевич Словцов, автор «Исторического обозрения Сибири». Проводились испытания учеников. Следствием ревизии стало вынесение советом Казанского университета благодарности директору Ф. Я. Попову, учителю физики и математики Завьялову, учителю естественных наук Некрасову. В 1824 г. ревизор, профессор Казанского университета Григорий Степанович Суровцев отмечал в отчете: «В должном порядке, устройстве и применении, свидетельствующих об особенной попечительности и рачении директора Вятской гимназии». В 1824 г. Вятскую губернию ревизовали сенатор Е. А. Дурасов и князь А. А. Долгоруков. В гимназии было произведено «испытание» учащихся, итоги которого были признаны вполне удовлетворительными [153, с. 321].

В 1828 г. была произведена ревизия «по всем частям управления» Вятской губернии. Снова ревизором гимназии был П. А. Словцов. На этот раз в результате проверки работа гимназии была признана неудовлетворительной. В 1832 г. гимназию ревизовал ординарный профессор Казанского университета Григорий Борисович Никольский. Результат был признан более благоприятным. Успехи учеников были признаны удовлетворительными, а имущество гимназии оказалось, по результатам ревизии, «в целости и сохранности» [153, с. 321].

С 1819 г. в гимназии велись записи заседаний педагогических советов. Так, в 1819 г. обсуждались меры к религиозно-нравственному воспитанию учащихся, отчет Баженова о методе преподавания. Однако вскоре В. Я. Баженов был приглашен на работу в Казанский университет, а другой прекрасный учитель А. Я. Некрасов скончался (в 1821 г.). Это были большие потери для гимназии, преподавательский состав которой и в дальнейшем постоянно обновлялся в силу различных причин [18, с. 20].

В 1835–1846 гг. директором гимназии был Михаил Васильевич Полиновский. Он происходил из духовного звания. Образование получил в Казанской духовной семинарии, где и работал в 1815–1818 гг. В 1818 г. избран членом общества любителей отечественной словесности при Казанском университете, с 1819 г. преподавал в высших классах Казанской гимназии, с 1823 г. – адъюнкт латинского языка при Казанском университете. Вместе с адъюнктом М. С. Рыбушкиным (1832–1834) он издавал первый в Казани частный журнал «Заволжский муравей». В 1835 г. Полиновский прибыл в Вятку. По воспоминаниям современников, он был высокого роста, держался сановито, с чувством достоинства. Не терпел «противоречий», желал быть начальником во всем. Деятельный и энергичный, М. В. Полиновский любил общаться с учениками, убеждая их учиться хорошо. Постоянно занимался делами гимназии. Он привёл в порядок библиотеку, кабинет учебных пособий. М. В. Полиновский был строг с теми учителями, которые нарушали распорядок: опаздывали, уходили с уроков раньше звонка, среди них К. Л. Деревянко, Брусняков, Гартман; последний был отправлен в отставку. Директорство М. В. Полиновского было временем страха и трепета для учеников и учителей гимназии [194, с. 87].

Приведём такой характерный пример. Андрей Ефимович Скворцов, «знакомец» А. И. Герцена, обер-офицерский сын, воспитанник Симбирской гимназии, выпускник Казанского университета, работал в гимназии в 1834–1841 гг. Он не отличался аккуратностью в посещении уроков. По выражению М. В. Полиновского, Скворцов вёл рассеянный образ жизни; в класс являлся под хмельком или с похмелья. Высокого роста, будучи атлетически сложенным, он был всегда груб на слова и не стеснялся давать волю рукам. Как-то раз на уроке славянского языка за какую-то ошибку он так сильно ударил стоявшего у доски ученика, что тот лбом выбил её с треножника на пол. Скворцов был на плохом счету у начальства, неоднократно получал выговоры за плохое ведение дела, состоял под постоянным надзором директора, который должен был ежемесячно доносить о нём попечителю. Так как все меры воздействия не оказали должного результата, он был уволен в 1841 г. Последнее документальное упоминание о нем относится к 1842 г., когда он обращался в гимназию за получением свидетельства на право работать домашним учителем. Мы вспоминаем о Скворцове в связи с тем, что его имя неоднократно упоминается в произведении А. И. Герцена «Былое и думы». А. И. Герцен в опре-

делённой степени занимался устройством жизни Скворцова; они переписывались и после отъезда Герцена из вятской ссылки в 1837 г. [195, с. 156–157]

Были в гимназии учителя, которыми она действительно гордилась. Александр Филиппович Михайлов (1841–1845 гг.), поступивший на место Скворцова, представлял собой полную ему противоположность; он был очень предан педагогическому делу, серьёзно относился к своим обязанностям. Его уроки литературы были своего рода совершенством. Активно занимался наукой и был впоследствии переведён в Казанский университет. Михайлов составил «Записку о преподавании словесности», которая была одобрена казанским профессором Фойгтом и была рекомендована для использования учителями Казанского учебного округа. За свою плодотворную деятельность во благо гимназии А. Ф. Михайлов получил большую премию из средств гимназии – 150 р. В Казани его талант ещё более развернулся [18, с. 70].

19 мая 1837 г. гимназию посетил наследник престола великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II) в сопровождении генерал-майора Кавелина, поэта В. А. Жуковского, действительного статского советника, составителя известного учебника географии К. И. Арсеньева. В 4-м классе его высочество соблаговолил слушать урок русского языка. Для чтения и разбора была подготовлена статья о высочайшем посещении г. Вятки государём императором Александром Павловичем в 1824 г. Разбор был сделан лучшими учениками Жирухиным и Жаворонковым. Присутствуя на уроке геометрии в 5-м классе, наследник цесаревич удостоил вопроса о происхождении фамилии отличного ученика Егора Мухачева, который перед этим хорошо и быстро решил задачу. По выходе из гимназии его высочество благосклонно заметил, что «здания гимназии весьма древней архитектуры и ветхи, а потому надобно озаботиться исправлением их или постройкою вновь». При этом директор доложил его высочеству, что проект плана и фасад новой постройки представлен уже высокому начальству [18, с. 62].

Однако вместо строительства нового здания в 1844 г. был произведён капитальный ремонт здания гимназии, а потом было решено более целесообразным приобрести расположенный по соседству с гимназией на ул. Спасской (ныне ул. Спасская, 12 и 12а) усадьбу купца Якова Петровича Машковцева. Здесь размещался большой каменный дом, построенный по проекту первого губернского архитектора Филимона Рослякова, сад с беседками и оранжереями, водоёмы, парк, ка-

менный корпус для служб. Территория усадьбы была обширной и тянулась до ул. Копанской (ныне ул. Герцена). За неё было уплачено 59 000 р. ассигнациями (16 857 р. 14 к. серебром) [269, с. 19].

М. В. Полиновский стремился к знакомству с местной аристократией. Вятский губернатор Мордвинов заходил домой к Полиновским запросто. А. М. Полиновский вспоминал об отце, что тот «любил компании», но учитель-немец Николай Андреевич Борнгардт вообще не говорил по-русски, латинист Сигизмунд Степанович Андрасси, венгр по национальности, тоже. Душой и центром небольшого интеллигентского кружка, собиравшегося у Полиновских по вечерам, был учитель Александр Филиппович Михайлов, светлая симпатичная личность и большой знаток русской литературы, обладавший изумительной памятью и богатым даром слова. Помимо Михайлова, приятными собеседниками были учителя французского языка – сначала Иван Антонович Верниковский, потом Иосиф Мартынович Смукрович, поляки, в чём-то провинившиеся перед правительством и сосланные в Вятку. Они были привезены в Вятку с жандармом прямо в гимназию и сданы директору под расписку. Несмотря на приданный Верниковскому и Смукровичу «политический оттенок», даже губернатор охотно беседовал с ними и не чуждался их [31].

А. М. Полиновский также вспоминал: «Смутно помню, что иногда появлялся в нашей гостиной А. И. Герцен, и помню только потому, что матушка моя, женщина, хотя тогда и молодая, но старых убеждений и строго религиозных верований, боялась Герцена ужасно и выговаривала отцу, зачем он принимает этого безбожника... Гораздо позднее, уже при губернаторе Хомутове, жил в Вятке и иногда заходил к нам ссыльный архитектор Витберг, который и построил в Вятке на новом базаре громадный и изящный храм. Когда собиралась у нас интеллигентная компания, вечер проходил торжественно и серьезно. Лицо отца было светло и жизнерадостно, угощение же ограничивалось только чаем. Иное было тогда, когда приходили люди другого пошиба и закона, из чиновничьего мира, хотя и из высших сфер. Сопя и кряхтя, вваливался в гостиную председатель уголовной палаты Волков, мужчина небольшого роста, с красно-рыжей головой и такого же цвета лохматыми бровями, вечно с Владимиром в петлице. Являлся советник казённой палаты Иванов, у которого было чуть ли не 30 человек детей и на каждого, благодаря узаконениям старого доброго времени, получал он значительную субсидию, так что всякий раз он радовался приращению семейства. Бывал и советник Макаров, окрещённый Сал-

тыковым в “Губернских очерках” Порфирием Петровичем, и, наконец, советник губернского правления Григорьев, представлявший собой уже совершенно гоголевский тип. Учёных разговоров эта компания не вела, а, выпив три или четыре пунша, садилась за зелёный стол. Играли всегда в бостон, чрезвычайно тонкую, интересную игру, представлявшую собой соединение виста и преферанса. Вечер завершался обильным ужином с серьёзной выпивкой» [31].

В 1846 г. М. В. Полиновский вышел в отставку и в дальнейшем проживал в Чебоксарах. Его племянник, сын сестры, Сергей Андреевич Нурминский, выдающийся просветитель нерусских народов Среднего Поволжья, прежде всего марийцев, впоследствии также был директором первой Вятской мужской гимназии [127].

Следующий директор Пётр Гаврилович Скорняков был воспитанником Симбирской гимназии. В Вятку он приехал уже совершенно больным и вскоре умер (26 февраля 1848 г.). Скорняков отличался неумеренной строгостью, был неотлучно с учениками и не разрешал даже во время перемены вставать с места, что при крайней тесноте помещения, при отсутствии рекреационной залы было чрезвычайно тяжело и возбуждало против него всеобщую ненависть. Скорняков «выступал тихонько», появлялся среди учащихся «для распекания и наказания без пощады», так что, по словам тогдашнего ученика М. М. Синцова, ему было бы надлежащее место скорее в каком-нибудь смирительно-лечебном заведении, а не в гимназии. Говорил он тихо, почти шепотом, но ученики прямо белели при обращении к ним директора. Тогда последний шептал: «Что это вы, мой милый, такой жёлтый…» [18, с. 64]

«Лучшие годы» Скорнякова прошли в Казани, где он ранее служил инспектором 2-й Казанской гимназии. Там постоянно применялись физические наказания. Строгость наказания для провинившихся была необычайной даже для того сурового времени. Скорняков любил ловить виновных на месте преступления и затем мучить свою жертву, наслаждаясь её страданиями. Для того чтобы иметь возможность подкрасться к ученикам неожиданно и поймать их на какой-нибудь шалости, он носил сапоги с мягкой подошвой без подборов. Профессор Казанского университета, бывший ученик 2-й Казанской гимназии Е. П. Янишевский вспоминал: «Трудно забыть эту физиономию с белыми злыми глазами, которые, кажется, никогда в жизни не улыбались и не смотрели ласково на учеников, с мягкими, неслышными движениями животного кошачьей породы. С ужасом, бы-

вало, нечаянно оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающегося к стеклянной двери класса. Виновный обычно подвергался сечению, и нужно было видеть, с каким удовольствием занимался Скорняков этим любимым делом. Сечение всегда продолжалось очень долго. Давши пять, шесть розог Скорняков останавливал служителя и начинал увещания, потом пять, шесть розог, опять увещевания и т. д.» [28].

В Вятской гимназии в те годы также активно применялись «телесные» наказания. Сечение чаще всего практиковалось после уроков Н. А. Борнгардта. Жестокостью в обращении с учениками отличался учитель математики К. Л. Деревянко, а учитель Шилов в класс обыкновенно приходил с верёвкой в кармане для собственноручной расправы. Он любил ставить учеников на горох. Даже у добродушного Крылова, вспоминал А. М. Полиновский, были «ликторы», выбиравшиеся из великовозрастных второгодников, и при всей своей незлобивости он считал нужным прибегать к обычному в то время наказанию розгами. Лентяев Крылов садил за особый стол и приговаривал: «Коснуться разве сих гениальных особ» – и затем вызывал кого-нибудь для ответа. Результат был предрешён заранее, и два ученика, на которых лежала обязанность сечь, называемые Крыловым ликторами, уже посматривали или на печку, где хранились розги летом, или на доску, где лежали эти орудия зимой» [18, с. 101].

Неудивительно, что главным злом, с которым педагоги боролись, было «нехождение в классы».

В 1848–1850 гг. директором был Николай Степанович Дмитриевский, громогласный, широкоплечий, высокий седой старик с баками, придававшими ему львиный вид. Он окончил Казанский университет, служил преподавателем латыни в Пензенской и Симбирской гимназиях, инспектором в Астрахани и Пензе. Дмитриевский стремился проявлять заботу об учащихся, но преподаватели и учащиеся его не особенно слушались. Дмитриевский был уже стар и болен. В августе 1850 г. он поехал в Казань на консультацию к врачам и уже не вернулся в Вятку. Он скончался осенью 1850 г. [194, с. 88]

Николай Николаевич Позняков был назначен директором Вятской гимназии 12 марта 1850 г., ещё при Дмитриевском, и выполнял эти обязанности по 1856 г. Уроженец Нижнего Новгорода, выпускник Санкт-Петербургского университета, учитель латыни в Вологодской гимназии. Далее в 1831–1839 гг. он служил инспектором в Олонецкой губернии, с 1845 г. был директором народных училищ Херсонской гу-

бернии. Назначение на должность директора гимназии, да еще в далёкой Вятке, он считал едва ли не ссылкой. Тем не менее держал он себя так, что его боялись и учителя, и учащиеся. В то время как все его предшественники были, по существу, неразлучны с детьми, Позняков посещал классы крайне редко, всего два-три раза в год. Пока он спускался из своих апартаментов в классы, об этом подавалась весть гонцами, по классам бегал инспектор и сдавленным голосом восстанавливал тишину. Директор являлся в классы в сопровождении инспектора, а надзиратель дежурил у двери. Как бы долго директор ни находился в классе, никто не осмеливался садиться в его присутствии. В то же время при Познякове было положено начало ученической библиотеке: раньше были только фундаментальная и «продажная», так как средств на основание ученической библиотеки не было. Директор предложил устроить в 1851 г. с этой целью подписку [194, с. 88].

Коллектив гимназии принимал участие в общественно-политической жизни страны, проявлял свои патриотические чувства. В 1854 г. учителя и ученики собрали 400 р. в пользу раненых в Крымской войне. Выпускники гимназии Валерьян Пупырев, Самуил Тимкин и Алексей Хохряков (выпуск 1848 г.), Николай Фомин (выпуск 1846 г.), окончившие медицинские факультеты, ушли на войну врачами, а Павел Халтурин (выпуск 1843 г.) и Леонид Корякин (выпуск 1854 г.) – офицерами. Последний погиб при обороне Севастополя [153, с. 322–323]. И в дальнейшем некоторые выпускники гимназии проявили себя героями в военных конфликтах. Так, Анатолий Редкин, лейтенант флота, погиб во время Цусимского сражения на броненосце «Суворов» [123, с. 70].

В 1856–1866 гг. директором гимназии работал её бывший выпускник Иван Михайлович Глебов. Гимназию он окончил в 1830 г. и был тогда вторым по успехам среди одноклассников. Сначала Глебов служил в Вятской казенной палате копиистом, затем подканцеляристом и канцеляристом. Окончил естественный факультет Казанского университета. С 1836 г. учитель Саратовской гимназии, с 1848 г. – Вятской гимназии. Современники вспоминали Глебова как человека, вечно погружённого в думы, всегда озабоченного делами гимназии. Он сделал исключительно много и для открытия первой в Вятке женской гимназии. Жизнь Глебова отравляло одно неприятное обстоятельство. В период его служения в Саратове директор тамошней гимназии В. Ф. Гине (1837–1843) растратил 28 536 р. ассигнациями и скрылся. По суду старшие учителя, в том числе и Глебов, не имевшие

к этому преступлению никакого отношения, были принуждены компенсировать эту растрату. Выплата осуществлялась из зарплаты в течение ряда лет, в том числе и в Вятке. Поэтому И. М. Глебов всегда испытывал материальную нужду. И. М. Глебов не только находился под благотворным влиянием демократических идей «шестидесятников», но, несомненно, был им. Правда, официальное положение не позволяло ему вслух выражать свои мысли, но его практическая деятельность, манера вести себя, общаться с преподавателями и студентами явно выдавали в нём человека нового времени. Он первым из директоров стал обращаться к учащимся «на Вы», стремился сблизиться с молодежью. «Перемена эта была столь разительна, что ученики сначала отказывались верить ей, боялись ловушки со стороны начальства», – вспоминал его бывший ученик [195, с. 157–158].

Учителя, захваченные общественным движением 1860-х гг., с жаром принялись за дело обновления школы. Они стремились стать в положение старших товарищей учеников и действительно служить их воспитанию и образованию. Учителя приглашали тех, кто затруднялся чем-либо по их предмету или нуждался в совете, приходить к ним на квартиру для дополнительных занятий [18, с. 112].

Под стать директору были и учителя. «Это развитой человек», – говорил учитель словесности В. П. Москвин про кого-нибудь в качестве высшей похвалы, и лучшие гимназисты употребляли все усилия, чтобы удостоиться такого отзыва. Сам Виктор Павлович Москвин пользовался среди учеников авторитетом человека много знающего; он поражал их массой знаний, увлекал широтой умственного кругозора. В 1848–1878 гг. замечательной и оригинальной личностью был Алексей Ильич Редников, выпускник Вятской духовной семинарии и Казанского университета, в течение тридцати лет (1848–1878) преподававший в гимназии латинский язык. Он свободно говорил и писал на латыни, классическую античную литературу знал до тонкостей. С 4-го класса вёл беседы с учениками уже исключительно на латыни. Главной целью занятий Редникова было овладение языком, а не начетническое знание цитат римских авторов. Трудной, даже непосильной, была такая работа для слабых учеников, с плохой памятью и без филологических способностей; но, движимые общим настроением в классе, примером более талантливых и способных товарищей, при живости, находчивости и отличным знаниям преподавателя, и они трудились даже сверх сил и давали всё, что могли. Да и нельзя было не трудиться. «Плохих учеников и лентяев изводил Редников

своей требовательностью и настойчивостью; в то же время он очень благоволил к успевающим, к которым он умел многообразно и даже трогательно оттенить своё благодарное и доброжелательное отношение» [266, с. 70].

Учитель русского и старославянского языков А. К. Халютин пользовался в гимназии большим авторитетом. Выпускники гимназии вспоминали: «Сама наружность Александра Кондратьевича внушала уважение к нему. Это был крепкий, мужественный человек со строгими зоркими глазами. Впечатление производил его звучный суровый голос. Когда он с газетным листом в руках входил во время перемены в классы, в них была поразительная тишина. Не выучить у него было нельзя, потому что незнание неизбежно обнаруживалось и наказывалось. Но под суровой наружностью у Халютина скрывалось доброе сердце. Дома и в обществе он был приветливым, живым, общительным человеком, любившим шутку. Обладал хорошим голосом и игрой, охотно принимал участие в любительских спектаклях, особенно в комедиях Островского» [18, с. 121–122].

Выдающимся преподавателем зарекомендовал себя выпускник Казанского университета, учитель физики и математики Василий Петрович Хватунов, прослуживший в Вятской гимназии без малого сорок лет (1843–1881 гг.), а ранее работавший ещё и в Пензенской гимназии. На его уроках царило полное внимание. Невнимательность и лень преследовались им одинаково резко и беспощадно шутливыми замечаниями, на которые он был неистощим. Оценка знаний была самой строгой. Преподавание велось энергично и оживлялось неожиданными сравнениями, шутками. Педагог активно использовал опыты, разнообразные методы. В годы работы Хватунова гимназия по математике и физике была лучшей в учебном округе. По воспоминаниям современников, это был очень подвижный человек, наполнявший свой досуг чтением книг, особенно по астрономии; любил производить астрономические вычисления [195, с. 158].

Добрую память о себе оставил Яков Григорьевич Рождественский, сын пономаря села Тугоухово Борисоглебского уезда Тамбовской губернии, воспитанник Тамбовской духовной семинарии и Казанской духовной академии, по окончании которой он прибыл в Вятскую духовную семинарию, а затем перешёл на работу в гимназию. Его воспитанник А. К. Лопатин вспоминал: «Это был благороднейший, искуснейший, яркий и сильный представитель так много давшего нам просветительского движения 60-х годов. Всю силу своего духа

и разумения он отдал своему делу и до конца был нелицемерным служителем идеи реформ просвещения и народного блага. Влияние его на учеников было глубоким и благотворным, тем более что он был свободен от крайних увлечений своего времени. Ученики для него были молодыми товарищами, силы которых надо было вызвать к жизни. Во время занятий он порой доходил перед своей благодарной аудиторией до такой силы, что, не вынеся напряжения, выходил из класса и плакал. Даже мы, маленькие ученики конца 1860-х гг., относились к нему с благоговением, с почтением слыша кругом его имя. Если кто-нибудь был нам полезен, то он; если кто оторвал нас от чтения пустых романов и побудил к более серьёзному материалу, то он; если кто вкладывал нам свою душу, то он. Когда он начинал говорить, так живо и увлекательно, все слушали его с полным вниманием, боясь проронить хотя бы одно слово». В 1869 г. Я. Г. Рождественский переехал в Пензу [18, с. 135–136].

Такие учителя отвечали важнейшим требованиям, предъявлявшимся обществом к интеллигенту: стремление жить для возвышенной идеи, служить делу хотя бы и в ущерб своим личным интересам. Они внушали молодому поколению идею самосовершенствования, самопожертвования и долга, а это самое важное, что старший член общества должен передать младшему. Я. Г. Рождественский был ярким представителем движения шестидесятников [60, с. 207].

Ко времени директорства И. М. Глебова относится, несомненно, лучший период в жизни гимназии. Она работала во весь размах своих сил, свободно, с увлечением и великой пользой для учащихся. Это было её самое благородное и возвышенное время. Но и само время, время больших общественно-политических перемен, несомненно, призывало к активной деятельности такие светлые личности, какими были многие учителя Вятской гимназии. Состояние гимназии было весьма хорошим. В отчёте за 1857 г. указывается, что гимназия считается одной из лучших, так как ей одной было дано право направлять лучших выпускников в Казанский университет без вступительных экзаменов [266, с. 11].

Более того, в ознаменование достижений Вятской гимназии в Казанском университете была учреждена Ломоносовская стипендия для студента, одного из воспитанников Вятской гимназии, сбор на которую в 1866 г. достиг 2147 р. в год. Вятских учителей хорошо знали в других городах. В 1866 г. Халютин и Москвин ездили в Казань на съезд преподавателей словесности и русского языка Казанского

округа. В 1857 г. коллектив гимназии участвовал в подписке на сбор средств для сооружения памятника в честь тысячелетия России в Новгороде Великом, в создании естественно-исторического музея при Вятской публичной библиотеке, для которого активно собирали экспонаты [153, с. 323].

3 декабря 1866 г. И. М. Глебов вышел в отставку. С декабря 1866 г. по 1 марта 1877 г., по день смерти, директором работал Эдуард Егорович (Георгиевич) Фишер. Он вырос в семье художника, окончил филологический факультет Казанского университета. Работал в Пензенской и Казанской гимназиях. Пришедшиеся на период его работы директором новые школьные уставы 1864 и 1871 гг. положили конец либерализму. От директора теперь требовалась не инициатива, а точное выполнение предписываемых правительством распоряжений. Много приходилось директору проявлять ума и такта, чтобы в такое сложное время удержаться на высоте своего положения. Строгий к себе, в высшей степени аккуратный и исполнительный, Фишер являлся для подчиненных образцом добросовестного отношения к служебным обязанностям. Он тщательно разрабатывал и вводил придуманные им формы классных журналов и ведомостей. Разработал форменную одежду для учащихся. Гимназистов он любил как своих детей [195, с. 159].

Выпускник гимназии 1871 г. Н. Я. Мальгинов вспоминал: «Фишер оставил по себе светлые воспоминания. Он был в высшей степени корректен в обращении с учениками, искренне расположен к ним. Приветлив, всегда входил в их положение. Особенно симпатичной его чертой была полная объективность и беспристрастность, с которыми он относился к своим питомцам, какого бы общественного положения они бы ни были» [18, с. 167]. За период службы директором гимназии Э. Е. Фишер заслужил три ордена: Станислава 2-й степени, Анны 2-й степени, Владимира 3-й степени [194, с. 92].

В бытность Э. Е. Фишера директором в гимназии учились будущий основоположник космонавтики Константин Эдуардович Циолковский и его брат Игнатий, дети ссыльного участника польского восстания. Учился Костя Циолковский неважно, даже оставался на второй год. Но причиной этого была рано развившаяся тугоухость. Кстати, больше нигде впоследствии Циолковский не учился; он был типичным учёным-самоучкой [99, с. 189–192].

Следующий директор Фёдор Михайлович Керенский руководил гимназией недолго (1877–1879), но также оставил о себе добрую па-

мять [98, с. 486]. Первым из директоров он обратил самое серьезное внимание на физическое воспитание, для чего были приобретены новые спортивные снаряды [116, с. 91]. Ф. М. Керенский преподавал в 7–8-х классах русскую словесность, логику, латинский язык совместно с русским и церковно-славянским. Как преподаватель русского языка и словесности, он обращал на себя внимание глубоким знанием предмета и умением излагать его ясно, просто, вместе с тем увлекательно. Уроки его проходили с большим подъемом [163, с. 71].

Воспитанник Симбирской гимназии М. Крылов вспоминал: «Особенное внимание Керенский обращал на исполнение домашних сочинений, обязательно требовал для исполнения заданных тем пользоваться литературными источниками, что очень важно для развития учеников. Как чтец, Керенский был замечателен; до сих пор осталось в памяти его выразительно отчетливое чтение, особенно из древнерусской литературы, например, былины» [18, с. 168].

По предложению директора был установлен график проведения зачетов, письменных и контрольных работ; для занятий со слабоуспевающими учениками после уроков были назначены за дополнительную плату два учителя; привлечены родители для совместной работы по улучшению успеваемости, а в выпускном классе введены консультации в воскресные дни для лучшей подготовки к экзаменам. Особо одарённым ученикам разрешили использовать книги из фундаментальной библиотеки гимназии; прежде она обслуживала только преподавателей. Беднейшим ученикам стали выдавать денежные пособия и бесплатные учебники [195, с. 159]. Керенский часто посещал квартиры своих учеников и сиротский земский дом, где жили ученики гимназии.

Знаменательным в период директорства Ф. М. Керенского было посещение гимназии в декабре 1877 г. помощником попечителя Казанского учебного округа, который остался доволен всем ходом преподавания. В частности, проверяющий отметил, что по русской словесности тетради учеников у директора проверяются аккуратно, замечания делаются обстоятельно. Летом Керенский руководил хозяйственной подготовкой гимназии к новому учебному году. Директор занимался перестилкой полов, укреплением перекрытий, устройством вентиляции в классах, устранением сквозняков, оборудованием спортзала, приобретением наглядных пособий для кабинетов [98, с. 489].

Важным событием для гимназии в период директорства Ф. М. Керенского было посещение её 23 мая 1878 г. министром народного просвещения Д. А. Толстым и попечителем Казанского учебного округа

П. Д. Шестаковым. Они посетили уроки преподавателей, были на экзаменах по древним языкам в 8-м классе, осматривали кабинеты. По окончании визита они поблагодарили всех преподавателей за правильное и успешное ведение учебно-воспитательного дела [301].

Директор мужской гимназии одновременно был председателем педагогического совета Вятской Мариинской женской гимназии; на эту должность Керенский был избран 15 июня 1877 г. [306, л. 5] Под его контролем был 8-й педагогический класс этой гимназии, где ученицы готовились к получению звания домашней учительницы по трём специальностям: 1) география и история; 2) русская словесность; 3) арифметика. Они давали уроки под руководством наставников, вели педагогические наблюдения, следили за поведением учениц 1-го класса. Дневники наблюдений обсуждались на заседаниях педагогического совета при участии Ф. М. Керенского и подписаны им [307].

1877 год ознаменовался небывалым подъёмом патриотических чувств в связи с русско-турецкой войной. Гимназия принимала участие в пожертвованиях на военные цели и в пользу раненых. 20 июня педагогический совет принял решение «жертвовать три процента жалованья раненым и их семействам на всё время войны» [298, л. 40]. 11 мая 1879 г. Ф. М. Керенский провёл последнее заседание педагогического совета гимназии, где рассматривалось предписание попечителя округа от 10 апреля о перемещении его на вакантную должность директора Симбирской гимназии. Он был приглашён в Симбирск Ильёй Николаевичем Ульяновым, который в те годы был директором народных училищ Симбирской губернии. Там родился его сын Александр, в будущем глава временного правительства России в 1917 г. В 1889 г. Ф. М. Керенский был назначен главным инспектором народных училищ Туркестанского учебного округа [164, с. 231].

25 мая 1879 г. приступил к работе новый директор Николай Фёдорович Свешников, ранее уже работавший в Вятской гимназии в должности инспектора [302, л. 60–61]. Он был выпускником Вятской духовной семинарии и историко-филологического факультета Казанского университета. Начал работу в Вятской гимназии учителем латинского языка в 1869 г., а с 1871 г. стал преподавать ещё и греческий язык. В 1870 г. был избран секретарём педсовета. Современники характеризовали его как человека выдающихся способностей, исключительно требовательного к учителям в отношении безукоризненного отношения к своим обязанностям. Он постоянно посещал уроки, о замечаниях и предложениях докладывал на заседаниях педсовета.

Преследуя лень и некритическое отношение к себе отдельных учителей, Свешников не любил нерадивых педагогов, видевших в службе «лишь двадцатое число» (день выдачи зарплаты) [194, с. 94].

В деле воспитания Н. Ф. Свешников придавал огромное значение деятельности классных наставников; он считал их как бы хозяевами своего класса и даже главой отдельной семьи. Каждый из классных наставников должен был собирать «биографические сведения» об учениках своего класса, включавшие очень подробную характеристику ученика в умственном, нравственном и физическом отношениях, обстоятельную оценку его способностей, знаний, поведения и т. д. В самых слабых по способностям и успехам учениках Н. Ф. Свешников просил учителей поддерживать «надежду на лучшее будущее, предлагал обращаться особенно внимательно к “опускающимся” ученикам и в “переговорах” с родителями проводить ту мысль, что только постоянный непрерывный труд имеет воспитательное значение. По отношению же к ленивым ученикам он рекомендовал строгие меры, осуждал чересчур снисходительную оценку знаний и всякого рода послабления. Не случайно под руководством такого директора росли и сами преподаватели. Лучшие из них в дальнейшем выдвигались на руководящие должности, в том числе становились директорами: законоучитель Н. Н. Кувшинский – ректором Вятской духовной семинарии; А. А. Казаринов – директором Царицынской гимназии; А. К. Кулагин – директором Саратовской гимназии; К. К. Десницкий – директором 2-й Казанской гимназии и др. Так что Вятскую гимназию в те годы в шутку называли “гнездом директоров”» [195, с. 160].

Сергей Андреевич Нурминский был директором гимназии в 1888–1903 гг. Действительный статский советник, выпускник Казанской духовной академии, смотритель Николаевского духовного училища Самарской губернии (с 1864 г.), с 1867 г. та же должность в Бугурусланском духовном училище. С 1869 г. – инспектор народных училищ Вятской губернии, с 1874 г. – директор народных училищ Вятской губернии и председатель губернского училищного совета. В этой должности С. А. Нурминский сделал особенно много для открытия школ для «малых» народов Вятского края. Не случайно сразу несколько приволжских народов считают его своим просветителем. В 1885 г. он директор Самарской учительской семинарии. В 1884 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете оценило его вклад в дело просвещения ряда народов Поволжья и изучения их истории и культуры и избрало действительным членом [127, с. 93].

В разные годы он на общественных началах исполнял обязанности члена Вятского училищного совета, члена Вятского епархиального училищного совета, помощника председателя Вятского губернского статистического комитета, управляющего делами Вятской губернской публичной библиотеки (с 1895 г.). Несомненно, это был самый известный за пределами Вятской губернии директор Вятской гимназии за всю её историю [194, с. 94].

Педагогическое дело С. А. Нурминский действительно знал и любил. Он ввёл воскресные занятия с неуспевающими учениками. Большим достижением было открытие в 1894 г. общежития для учащихся. Стали устраиваться литературные вечера. Директор заботился об эстетическом и физическом воспитании учащихся. Музыкальное обучение было введено ещё при Н. Ф. Свешникове. Но постепенно организованный им оркестр пришёл в упадок, и новый толчок к его восстановлению дал С. А. Нурминский [127, с. 94].

В гимназическом саду был устроен каток. Превосходно было поставлено военное воспитание. Практиковались военные построения и переходы, военно-гимнастические прогулки в окрестностях Вятки, которые осуществляли кадровые военные, – поручик Стельмахович (1885–1890) и полковник Л. В. Черненко (1898–1905) [123, с. 68–69].

Из душных стен гимназии гимназисты шли в походы в пригородные сёла Филейка и Красное, в загородный сад и монастырь. Занятия с винтовками на свежем воздухе стали практиковаться несколько позднее, с началом мировой войны [304, л. 10].

Директор принимал самое внимательное участие в улучшении материального положения учащихся. Его распоряжения по назначению пособий на стипендию и по освобождению учеников от платы за обучение всегда обнаруживали близкое знакомство с нуждами учащихся [18, с. 189]. Добросердечность и снисходительное отношение к ученикам не мешали С. А. Нурминскому поддерживать строгий порядок в учебной жизни. Посещение церкви для всех было обязательно, жёстко пресекалась лень, был установлен надзор на улицах и посещение квартир учащихся [194, с. 95]. Многие директора гимназии уделяли внимание привлечению пожертвований. Ещё в 1865 г. преосвященный Агафангел принёс в дар гимназии подборку классической литературы на греческом и латинском языках парижского издания в количестве 77 томов [194, с. 95].

К концу XIX в. гимназия располагала шестнадцатью стипендиями, в том числе имени генерал-лейтенанта Зелёного (учреждена в

1866 г., размер – 1700 р.), директора Фишера (1872 г., 600 р.), действительных статских советников Батурина (1877 г., 700 р.) и Михайлова (1878 г., 1100 р.), губернатора Чарыкова (1877 г., 1200 р.), имени вдовы губернского секретаря Копиченко (1894 г., 1300 р.), вятского мещанина Короваева (1898 г., 1477 р.) и др. Вплоть до завершения деятельности гимназии появлялись новые стипендии. Даже в 1917 г. был учреждена стипендия предпринимателя П. С. Лаврова, выделившего определённую сумму, процент с которой шёл на освобождение от платы за обучение одного из учеников «из детей бедных чиновников, уроженца г. Вятки, православного вероисповедания» [304, л. 4]. Ревностный блюститель духовных и материальных интересов гимназии, С. А. Нурминский при всей простоте и скромности был истинным директором в лучшем, благородном значении этого слова. В 1903 г. он оставил работу в Вятке и поселился в Казани [195, с. 161].

В 2018 г. московское издательство «Вече» выпустило в серии «Сто великих…» книгу автора данной монографии «Сто великих педагогов». Среди этих ста великих педагогов и очерк о Сергее Андреевиче Нурминском [227, с. 276–279].

Александр Иванович Павлов работал директором в 1903–1906 гг. Он был родом из семьи чиновника. Окончил Казанский университет. Работал в Самарской женской гимназии и реальном училище. В Вятке директором гимназии работал с 15 августа 1903 г., а уже 1 января 1906 г. был переведён директором гимназии в Самару [194, с. 96]. 25 ноября 1905 г. в гимназии начал работать родительский комитет. В течение трёх с половиной лет его председателем был член Вятского окружного суда П. К. Вознесенский, затем непременный член Вятского губернского присутствия А. Н. Луппов, председатель Вятской губернской земской управы Н. А. Шубин, В. Б. Контрим, В. И. Казенин, А. Т. Барановский, членами были такие известные люди, как знаменитый фотограф С. А. Лобовиков и архитектор И. А. Чарушин. Родительский комитет помогал собирать средства для оказания помощи как самой гимназии в её тратах, так и отдельным «недостаточным» учащимся для приобретения им одежды, обуви и школьных принадлежностей [195, с. 161].

Ещё раньше, 27 декабря 1883 г., в гимназии было учреждено общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии, которое, помимо вышеуказанной деятельности, привлекало средства для устройства квартир для приезжих учеников, оказания денежного пособия для поступающих в вузы выпускников и для освобождения

учащихся от платы за обучение. Большую активность в деятельности этого общества проявляли Б. А. Селенкин, Н. С. Богородицкий. Организация горячих завтраков для детей «недостаточных родителей» осуществлялась даже в 1917 г. Кстати, годовая плата за обучение в разные годы составляла следующие суммы: 1838 г. – 10 р., 1863 г. – 12 р., 1864 г. – 15 р., 1873 г. – 20 р., 1874 г. – 25 р., 1875 г. – 35 р., 1888 г. – 40 р., 1905 г. – 46 р., 1909 г. – 55 р. [194, с. 96].

Почётный попечитель гимназии Викентий Альфонсович Поклевский-Козелл (1892–1899 гг.) оказывал ежегодно материальную помощь гимназии в размере 1000 р. в год на содержание общежития. Сменивший его Иван Альфонсович Поклевский-Козелл (1899–1904 гг.) продолжил эту традицию [153, с. 324].

В заслугу А. И. Павлову можно поставить то, что ему удалось привлечь крупного благотворителя предпринимателя Тихона Филипповича Булычёва в качестве почётного попечителя и подвигнуть его на строительство нового гимназического здания. Закладка здания состоялась в день празднования славянских просветителей Кирилла и Мефодия 11 мая 1904 г. (по старому стилю) [194, с. 97]. Во второй половине 1905 г. постройка была фактически закончена. Торжественный акт передачи состоялся 11 мая 1907 г. Трёхэтажное, изысканной архитектуры с мезонином здание было рассчитано на 70–100 учеников. В главном здании на ул. Спасской помещались теперь восемь основных классов, актовый зал, физический кабинет, фундаментальная и ученическая библиотеки, учительская, канцелярия, кабинет врача, архив и кабинет директора. В «малом» корпусе[1] размещались параллельные классы, гимнастический зал, учительская, кабинет инспектора, естественно-исторический кабинет, переплётный и музыкальный классы, классы ручного труда, рисования и лепки. В обоих зданиях было проведено электрическое освещение, установлена электрическая вентиляция. Новый корпус имел калориферное (паровое) отопление. Старое здание не стали расширять, а привели в порядок его внутренние помещения. Ещё в 1903 г. педагогический совет принял постановление для упражнений на открытом воздухе устроить спортивную площадку, а в зимнее время устраивать во дворе гимназии каток, горку и «тепличку», то есть помещение для переодевания тех, кто пришёл кататься на коньках. Площадь нового гимназического двора составляла 200 квадратных сажен, что позволило разместить

[1] В действительности «малый» корпус был значительно больше по размерам, чем «главный».

здесь гимнастический городок, первый в городе; здесь были устроены турник, трапеция, кольца, канаты и шесты для лазания, бревна, лестницы и т. д. [194, с. 98]

Сергей Адрианович Богатырёв стал последним директором гимназии (1906–1918). Он окончил исторический факультет Казанского университета. Работал в Самаре в реальном училище и женской гимназии, в 1895 г. в Казанской гимназии, с 1896 г. в Астраханской гимназии. Самым крупным событием периода директорства С. А. Богатырёва стало освоение гимназией «булычёвского» корпуса и перестройки в связи с этим учебно-воспитательной работы. (В настоящее время в этом корпусе работает Вятская гуманитарная гимназия.) В 1907 г. был разбит гимназический сад, который должен был иметь прикладное значение в плане преподавания природоведения [194, с. 98].

Учитель А. Г. Попов много делал для привлечения гимназистов к обучению ремёслам. Продолжились музыкальные концерты, в том числе с благотворительными целями. С 1910 г. в гимназии была введена сокольская гимнастика, которую преподавал рекомендованный начальником чешского сокольского общества в Праге Ян Венцеслав Штангль. Прекрасный гимнаст и педагог, он быстро освоил русский язык и повёл дело энергично и умело. Три дня в неделю по четыре часа учащиеся теперь занимались гимнастикой. Сокольская гимнастика предполагала вольные ритмические движения, красивые массовые построения по команде и под музыку, упражнения на специально выписанных из столицы гимнастических снарядах (конь, «козёл», брусья, перекладина и т. д.). Увлечение гимнастикой охватило гимназистов, а также учащихся реального училища, где также преподавал Штангль. Гимнастикой занимались охотно и без всякого принуждения даже во внеурочные часы, то есть сверх обязательных занятий. В своё время Штангль был приглашен на работу в Вятку земством; он прижился на вятской земле, внёс огромный вклад в развитие физической культуры и спорта на Вятке, а в 1937 г. был расстрелян в Кирове как якобы «иностранный шпион» [153, с. 325].

Успехи в освоении гимнастики в течение всего лишь одного учебного года были столь значительны, что 9 мая 1911 г. было решено устроить сокольский праздник. Первоначально предполагалось провести его на свежем воздухе, но ненастная погода вынудила перенести праздник в спортивный зал. Каждый класс, начиная с первоклассников, показал своё мастерство. Наибольший успех выпал на долю тех «гимнастёров», которые участвовали в построении акробатических

пирамид и в соревновании на гимнастических снарядах: кольцах, параллельных и разновысоких брусьях, на коне. Либеральная газета «Вятская речь» в материале «К сокольскому празднику в мужской гимназии» (17.5.1911. № 101) назвала этот первый в истории города спортивный праздник событием, которое «произвело целый переворот в смысле оздоровления учащейся молодежи» [153, с. 325].

Новыми для Вятки спортивными явлениями были велосипед, коньки, футбол. Особенно выделялся гимназист Авксентий Пуни (1898–1985), в будущем знаменитый ученый, основоположник спортивной психологии. Он основал вместе со своим другом В. Шубиным в 1914 г. первое в Вятке спортивное общество под названием «Спорт» [195, с. 161]. В 1917 г. в гимназии были два спортивных общества: «Спорт» и «Футбол». В 1917 г. Пуни возглавил «Общество любителей спорта». 28 апреля того же года он окончил гимназию, а общий выпуск двух классов составил 56 человек [304, л. 22].

На протяжении всех лет существования гимназии некоторые её учителя, как и первое поколение педагогов, занимались научными изысканиями, главным образом исторической и краеведческой направленности. С. А. Богатырёв подготовил кандидатское сочинение на тему «Деятельность русских на Амуре». В. М. Суханов опубликовал работы «Распространение христианства в Казанском крае», «Рождественские святки в крещено-татарских деревнях», «Религиозные верования черемис» и др. Законоучитель отец Пётр Мышкин написал такие труды: «Духовные труды в России в царствование Петра Великого» (кандидатское сочинение), «Миссионерские труды преосвященного Дионисия» и др. Многие работы вятских педагогов были опубликованы [194, с. 99].

Разразившаяся в 1914 г. мировая война внесла коррективы в деятельность гимназии: при ней был открыт лазарет № 9. Заведовать лазаретом пришлось директору гимназии, попечительницей стала его жена М. И. Богатырева, смотрительницей – А. Н. Суханова [194, с. 99].

Гимназисты и учителя как могли старались облегчить страдания раненых. Февральская революция была воспринята в гимназии с энтузиазмом. На заседании педагогического совета 23 марта выражалась уверенность в том, что новая власть будет «содействовать возможно более безболезненному переходу родины на новые формы её жизни». Также отмечалось, что «учащиеся удивительно сознательно отнеслись к свершившемуся и спустя несколько дней занятия вошли в обычное будничное деловое русло» [304, л. 11].

Педагоги гимназии зарекомендовали себя гуманными людьми. Приведём такой пример. 1 мая 1917 г. на заседании педагогического совета среди прочих вопросов заслушивалась информация попечителя Казанского учебного округа от 11 апреля 1917 г. за № 6367 об учащемся 3-го класса Ядринского реального училища Вениамине Лаврентьеве, который за совершённую им кражу не только исключался из училища, но и *пожизненно* лишался права обучаться в любом учебном заведении министерства народного просвещения.

Учитель Б. А. Селенкин отметил исключительную жестокость такого наказания. Даже взрослые закоренелые преступники, отметил он, отбыв наказание, возвращаются к тем же самым профессиям, которыми были заняты ранее. Педсоветом было принято решение возбудить ходатайство перед министерством об уничтожении такой меры, как лишение права учиться [304, л. 23].

В течение весны – лета 1917 г. на нескольких педагогических советах учителя решали вопрос, выделять ли старшеклассникам по их просьбе специальную курительную комнату или нет. В итоге ответили отказом. Однако вскоре ситуация в стране и в Вятке приняла такой оборот, что чисто педагогические вопросы оказались в тени общественно-политических событий. Так, в гимназии были размещены на постой солдаты, после которых здание, пришедшее в плачевное состояние, пришлось ремонтировать [304, л. 58].

Осенью 1917 г. вся страна жила ожиданием выборов в Учредительное собрание, организацией которых занималось Временное правительство и его представители на местах. На заседании педсовета гимназии 30 ноября С. А. Богатырёв в своём выступлении указал на значение для судеб России дня созыва Учредительного собрания. Он ознакомил членов педсовета с текстом принятой на торжественном заседании городской думы по этому поводу резолюции, к которой единогласно присоединились и члены педагогического совета. Затем директор рассказал о состоявшемся 26 ноября совещании городской группы педагогического союза, выразившего негативное отношение к постановлению местного совета солдатских и рабочих депутатов о захвате власти в свои руки в губернии. Объединённое заседание общегубернских союзов педагогов средних и низших школ выразилось аналогичным образом. Педсовет гимназии присоединился к принятым решениям «на случай осуществления советом солдатских и рабочих депутатов своего постановления», то есть фактического захвата власти [304, л. 61].

11 ноября 1917 г., видимо, с целью предотвращения нападения на казённый винный склад из него в реку Вятку был вылит спирт. Он растёкся по поверхности льда так, что его стали собирать и даже развозить местные жители. (А ведь в годы войны действовал сухой закон.) Вскоре по всему городу появились пьяные, среди которых появились лица, подстрекавшие к погромам магазинов и частных домов. Пришлось гимназистов до окончания уроков распустить по домам, пока события не приняли более серьёзный оборот. Хотя погромов удалось избежать, не обошлось без кровавого столкновения толпы с организованной народной охраной и дисциплинированными частями войск. Были убитые и раненые с обеих сторон. На следующий день толпа народа, преимущественно в солдатских шинелях, несколько раз собиралась у винного склада, потому что кем-то был пущен слух, что «спирт выпущен не весь». Поскольку не было уверенности, что дело не кончится погромами и шествиями буйствующих дезертиров, было решено отменить занятия в гимназии до пятницы, 18 ноября [304, л. 60].

4 декабря, на тридцатом (!) по счету в календарном году заседании педсовета С. А. Богатырёв был вынужден констатировать «переживаемые Вяткой события», а именно: захват власти Советом рабочих и солдатских депутатов, состоявшим из большевиков; протест против такого захвата, вылившийся в забастовку не только городских предприятий (водокачка, электрическая станция, хлебопекарня и др.), но и всех правительственных и общественных учреждений; вероятная возможность уличных демонстраций и даже кровавых столкновений; обострившийся до крайних размеров продовольственный вопрос. Всё это побуждало директора задуматься над вопросом о продолжении нормальных занятий в школе. Этому вопросу было посвящено совещание директоров учебных заведений города с представителями городского и земского самоуправления. Рассмотрев вопрос, совещание нашло желательным прекратить занятия до 8 января [304, л. 63].

Столкновение с новой властью не заставило себя долго ждать. С. А. Богатырёву не раз приходилось проявлять выдержку и личное мужество. 14 декабря на заседании педсовета он сообщил собравшимся «о посещении гимназии группой вооружённых матросов», потребовавших сообщения им адресов учеников 8-го класса на предмет производства у них обысков с целью конфискации оружия. Адреса были сообщены, но директор потребовал показать ему документы, на основании которых предъявляют свои требования матросы, снял с

них копию, а затем составил протокол, в котором значилось, что администрация гимназии выдала адреса учащихся не добровольно, а подчиняясь вооружённой силе. Протокол был подписан представителем матросов. Затем директор имел продолжительную беседу с матросами, убеждая их, что ученики гимназии никакого отношения к так называемой «белой гвардии» не имеют, да, насколько ему известно, её и не существует в Вятке. Он также заявил, что ученики ещё дети, заняты больше всего учением; к ним нужно относиться с осторожностью и не смотреть на них как на сознательных, вполне взрослых деятелей. Директору показалось, что разговор его с матросами в защиту учеников произвёл на последних впечатление. По крайней мере, один из них, уходя, успокоительно заметил по адресу учеников, что, конечно, они ещё ребята [304, л. 69об.].

Тем не менее, у учеников действительно производились обыски, но в большинстве случаев безрезультатно. Были и другие случаи столкновения учащихся с большевиками. Инспектор гимназии сообщил также об аресте и о последующем освобождении ученика Суетова, а также о тех мерах, которые были приняты им, инспектором, для освобождения ученика [304, л. 70].

Несмотря на все трудности, гимназия продолжала работать и в 1918 г. Помимо обычной для гимназии работы, она выполняла функцию губернского центра педагогического образования. Открывшийся в 1914 г. Вятский учительский институт не давал даже среднего образования. В этом смысле гимназия стояла на ступеньку выше: она имела право выдавать не только аттестат зрелости, но также свидетельство на право работы учителем. Имел место экстернат за курс средней школы. Так, служащий 1-го Воздухоплавательного парка Рабоче-Крестьянского Красного Военного Воздушного Флота Семён Кузьмич Овсянников обратился в августе 1918 г. в гимназию с просьбой «срочно его экзаменовать ввиду внезапного перевода Парка из г. Вятки». В заявлении он указывал, что это ему необходимо для получения «1-го классного чина», и прилагал ходатайство командира Парка и квитанцию об оплате экзамена [305].

В 1903 г. гимназию окончил К. Иньков. По окончании университета Константин Николаевич поступил на работу в родную гимназию, был одним из активнейших членов педсовета гимназии, членом союза вятских учителей. 8 мая 1917 г. на заседании педсовета гимназии он озвучил пожелания съезда вятских учителей: единая, свободная, децентрализованная и общедоступная школа, сохранение авто-

номности педсоветов, свобода преподавателей в выборе методов и форм обучения, минимальная плата за обучение, преподавание религии по желанию учащихся, введение школьных судов; введение специального государственного фонда на содержание школ. Эти положения в той или иной степени были впоследствии реализованы [304, л. 25]. Константин Николаевич Иньков ещё много лет оставался одним из лучших учителей физики и математики. Его сын Владислав пошёл по стопам отца; он работал на физическом факультете Кировского педагогического института, передавал свои знания учащимся ряда стран Африки. И примеров таких педагогических династий немало. Всего за сто лет (1811–1911 гг.) Вятскую гимназию окончили 1148 выпускников, а за всю её историю – около полутора тысяч человек. Среди известных выпускников гимназии учёные с мировым именем: психиатр В. М. Бехтерев и хирург А. Н. Бакулев, археолог и историк А. А. Спицын, астроном М. М. Гусев, ботаник Н. А. Буш, ректор Томского университета М. Г. Курлов, архитектор И. А. Чарушин, художник Ю. А. Васнецов, председатели Вятской губернской земской управы М. М. Синцов и А. П. Батуев, литератор П. А. Голубев, селекционер Н. В. Рудницкий, профессора Казанского университета Я. С. Степанов и А. Ф. Попов, артист А. К. Зубов, композитор В. А. Сенилов и др. [195, с. 162]

В соответствии с декретами советской власти о школе (октябрь 1918 г.) Вятская мужская гимназия была преобразована в единую трудовую школу 2-й ступени и 1918/1919 учебный год начала уже в новом статусе. В течение многих десятилетий первая Вятская мужская гимназия была главным источником просвещения в Вятской губернии, поскольку вторая мужская гимназия в г. Вятке открылась лишь в 1914 г. (Её первым и единственным директором был Дмитрий Иосифович Нивинский.) Первая Вятская мужская гимназия в полной мере проявила себя культурным светочем, рассеивавшим мрак невежества обширного глухого северного края. Значение её деятельности в истории города Вятки и Вятской губернии невозможно переоценить [153, с. 326].

5.2. Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовления учителей»

Открытие учительских семинарий получило распространение в последней трети XIX в. В Вятской губернии подготовка учительских кадров велась в губернском женском епархиальном училище и гу-

бернской мужской духовной семинарии, а также в восьмом (педагогическом) классе I Вятской женской гимназии [178, с. 417].

Однако этого было недостаточно как с количественной стороны, так и с качественной, особенно в силу того, что с 1867 г., когда в Вятской губернии было учреждено земство, стало открываться всё больше школ, причём школ более высокого уровня по сравнению с церковно-приходскими, и, соответственно, усиливалась потребность в квалифицированных учительских кадрах, в таких педагогах, которые бы владели не только содержанием учебного предмета и методикой его преподавания, но также и основами современной для того времени техники и сельского хозяйства. Эта идея, идея сочетания педагогического и политехнического начал в подготовке учителей, была для того времени прогрессивной и новой, хотя уже начиная с конца 1850-х гг. в России стали появляться учительские семинарии [140, с. 128].

В ряде публикаций советского периода [8] с позиций господствовавшей в то время марксистско-ленинской идеологии давалась преимущественно критическая оценка деятельности многих из них, подчеркивался верноподданнический характер воспитания в этих учебных заведениях. При этом царское правительство действительно стремилось ограничивать деятельность земских учительских семинарий и насаждало правительственные семинарии. Представители духовенства резко выступали против самой идеи открытия учительской семинарии, считая, что вышеназванные учебные заведения вполне справляются с задачей подготовки учительских кадров. При этом они ссылались на мнение обер-прокурора Святейшего Синода Константина Петровича Победоносцева, для которого идеалом учителя был глубоко преданный вере и престолу крестьянин, окончивший деревенскую школу. Задача подготовки учительских кадров была им сформулирована следующим образом: «Лучшие ученики из окончивших курс окрестных школ, проучившись три года, занимаясь в то же время в школьном саду и огороде и на школьной пасеке, поступали бы в учителя деревенских школ грамоты на зиму с тем, чтобы летом возвращаться к занятиям сельскохозяйственным в своих семействах. Такие учителя-пахари из местных крестьян суть лучшие проводники церковно-правительственного просвещения» [66, с. 29]. К сожалению, эта консервативная точка зрения вполне поддерживалась не только министром народного просвещения графом Д. А. Толстым, что было вполне естественно, но и такими передовыми деятелями, как С. А. Рачинский и Л. Н. Толстой. Толстой доказывал, что следует

не столько учить крестьянских детей, сколько самим учиться у них, и что лучший учитель – это малообразованный учитель-крестьянин [65, с. 240–241]. Л. Н. Толстому вторил профессор С. А. Рачинский, добровольно сменивший университетскую кафедру на должность деревенского учителя; он писал в «Заметках о сельской школе», что если чему он и научился в течение своей школьной практики, то не от записных педагогов, не от учителей казенного изделия, но от учителей-крестьян [132, с. 1112]. Тем не менее заслуги Сергея Александровича Рачинского и Льва Николаевича Толстого в педагогике столь велики, что они оба включены автором данной монографии в число ста великих педагогов всех времён и народов в книге «Сто великих педагогов» [227, с. 242–246]

Вопрос о специализированной подготовке учительских кадров и открытии семинарии впервые был поднят в докладе губернской земской управы в 1867 г., то есть в первый же год начала работы земских учреждений в Вятской губернии. (Земство было введено «на Вятке» не в 1864 г., как это имело место в ряде регионов страны, а именно в 1867 г. [141, с. 132]) Спустя год губернское земское собрание вновь обратилось к этому вопросу. Доклады губернской земской управы в вопросе о подготовке учительства подверглись критике со стороны гласных-священников (Зубарев, Изергин, Фармаковский), считавших, что достаточно имеющихся учебных заведений (епархиальное училище, духовная семинария и педагогический класс женской гимназии) для подготовки учителей. Открытие же специальной семинарии потребует от земства значительных средств. К тому же, как заявил Фармаковский, «крестьянских детей оторвём от сохи, и они не захотят стать крестьянами» [248, с. 111].

С целью ликвидации нехватки учителей Зубарев предложил предоставить духовенству автоматически звание учителя. Гласный Тучемский выдвинул предложение просить духовное ведомство сделать распоряжение о том, чтобы закончивших духовную семинарию не посвящали в сан до тех пор, пока семинарист не прослужит учителем два года в начальной школе [248, с. 111].

Ему возразил гласный Орлов, заявивший, что было бы ошибкой думать, что учителями в народных школах могут быть исключительно или преимущественно сельские священники. Выпускники духовной семинарии рассматривают работу в школе как временное занятие. Поэтому необходима учительская семинария, в которой воспитанники готовились бы к званию учителя и смотрели бы на это звание

не как на переходное состояние, а как на профессию всей своей жизни, подобно другим специалистам: врачам, архитекторам, лесничим и пр. Таково было мнение гласного Орлова [248, с. 112].

Таким образом, с первого же года своей работы Вятское земство поставило вопрос об организации учительское семинарии. Духовенство же выступило против этой идеи. Между тем, как отмечается в докладе губернской земской управы губернскому собранию в 1867 г., почти все местные управы отмечали нехватку учителей. Вот почему губернская земская управа и настаивала на том, чтобы рассмотреть вопрос подготовки учителей «во всех подробностях», поскольку «одна из главных причин, от которой, по заявлению управ зависит успех народного образования, есть хороший состав преподавателей и преподавательниц в школе» [249, с. 142], и что без подготовки учителей «все затраты земства, как бы они ни были велики, не принесут желаемой пользы». Духовенству же в деле народного образования должна быть отведена та доля участия, которая может быть для него действительно выполнимой, и она, эта доля участия, и так предоставляется во всех учебных заведениях – преподавание Закона Божия [249, с. 146].

Губернская земская управа сформулировала требования к учителю земской школы: «Наставником училища должно быть лицо, которое могло бы отдаться делу преподавания всецело и исключительно. Обладая известными знаниями и достаточной педагогической подготовкой, наставник сельского училища обязан постоянно следить за развитием своих питомцев, наблюдать особенности характера и изучать способности и привычки каждого из них, а всё это более или менее возможно только тогда, когда он будет находиться при училище неотлучно, не отвлекаясь никакими другими занятиями и обязанностями; вместе с тем наставник должен быть прочен на своем месте, то есть самым неблагоприятным образом действует на преподавание и успехи учащихся и перемена лиц, занимающихся обучением. Все эти условия невыполнимы для лиц духовных. В земских собраниях слышатся мнения, что наставниками должны быть лица не из духовенства» [250, с. 147].

Вятское губернское земство ставило перед школой задачи, выходящие за пределы простой грамотности. Главную цель просвещения передовые вятские земцы видели в нравственном развитии народа, в «возвышении уровня его понятий». Учителя в школе не должны были ограничиваться обучением грамоте и превращать школы в писарские училища; им следовало сообщать крестьянским детям разно-

образные полезные для жизни сведения, технические и хозяйственные знания [250, с. 148–149].

Было очевидно, что все эти высокие требования могли быть реализованы лишь при условии открытия специального учебного заведения для подготовки учителей. Однако в 1867 г. идея его открытия ещё не обрела в полной мере реальные основания, и было решено в качестве временной меры обратиться в духовную семинарию с предложением о подготовке в стенах этого учебного заведения специальной группы учащихся для их последующей работы в школе. Воспитанники, предназначавшиеся в учителя, должны были изучать агрономию в часы, когда остальные семинаристы занимались «высшими богословскими науками» [141, с. 133]. Разумеется, из духовного ведомства был получен резкий отказ на столь смелое предложение. Тем не менее мы можем констатировать, что с самого начала своей деятельности в подготовке учителей земство сделало ставку на практическую подготовку, а не на теологическую схоластику.

Как явствует из вышеизложенного, обсуждение вопроса о подготовке учителей в Вятском губернском земстве вылилось в дискуссию о путях развития образованности и грамотности. Большинство гласных придерживалось прогрессивных, демократических позиций, что находило проявление в поддержке мнения о том, что существующие начальные школы дают лишь элементарную грамотность, но никак не подлинное образование. Преобладающим было и мнение о неспособности силами одного лишь духовенства сдвинуть дело просвещения с «мёртвой точки». Между тем общественное развитие в России требовало уже не просто грамотных людей, а значительного количества специалистов, обладавших достаточно глубокими научными знаниями и разнообразными техническими умениями и навыками [141, с. 133].

Поэтому в различных регионах страны, наряду с ранее существовавшими начальными учебными заведениями, возникла идея открытия новых школ повышенного типа, в которых бы помимо получения учащимися общеобразовательных знаний обеспечивалось усвоение ими сельскохозяйственных знаний и умений, овладение основами ремёсел [141, с. 134]. Было также очевидно, что учителями в таких школах могут быть лишь лица, получившие специальную и достаточно продолжительную по времени подготовку в училищах. Учебный план и программа обучения в таких училищах должны были предусматривать, помимо общеобразовательной, техническую, сельскохо-

зяйственную и профессионально-педагогическую подготовку своих воспитанников. Учитывая важность вопроса подготовки учителей, Вятское губернское земское собрание поставило задачу разработки проекта создания в губернии нового типа начальной школы и специального училища по подготовке учителей. Уездные училища должны были взять на себя решение задачи по материально-хозяйственному обеспечению на местах начальных школ нового типа, причём эти школы ещё только предстояло создать [14, с. 130].

Активное участие в разработке проекта училища принял первый председатель губернской земской управы, прогрессивный общественный деятель и просветитель Матвей Матвеевич Синцов [236, с. 36]. М. М. Синцов разделял взгляды Н. Г. Чернышевского, был разносторонне образованным человеком. Он ознакомился с работой ряда земств по народному образованию и даже с состоянием работы школ в нескольких странах. По его предложению была создана особая комиссия по подготовке открытия специального учительского училища, на заседании которой Синцов выступил с докладом, в котором изложил основные предложения по организации вышеупомянутого учебного заведения [141, с. 134–135].

Намерения Вятского губернского земства по открытию училища стали известны в других губерниях. Представитель Дерптской учительской семинарии И. Д. Белов изложил в адресованном Вятскому губернскому земству письме преимущества немецкой учительской семинарии, по образцу которой строилась работа Дерптской семинарии, перед проектируемым вятчанами училищем. Однако Синцов и его единомышленники отвергли идею академизма и излишней теоретичности обучения, положенную в основу организации немецких семинарий. Идея проекта Синцова состояла в том, что учителя, получившие подготовку в проектировавшемся земством училище, должны были помимо общего образования получать основы сельскохозяйственного, технического и педагогического образования [140, с. 130]. Именно такое «губернское земское училище для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовления учителей» – таково официальное название училища» – и было открыто в Вятке 8 ноября 1872 г. [141, с. 134]

Поначалу оно размещалось в наёмном помещении. Вскоре для него были выделены три здания, занимавших целый квартал на тогдашней окраине города, называемой Всполье, по улице Спасской, вблизи ул. Гласисной (ныне Октябрьский проспект). В одном из них,

каменном, двухэтажном, ныне находящемся в аварийном состоянии, длительное время располагалась травматологическая больница, затем зуботехническое отделение медицинского училища. В одноэтажном здании находились класс химии, химическая лаборатория и гимнастический зал. Два других здания были двухэтажными. В первом из них разместились два учебных класса, физический, естественноисторический и историко-этнографический кабинеты, библиотека и канцелярия; во втором – сельскохозяйственный класс и сельскохозяйственный музей, кабинет технических производств, слесарная, столярная токарная, переплетная мастерские, локомобиль, сверлильные и строгальные машины. В отдельных зданиях находились начальная образцовая школа, кузница с двумя горнами, молотилка, амбар, ферма (лошади, крупный и мелкий скот). Была устроена метеостанция. Училищу было выделено 30 десятин земли. Училище выписывало значительное количество журналов, среди которых были «Семья и школа», «Педагогический сборник», «Народная школа» [140, с. 130].

В 1873 г. училище купило у губернской публичной библиотеки, влачившей в тот период жалкое существование, принадлежавший ей «музеум» и тем самым спасла его от разорения. Коллекция «музеума» включала три отдела: естественно-исторический, исторический и сельскохозяйственный; была богатая коллекция старинных монет и т. п. Экспонаты использовались в учебно-воспитательном процессе. Позднее данная коллекция составила основу Вятского краеведческого музея [140, с. 130]. Училище расходовало немало средств на укрепление материальной базы. Так, только в 1873 г. было израсходовано: на приобретение книг – 1168 р., на физико-технологическую лабораторию – 1300 р., на естественно-историческую и физическую лаборатории – 933 р., на содержание мастерских – 1549 р., на работу на «опытно-практических полях» – 2345 р. В первый год работы библиотека насчитывала 794 наименования книг (всего 1869 томов) [141, с. 136].

Вятский земец Василий Иванович Малинин в письме к казанскому издателю и журналисту Н. Я Агафонову с восторгом перечислял материальные возможности училища и называл его вятским университетом, технологическим институтом, земледельческой академией и педагогическим институтом «вместе». Первый директор земской семинарии А. Рудинский ранее работал хранителем музея Казанского университета, служил агрономом, был доцентом Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства. С 1774 г. директором стал Петр Александрович Герман, окончивший университет со

степенью кандидата математики. В 1776 г. его перевели в Казань и директором стал Л. Н. Лаговский, в 1877 г. – Л. Н. Шмаков, а в 1878 г. – В. Н. Виноградов, ранее работавший директором Екатеринбургского реального училища [140, с. 131].

Среди преподавателей был выпускник Санкт-Петербургского земледельческого института, автор ряда работ в области сельского хозяйства, преподаватель сельскохозяйственных и технических дисциплин Василий Григорьевич Котельников, покровительствовавший учащемуся Степану Халтурину. Будущий преемник И. Н. Ульянова в должности инспектора народных училищ Симбирской губернии Иван Владимирович Ишерский преподавал русский язык и методику его преподавания, историю и пение. Ранее он окончил Казанскую духовную академию. Одновременно он работал в епархиальном училище и духовной семинарии, где преподавал философию, педагогику, психологию и пение. Сохранившиеся протоколы «разбора уроков», данных семинаристами, свидетельствуют о большой эрудиции методиста Ишерского, его педагогическом такте и умении глубоко вникать во все стороны педагогического процесса. В процессе обсуждения он обращал внимание учащихся на необходимость соблюдения основных дидактических принципов (посильность, последовательность изложения материала и др.), придавал большое внимание живости и занятости всех учеников на уроке, дисциплине и правильности речи, умению учителя держаться в классе [190, с. 14].

Впоследствии этот видный просветитель переехал в Симбирскую губернию, где работал в 1877–1886 гг. в должности инспектора 3-го района (Алатырский и Буинский уезды), а в 1886–1908 гг. – директором народных училищ Симбирской губернии. Выпускник Московского технического училища Василий Николаевич Пантелеймонов, имевший звание «ученого мастера», преподавал в училище черчение, рисование и ремесла [140, с. 131].

Примечательной личностью был известный педагог, публицист и писатель Михаил Леонтьевич Песковский, приходившийся родственником семье Ульяновых [174, с. 68]. Женой М. Л. Песковского была Екатерина Ивановна Веретенникова, двоюродная сестра В. И. Ленина по линии матери [138, с. 171]. Мать Екатерины Ивановны Анна Александровна была старшей сестрой Марии Александровны Ульяновой, матери В. И. Ленина [175, с. 156]. М. Л. Песковский принимал участие в судьбе А. И. Ульянова и ходатайствовал, хотя и безуспешно, о его помиловании. М. Л. Песковский родился в Витебской губернии в

1843 г. Окончил курс в Петербургском университете по естественному факультету. Поселился в Вятке в 1872 г. (проживал в доме купца И. С. Колошина по адресу ныне ул. Спасская, 45) и принимал активное участие в учреждении семинарии, в 1873–1874 гг. состоял её преподавателем [191, с. 55]. В Вятке он познакомился со ссыльным Ф. Ф. Павленковым. Последний позднее в серии «Жизнь замечательных людей» издал книги Песковского о генералиссимусе А. В. Суворове, известном земском деятеле, проявившем себя в области организации сельской школы Н. А. Корфе, педагоге К. Д. Ушинском (с ним Песковский был знаком лично). (Впоследствии эта серия была продолжена в советское время, выходит и сейчас [183; 206; 240].) С 1875 г. М. Л. Песковский жил в Санкт-Петербурге, занимался литературно-журналистской и педагогической деятельностью. В дальнейшем он активно сотрудничал с газетами «Голос», «Русское обозрение», «Молва», «Порядок», писал материалы в журналы «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русская старина», «Русская школа», «Новь» и другие. Им были изданы такие капитальные труды, как «Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естественный путь к разрешению» (1891), «В глуши» (1893). Умер 29 января (11 февраля) 1903 г. в больнице для душевнобольных [175, с. 166].

После отъезда М. Л. Песковского преподавателем естествознания (в 1877–1880 гг.) был Николай Иванович Асаткин (1849–1918), выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик гениального химика Д. И. Менделеева. После закрытия земского училища он преподавал в открывшемся на его месте реальном училище. Впоследствии был организатором в г. Орлове женской гимназии и реального училища. В ознаменование его заслуг в 1912 г. в реальном училище уездным земским собранием была учреждена стипендия имени Н. И. Асаткина. В 1918 г. этот замечательный педагог и самоотверженный просветитель был расстрелян большевиками без суда и следствия [141, с. 138].

Таким образом, в училище был собран квалифицированный педагогический состав. Примечательно, что не только все преподаватели, но даже лаборанты имели высшее университетское образование. Так, помощник преподавателя сельского хозяйства В. Ф. Грачев окончил Петровскую академию сельского и лесного хозяйства, лаборант И. А. Желиховский – Казанский университет [140, с. 131].

Губернское земство затратило на строительство зданий, приобретение учебных пособия и оборудования 55 993 рубля. В 1874/

1875 учебном году в училище было 95 учащихся, из них 46 губернских и 23 уездных стипендиата. Учащимися были дети крестьян, духовенства, мещан, купцов, низших чинов в возрасте от 15 до 26 лет. Программа обучения в семинарии была рассчитана на четыре года и была шире курса реального училища [141, с. 138].

Помимо изучения общеобразовательных предметов в зимнее время учащиеся осваивали кузнечное, слесарное, токарное ремёсла, переплётное дело, ажурное литье. Зимой в основном проходили учебные занятия, а практика преимущественно летом. Учащиеся работали на земельном участке, где осваивали передовые приемы агрономии, ухаживали за животными. Много внимания уделялось освоению технологии выполнения столярного, слесарного, токарного, переплётного и кузнечного ремёсел, а также изучению основных отраслей сельского хозяйства. Несмотря на то что юноши много трудились, по свидетельству М. Л. Песковского, воспитанники семинарии поражали всех своим бодрым видом и цветущим здоровьем. В процессе обучения широко применялись методы экскурсии, постоянно велись фенологические наблюдения. Дважды в год проводились экзамены. Преподаватели стремились к разумному сочетанию усвоения теоретических знаний и практических занятий. Учащиеся имели возможность пользоваться фондами губернской публичной библиотеки. Для проведения практических занятий в семинарии были устроены соответствующие мастерские, среди прочих были даже мебельная мастерская, библиотека, метеостанция, опытная (как тогда говорили «образцовая») школа для прохождения педагогической практики старшекурсников в составе четырёх классов по 15 учащихся в каждом [140, с. 132].

В первых трёх классах занимался учитель И. М. Люстрицкий. Охотно проводили «сверхурочные» уроки в школе учащиеся Увицкий, Колобов, Котельников, Башкиров. Следует отметить хорошо поставленную педагогическую практику. Её руководитель – опытный методист Иван Владимирович Ишерский – требовал от практикантов тщательной подготовки к первым самостоятельно проводимым ими урокам. По окончании практики организовывалась конференция, на которой подводились её итоги, происходил разбор уроков. Учащиеся несли дежурство на ферме, скотном дворе и в мастерских. Ферма имела участок в 30 десятин. 1,25 га приходились на опытное поле, 0,5 га занимали сеяные травы. Практиковался восьмипольный севооборот. Сажали картофель, овощи, лён. Один гектар приходился на

лесной питомник. Учащимися под руководством педагогов проводился полный цикл сельскохозяйственных работ, причём он был организован таким образом, что в течение четырёх лет обучения учащиеся осваивали все необходимые сельскохозяйственные и ремесленные работы. В своих воспоминаниях о годах учебы в училище Пётр Халтурин отмечал, что много внимания в процессе обучения уделялось даже таким сугубо специальным производствам, как паточное дело, выварка сахара из свеклы и даже пивоварение [141, с. 139].

И всё-таки важнейшим делом была, разумеется, учёба. В учебный план, например, 1877/1878 учебного года входили такие предметы, как Закон Божий, русский язык, алгебра и геометрия, физика и физическая география, география, история, естественная история, химия, технология производства, сельское хозяйство, механика, педагогика и методика преподавания, пение, черчение, ремёсла, практические занятия в школе, практические занятия химией и технологией, практические занятия сельским хозяйством [141, с. 139].

На занятия ремёслами в первый и второй год обучения отводилось по 10 часов в неделю. Всего недельная загруженность составляла в 1–4-х классах соответственно 34, 36, 38 и 31 час. Изучение учебного плана училища даёт основание предполагать, что программа обучения по своему разнообразию и объёму соответствовала гимназической (отсутствовали только иностранные языки). Если же учесть то обстоятельство, что в учебном плане большое место занимали практические дисциплины, то следует признать, что это было своеобразное, не умещавшееся в обычные рамки учебное заведение. К тому же в училище была организована курсовая система работы, приближавшая его в этом отношении к вузу [140, с. 132]. В делах училища сохранились отзывы профессоров Казанского университета П. Котельникова, Булича, Мельникова, Н. Осокина (соответственно по математике, русскому языку, естествознанию, истории). Все они отмечают большой объем программы, причём последний указывает на «ненужность сообщения политических сведений» учащимся [141, с. 139].

Заслуженная популярность училища привела к тому, что в него стремились перейти на учебу учащиеся других учебных заведений. Так, в 1874 г. из уездных училищ перешёл 21 человек, из гимназии – 7, из духовной семинарии – 4. В мае проводились годовые экзамены, причём учащиеся 2-х и 3-х курсов сдавали экзамены ещё и в августе, после полевой практики, с целью проверки прочности усвоения знаний. В 1876 г. состоялся первый выпуск. Звание народных учителей

получили А. Ашихмин, А. Васнецов, В. Мазунин, П. Халтурин, А. Шулятиков. Среди выпускников 1877 г. – известный в будущем историк Н. А. Спасский; в 1878 г. окончил учебу Аркадий Васнецов [140, с. 132].

Любопытно проследить, как учились некоторые ученики училища. Степан Халтурин поступил учиться в 1874 г. До этого он в 1871 г. окончил Орловское уездное училище. При поступлении в Вятское училище все экзамены сдал на отметку «3» (Закон Божий, русский язык, арифметика, география, история), но всё-таки был принят в числе 36 человек из 54, подававших заявления, поскольку уездным земством он был обеспечен стипендией, а таким абитуриентам отдавалось предпочтение. Учился С. Халтурин по академическим дисциплинам плохо, всё внимание обратил на участие в нелегальном кружке и изучение ремёсел. На заседании педагогического совета от 14 августа 1875 г. принимается решение: «Степана Халтурина исключить из списков». Его брат П. Халтурин учился, напротив, хорошо. За первый год обучения из 12 отметок – три «пятёрки». В итоге училище окончил успешно. Его двоюродный брат Башкиров учился только на «пять». Впоследствии он удивлял глубиной своих познаний профессоров Санкт-Петербургского университета [141, с. 140].

М. Л. Песковский, вспоминая годы работы в училище, писал о нём в своём очерке «Вятский край», опубликованном в № 8 популярного в те годы альманаха «Живописная Россия»: «В этом оригинальном учебном заведении всё было своеобразно, и каждая особенность имела разумное основание. Семинария ни в чём не носила на себе отпечаток школьного курса и более подходила к типу высших учебных заведений. В неё тянулись молодые люди из центральных губерний России, и все, имевшие случай ознакомиться с жизнью семинарии, признавали её лучшим из русских среднеучебных заведений и отводили ей, безусловно, первое место в ряду наших учительских семинарий, признавали её “семинарией семинарий”» [140, с. 133].

Особенностью семинарии было и то, что её воспитанники, представлявшие собой наиболее интеллектуально подготовленную и в то же время, несомненно, политически наиболее ангажированную часть вятской молодежи, были тесно связаны со ссыльными. Последних в 1872 г. в Вятской губернии под надзором полиции состояло более пятисот человек, в том числе в самой Вятке от двухсот до трехсот. Почти все они имели какую-либо специальность, и их брали на службу главным образом на канцелярские должности. Вятский губернатор

характеризовал их как людей образованных, но зачумляющих своими идеями молодых людей, особенно из числа учителей и воспитанников учительской семинарии, которые, по его словам, в свою очередь, становились «заразой» для учащихся других учебных заведений, поскольку проявляли стремление к распространению противоправительственных идей [140, с. 133].

Таких подозрительных семинаристов в полицейских списках в конце 1870-х гг. числилось 77. Среди них проводились обыски, допросы. В училище развернулась работа двух подпольных кружков народнического толка. В одном из них, в частности, состоял Степан Халтурин, в другом – его брат Пётр и их двоюродный брат Башкиров. На собраниях кружка велись споры на общественно-политические темы, читались запрещённые книги, вроде «Хитрой механики»; собравшиеся пели революционные песни «Долго нас помещики душили», «Дубинушка» и др. [141, с. 141]

Молодёжь мечтала об устройстве жизни по-новому, и, в частности, таким выходом Степан Халтурин и его товарищи считали поездку в Америку с целью устройства там коммуны. Бросив учёбу в вятском училище, Степан Халтурин уехал в столицу и попытался осуществить свою мечту уехать в Америку. Однако в Санкт-Петербурге он и его товарищи попались на удочку афериста, выманившего у них деньги якобы для «выправления заграничных паспортов» и затем бесследно исчезнувшего. Вопрос об устройстве коммун обсуждался и в других кружках вятской молодежи. Так, учащийся училища Зот (Изот) Сычугов вместе со своим товарищем Семёном Вадиковским пытался создать трудовую коммуну в Уфимской губернии, но затея не удалась. Министр просвещения граф Д. А. Толстой был обеспокоен положением дел в училище, и в мае 1878 г. вместе с попечителем Казанского учебного округа посетил Вятку [140, с. 133].

«Вятские губернские ведомости» широко освещали этот визит. Министр остался доволен посещением мужской гимназии, ряда других учебных заведений, однако педагогические подходы, применявшиеся в земском училище, крайне обеспокоили столичного начальника. С раздражением он писал в отчёте: «Земство желало посадить крестьянских мальчиков взятых с поля, за изучение университетских предметов, – химии, высшей математики, механики и т. д., без достаточного предварительного приготовления и образования из них в тех же классах, для практики, учёных агрономов, механиков, технологов и сельских учителей» [140, с. 133].

Он предложил преобразовать это учебное заведение в реальное училище или учительскую семинарию. Вскоре после отъезда министра в центральной печати начались резкие нападки в адрес семинарии, обвинения в крамоле. В защиту семинарии выступил прогрессивный журнал «Отечественные записки», что только подлило масла в огонь [140, с. 133].

Обеспокоенность министра, как оказалось, не была напрасной. 5 февраля 1880 г. организатор «Северного союза русских рабочих», бывший учащийся Вятского училища Степан Николаевич Халтурин с целью покушения на императора Александра II произвёл взрыв в Зимнем дворце. (Сам император и царская семья не пострадали, зато погибли одиннадцать героев Балканской войны, а также несколько официантов.) Тем самым судьба училища была предрешена, и в тот же год оно было закрыто. Педагогический состав был полностью заменён, и на базе учительской семинарии было открыто реальное училище. С его образованием Вятское земство было фактически вынуждено на деньги сельского населения давать образование более состоятельным горожанам [141, с. 142].

За восемь лет своей работы Вятская учительская семинария подготовила около сотни учителей. Всего училище сделало пять выпусков. Полный курс обучения прошли и выдержали выпускные экзамены 47 человек. Для такой огромной по территории и численности населения губернии, как Вятская, этого было слишком мало. Однако, по общему мнению, выпускники Вятской учительской семинарии значительно выделялись среди основной массы сельского учительства своей эрудицией и педагогической культурой, знаниями и отношением к делу. «Отечественные записки» называли их «лучшими учителями народных училищ» в губернии, ибо они несли в народ солидные знания в области педагогики и методики преподавания, сельского хозяйства, современной для того времени техники, ремёсел. В статье, посвящённой училищу, отмечалось, что у учителей – выпускников училища количество учеников значительно увеличивается, что некоторые из них открыли при школах ремесленные отделения и что, наконец, несколько человек занимаются в то же время хозяйством на своих землях или у частных лиц, как, например, в Уржумском уезде [94, с. 227].

У училища были недоброжелатели и в самой Вятке. На одном из заседаний Вятского губернского земства гласный Тучемский заявил, что «мода на народных учителей из среды народа прошла». «Отече-

ственные записки» отреагировали на это заявление следующим образом: «Тучемскому не могло быть неизвестно слышать отзыв об учителях из этого училища не только от земцев, но и со стороны дирекции и инспекции народных училищ, которые не считают помехой делу вверять в заведывание правительственными двухклассными училищами учителям, окончившим это земское училище» [94, с. 229].

Журнал «Отечественные записки» тепло отзывался и о тех учителях, которые не проходили в училище полный курс обучения, а лишь сдавали в нём экзамены на получение звания народного учителя. Об этих учителях в журнале было сказано следующее: «Эти лица пошли в народные школы и считаются теперь, как свидетельствуют гласные на губернском собрании, лучшими учителями даже в тех уездах, где много есть учителей из окончивших курс духовной семинарии. Эти учителя – постоянные, не на один или два года, а пока хватит сил бороться с тяжёлыми условиями нашей школьной жизни» [94, с. 226].

Как же сложились судьбы некоторых из наиболее известных учеников – выпускников училища? Александр Михайлович Васнецов в течение 13 лет работал учителем в селах Архангельское и Рой Вятской губернии. Много внимания в школах уделял обучению детей ремёслам и основам сельского хозяйства, написал две книжки для детей «Русский школьник». Один из основателей Вятского художественного музея художник Николай Николаевич Хохряков, любимый ученик гениального живописца И. И. Шишкина, работал учителем в Улешской школе Ярской волости Глазовского уезда и Верхнеивкинской школе Орловского уезда, а затем некоторое время учительствовал в Старо-Михайловском начальном училище Мензелинского уезда Уфимской губернии [141, с. 143].

Брат Степана Халтурина Пётр работал учителем в школах Орловского уезда, в частности в с. Истобенске вместе с Башкировым, впоследствии перешел на агрономическую работу. П. Н. Халтурин присутствовал на открытии в 1921 г. в Вятке памятника брату. Этот памятник является едва ли не единственным в России (в СССР) сохранившимся до наших дней скульптурным произведением, изваянным в соответствии с так называемым ленинским планом монументальной агитации и пропаганды [141, с. 143].

Основатель известной на Вятской земле педагогической династии Николай Фёдорович Тепляшин начинал педагогическую деятельность в Лудяно-Ясашском двуклассном училище Нолинского

уезда. Здесь он организовал опытное поле, вёл пропаганду сельскохозяйственных знаний среди населения. Затем работал в Мари-Малмыжском училище Малмыжского уезда и в селе Увят-Укля. Его дочери Антонина и Аполлинария также посвятили себя педагогическому делу. В память об Аполлинарии Николаевне Тепляшиной до сих пор проводятся в г. Кирове «тепляшинские встречи». Среди её учеников были, в частности, писатель и общественный деятель Альберт Анатольевич Лиханов, кандидат технических наук, доцент Вятского государственного университета Елена Павловна Столбова (по некоторым данным, потомок Й.-В. фон Гёте) [119, с. 73], потомок именитого купца Кардакова врач Наталия Ильинична Кардакова и другие известные в Вятском крае люди [140, с. 134].

Большими пропагандистами технических знаний были выпускники училища Л. Спасский и И. Ончуков, которые много лет работали в сфере подготовки квалифицированных рабочих. Один из пионеров в области разработки методики фонетического метода обучения грамоте Николай Иванович Мышкин долгие годы работал в селе Лопьял Уржумского уезда Вятской губернии [148, с. 138].

Вятская земская семинария дала толчок к открытию других школ подобного типа. Вскоре в Вятской губернии были открыты Нартасская (1886) и Савальская (1899) сельскохозяйственные школы. Выпускниками Нартасской школы, в частности, были такие крупные ученые, как академик, вице-президент ВАСХНИЛ Василий Петрович Мосолов (1888–1951), доктор сельскохозяйственных наук, профессор Кировского государственного педагогического института Степан Леонтьевич Щеклеин (1884–1975) и др. Одновременно с Вятской земской учительской семинарией в Симбирской губернии Ильей Николаевичем Ульяновым была открыта широко известная в России Порецкая учительская семинария. Эти два учебных заведения, осенённые именем и талантом И. Н. Ульянова и его учеников и последователей, сыграли важную роль в развитии народного педагогического образования в России, стали примером для многих других губернских семинарий [141, с. 145].

5.3. Учительские курсы и съезды – успешная форма педагогического образования «на Вятке»

В отечественной историко-педагогической литературе понятия «учительские курсы» и «учительские съезды» нередко используются как тождественные. Объясняется это тем, что в ходе проведения кур-

сов их организаторы и участники нередко «увлекались», и выходили за рамки программы: обсуждали политические проблемы и т. п. В итоге следовал запрет на их проведение в дальнейшем в той или иной губернии. Стремясь обойти этот запрет, организаторы объявляли новые курсы съездом – съезды же не были запрещены. Нередко следовало запрещение и съездов. Но проходило определённое время, и региональные педагогические круги вновь ставили вопрос о проведении курсов и съездов «на местах», но уже без тех организаторов и лекторов, которых «власть предержащие» считали неблагонадёжными. Этим обстоятельством и объясняется отсутствие планомерности в проведении учительских курсов и съездов; они проводились от случая к случаю, по мере возможности, причём такое положение было не только в Вятской губернии, а повсюду в стране [234, с. 54].

Наряду с созданием специальных педагогических учебных заведений и осуществлением подготовки к учительской деятельности в неспециализированных учебных заведениях другим важнейшим направлением педагогической подготовки в указанный период были учительские курсы и съезды, проводившиеся земствами и училищными советами [185, с. 215]. В Вятской губернии идея их проведения впервые была высказана в губернском земском собрании в 1868 г. Первым съездом учителей в губернии следует считать проведённое в январе 1869 г. в Уржуме совещание учителей уезда под руководством председателя уездной земской управы Лазаря Павловича Матвеева [234, с. 54].

Видный земский деятель и сторонник просвещения народа, владелец винокуренного завода Л. П. Матвеев (1836–1895) отнёсся к проведению этого первого съезда серьёзно. На нём активно обсуждались педагогические вопросы, в частности взгляды видного российского педагога Николая Александровича Корфа на устройство земской русской школы, и ряд методических вопросов, связанных с обучением грамоте [185, с. 216]. В мае 1869 г. в Уржуме было проведено ещё одно совещание учителей, на котором они имели возможность встретиться с членами училищного совета и заявить о своих нуждах. В июне 1869 г. состоялись съезды учителей в Глазове, а в 1870 г. – в г. Вятке. В 1873 г. съезды были проведены уже в восьми уездах, в 1874 г. – в двух. Постепенно из одно-двухдневных встреч учителей они стали превращаться в более продолжительную по времени форму работы по повышению педагогической квалификации учителей. Так, в Вятке в 1873 г. они продолжались с 1 по 21 июня, в 1874 г. – 1–28 июля [186, с. 15].

Проведению съездов, как правило, предшествовала большая подготовительная работа. Обычно сама идея проведения съездов-курсов инициировалась инспекторами народных училищ и передовыми земскими деятелями. Учителя на курсы посылались по разнарядке уездных училищных советов. Они обеспечивались бесплатным проездом, жильём и питанием на время учебы. Преподавателями на курсах были учителя местной гимназии и уездного училища. Основными предметами обучения были арифметика, письмо, чтение, а также ознакомление учителей с основами методики преподавания указанных предметов [234, с. 54].

В Вятской губернии особенно широкий размах проведение педагогических съездов и курсов получило в 1870–1880-х гг., в период, когда инспектором, а затем и директором народных училищ был выдающийся просветитель нерусских народов Среднего Поволжья Сергей Андреевич Нурминский [227, с. 276]. С. А. Нурминский отчётливо сознавал, что стационарные учебные заведения по подготовке учительских кадров пока не справляются со своей задачей в полной мере по причине своей малочисленности, поэтому курсы и съезды есть своего рода полезное дополнение к ним [127, с. 92].

Круг вопросов, обсуждавшихся на съездах, руководимых С. А. Нурминским, был широк. На них рассматривались новые методы преподавания отдельных предметов. Учителя знакомились с новинками учебно-методической литературы, выяснялись возможности устройства при школах интернатов. Обсуждались вопросы организации трудового, физического и нравственного воспитания детей, педагогической этики и многие другие вопросы. Учителя посещали показательные уроки, которые нередко проводил сам инспектор. Широкая программа и творческая атмосфера курсов и съездов, умелое чередование в ходе их проведения теории с практикой, подлинно демократический характер общения их участников, активность учителей, делившихся друг с другом опытом работы, – все это были характерные черты педагогических курсов (съездов), проводившихся С. А. Нурминским [234, с. 55].

В конце XIX – начале XX в. в Вятской губернии благодаря активной деятельности уездных земств проведение учительских курсов и съездов, несмотря на известное противодействие в этом вопросе со стороны правительства, было не только продолжено, но и получило дальнейшее развитие. В ходе проведения некоторых из состоявшихся в Вятке учительских курсов ставились специальные цели, например

обучение учителей школ какому-нибудь ремеслу, что имело важное значение для губернии, занимавшей первое место среди российских регионов по развитию народных промыслов и ремёсел. Например, с 15 августа по 5 октября 1892 г. в Вятке работала приглашенная из Костромы по линии министерства государственных имуществ Вера Андреевна Доливо-Добровольская, специалист в области ткацкого дела. Губернский кустарный комитет организовал временную мастерскую с двумя ткацкими станами. Обучение прошли 45 человек, в основном учительницы начальных школ [276].

В селе Умяк Елабужского уезда Вятской губернии учителем местной школы Степаном Краснопёровым была основана «пчеловодческая» школа. В усадьбе Красноперова проходили практику желающие обучиться этому промыслу. Проводились выставки, число посетителей которых измерялось сотнями человек. На одной из таких выставок организаторы раздали свыше двухсот брошюр с советами по пчеловодству. Императорское вольное экономическое общество наградило сельского учителя большой серебряной медалью [251].

Проявлением качественного своеобразия при проведении учительских курсов в соседней с Вятской Нижегородской губернии было то, что местное земство по итогам губернских курсов неизменно издавало объёмистый том, включавший в себя все выступления учителей, а также тех учёных, которые приглашались для проведения занятий. Так, в книге «Педагогические курсы Нижегородского губернского земства. 4–25 июня 1902 г.» (Нижний Новгород, 1903) помещены работы таких известных ученых, как М. И. Демков (лекции по истории педагогики), профессор С. Ф. Платонов («О значении Нижнего Новгорода в истории России»), П. Ф. Каптерев («Беседы о памяти»), Н. Н. Иорданский (отчет наблюдателя курсов) и др. Таким образом, ежегодно учителя губернии получали своего рода учебник, в котором раскрывались проблемы, связанные с новыми открытиями в области естественных и общественных наук, с достижениями в методике преподавания различных дисциплин [234, с. 55].

В некоторых изданиях, как, например, в книге «Учительские курсы Нижегородского губернского земства». (Нижний Новгород, 1916. 280 с.), публиковались размышления учителей губернии по различным вопросам обучения и воспитания, образцы их поэтического и прозаического творчества. Особенно большое внимание на курсах, проходивших в Нижегородской губернии в первые два десятилетия XX в., уделялось ознакомлению учителей с достижениями естествен-

ных наук, прежде всего химии и физики, осуществлявшемуся не только в форме лекций, но, главным образом, через проведение практических занятий [245].

В то же время в Казанской и Вятской губерниях основным предметом на курсах продолжала оставаться русская словесность. Особенно важное значение имело проведение курсов (съездов) для учителей национальных школ, поскольку они обычно имели более слабую профессиональную подготовку по сравнению с русскими учителями. Такие курсы (съезды) проводились в Казанской губернии Братством Святителя Гурия, в Вятской губернии – Братством во имя Святителя и Чудотворца Николая, а также миссионерским обществом и училищными советами [185, с. 218].

В Казани курсы (съезды) учителей братских школ проводились с 1868 г. На них приглашались все учителя, работавшие в национальных школах. Обычно курсы открывались кратким обзором методик преподавания предметов начальной школы. При этом особое внимание уделялось порядку ознакомления со звуками русского алфавита, рассмотрению затруднений, встречающихся при овладении «инородческими» детьми некоторыми звуками русского языка, и путей их преодоления, изучению методов освоения русского языка, таких как буквослагательный и наглядно-звуковой. Далее следовали практические упражнения в устной речевой практике (разговорные уроки, беседы учителя с детьми с использованием наглядных пособий), письменные работы (списывание с книг, диктовка, составление фраз, письменное изложение содержания прочитанного текста). Значительное внимание уделялось также «поверке переводов», церковному пению. Программой курсов нередко предусматривалось ознакомление курсантов с вопросами из области школоведения: открытие учебных заведений, гигиена школьных помещений, наглядные учебные пособия и их применение в учебно-воспитательном процессе. Отводилось место некоторым острым вопросам воспитания детей в школе: читались лекции о воспитании дисциплинированности, о мерах наказания и поощрения [186, с. 18–19]. Такие съезды собирали до семидесяти-восьмидесяти участников. С открытием в Казанской и Вятской губерниях «инородческих» педагогических учебных заведений значение съездов учителей братских школ несколько уменьшилось [234, с. 56].

Большая заслуга в деле организации переподготовки учителей национальных школ принадлежала инспектору татарской учительской школы и инспектору татарских, башкирских и киргизских школ

Казанского учебного округа Шабхазгирею Ахмерову (1853–1900), отстаивавшему идею проведения ежегодных учительских курсов для *каждого* учителя [235, с. 65–66]. По его инициативе в 1898 г. состоялись первые курсы для татарских учителей. Участие в учительских курсах (съездах) принимали и марийские учителя. В 1874 г. в состоявшемся в Казани учительском съезде принимали участие 22 марийских педагога, в 1879 г. – на месячных курсах в Царёвококшайске – 33, на съезде в 1888 г. в селе Петнур Козьмодемьянского уезда – 26 [277, с. 272].

Наибольшую эффективность, в силу своей продолжительности, имели одно-двухгодичные курсы. Так, с 1900 г. при 1-м Вятском 4-классном городском училище были учреждены одногодичные педагогические курсы (заведующий педагогическими курсами – инспектор училища Н. Н. Тимофеев). Такие курсы завершались сдачей экзаменов на получение звания учителя начальной школы с вручением соответствующего свидетельства [234, с. 56].

В 1900 г. в Вятке прошли первые губернские педагогические курсы. Они стали событием неординарным для этого губернского города, может быть, даже наиболее значительным событием в жизни города за последний год XIX в. [234, с. 290]

Если на уездных курсах в качестве лекторов выступали местные преподаватели, то на губернские приглашались лучшие российские ученые-методисты того времени. Особый вес и значимость проводившимся съездам и курсам учителей придавало участие в них известных педагогов, таких как Николай Владимирович Чехов, Василий Порфирьевич Вахтеров, Василий Иванович Водовозов, Николай Фёдорович Бунаков и других. На вятских губернских курсах также работали именитые педагоги. Известия об открытии курсов (2 июня) и их закрытии (28 июня) были помещены в «Памятной книжке Вятской губернии и Календаре на 1901 г.» [233, с. 290]. «Вятская газета» регулярно печатала подробнейшие, занимавшие порой несколько газетных страниц отчёты о работе курсов. Интерес к курсам объяснялся двумя основными причинами. Во-первых, в губернском городе Вятке тогда не было специальных учительских учебных заведений (если не считать восьмого педагогического класса женской гимназии и епархиального училища) [234, с. 56]. Во-вторых, руководителем курсов был назначен Дмитрий Иванович Тихомиров, имя которого было известно тогда в любой, даже крестьянской семье [149, с. 67]. Попечителем Казанского учебного округа, «наблюдающим за курсами», был

определен директор Казанского учительского института Андрей Иванович Анастасиев, также известный всей учительской России своими многочисленными методическими пособиями. (Вскоре после курсов он был назначен директором народных училищ Вятской губернии [109, с. 85].)

С открытием курсов осуществились планы губернской земской управы, которая ещё в декабре 1898 г. подавала в очередное годичное собрание доклад о курсах. Доклад подвергся тщательному обсуждению со стороны гласных и, признанный в принципе заслуживающим исполнения, был по причине неурожая 1898 г. «отложен решением». Спустя год губернская управа представила новый доклад, который был единогласно принят собранием, а на курсы сделаны ассигнования в размере 5925 рублей, из них 3300 рублей – курсантам на командировочные расходы [234, с. 57].

На торжественном открытии курсов выступали «исправляющий» должность губернатора вице-губернатор Н. Н. Новосельский, директор народных училищ Вятской губернии А. А. Красев, А. И. Анастасиев и губернский земский гласный, бывший председатель губернской земской управы В. А. Садовень [185, с. 219]. Занятия проходили в помещении фельдшерских курсов, которые едва вмещали всех желающих. 3 июня все учащиеся выполняли письменную работу, в которой они должны были рассказать, какие методы и формы работы применяются ими в школе. Это было нужно для того, чтобы организаторам курсов можно было как можно точнее представить методический уровень приехавших учителей, и более рационально построить работу с ними. Затем начались «примерные» уроки во «временной» начальной школе, специально организованной для курсов, – сначала с учениками младшего отделения, а затем с учениками среднего и старшего отделений [234, с. 57].

В течение первой недели по утрам в школе уроки давали учитель Орешков и другие учителя-«добровольцы». Во второй половине дня происходил разбор уроков, шли лекции и беседы по биологии с применением «волшебного фонаря» (прообраза фильмоскопа) и «туманных картин» приват-доцента Московского университета и инспектора классов училища ордена Святой Екатерины Владимира Александровича Вагнера. 12 июня он закончил работу и его сменили И. Ф. Иорданский (гигиена) и С. В. Зенченко (психология), занятия которого были особенно важны для учителей. Мало кто из них даже слышал о существовании такой науки, как психология [235, с. 67].

16 июня приступил к работе Александр Иванович Гольденберг, сопровождавший свои беседы об обучении детей «счислению» уроками во временной школе. Местный врач Георгий Филиппович Шубин преподавал методику обучения пению и организации хоровой деятельности [185, с. 221]. А. И. Анастасиев сочетал свои контрольно-наблюдательные функции с чтением лекций по истории педагогики. Слушатели напряжённо внимали лекторам, ловили каждое слово, несмотря на страшную духоту в аудитории, куда набивалось до полутысячи человек. После занятий слушатели и педагоги не расставались. Непринуждённые встречи и споры продолжались в общежитии. 28 июня после благодарственного молебствия А. И. Анастасиев объявил педагогические курсы закрытыми. 440 учителей получили свидетельства об окончании курсов [234, с. 57].

Д. И. Тихомиров благодарил слушателей. Он говорил, что тронут таким выражением признательности, а пребывание на курсах ему доставило большое нравственное удовлетворение, поскольку все работали дружно и с пользой для общего дела. Затем Д. И. Тихомиров предложил выразить признательность наблюдателю курсов видному российскому ученому А. И. Анастасиеву, благодаря которому «все работали тихо, спокойно», а также представителям губернского земства. Это предложение было встречено с полным единодушием.

Личность Д. И. Тихомирова заслуживает того, чтобы сказать о нём отдельно. В то время Д. И. Тихомиров был не только самым известным в народе педагогическим деятелем, но и одним из самых любимых народом человеком в стране. Это объяснялось, прежде всего, огромными тиражами учебных книг, которые он и его супруга Елизавета Николаевна издавали в собственном издательстве. Азбуки и книги для чтения, которые в народе называли *тихомировками,* стоили одну копейку или даже полкопейки и были доступны даже самым бедным. Эти книги Тихомиров печатал себе в убыток, компенсируя материальные потери изданием дорогих красочных поздравительных открыток, календарей, иллюстрированных альбомов и т. п., предназначенных для богатых клиентов: купцов, банкиров. Особой популярностью пользовались издающиеся до сих пор книга «Вешние всходы» и «Букварь». Только прижизненный тираж книг Д. И. Тихомирова составляет астрономическую величину – не менее 14 422 200 экземпляров. В этом отношении с ним не только не может сравниться, даже приблизительно, ни один российский педагог, но даже тиражи книг всех российских педагогов того времени *вместе взятых* не достигают

этой величины [227, с. 292]. При этом следует заметить, что длительное время произведения К. Д. Ушинского, а некоторое время и Л. Н. Толстого были запрещены к использованию в школе. Причём запрет произведений К. Д. Ушинского, начавшийся ещё при жизни великого русского педагога, продолжался вплоть до середины 1940-х гг., то есть практически 80 лет. Это негативное обстоятельство придавало особую значимость произведениям Д. И. Тихомирова, которые были написаны примерно в том же стиле, что и труды Ушинского и Толстого [23, с. 56]. Кроме того, Д. И. Тихомиров выступал в качестве мецената в отношении многих начинающих и маститых авторов, был своего рода «Третьяковым в педагогике»: давал учёным-педагогам авансы, платил хорошие гонорары и брал на себя ответственность за распространение тиражей их книг. Без этой материальной поддержки многие ценные труды, которые вошли в золотой фонд отечественной и мировой педагогической науки, просто не были бы написаны [149, с. 67].

О том, какой любовью взрослых и детей был окружён Д. И. Тихомиров, показывает такой случай… В одной из школ ждали посещения Д. И. Тихомирова; ожидалось, что он даст показательные уроки. Дети ждали этого дня и одновременно боялись… подвести Дмитрия Ивановича. Один из учителей, чтобы «успокоить» самую маленькую девочку, сказал ей, что Дмитрий Иванович «её не спросит», пожалеет такую маленькую. В ответ девочка залилась горючими слезами. Учителям пришлось специально просить Тихомирова, чтобы он «помог горюшку» – вызвал девочку к доске на уроке [235, 66]. На похоронах Д. И. Тихомирова его ученик А. Доброхотов прочитал свои стихи: «…Не забудет Русь святая светлых подвигов твоих. Будет жить, не умирая память вечная о них…» [227, с. 288] Вовсе не случайно Д. И. Тихомиров включён автором данной монографии в список «ста великих педагогов всех времён и народов» [227, с. 288–293].

Вятские учителя – участники вятских губернских курсов отмечали, что занятия, проведённые Д. И. Тихомировым и его коллегами, произвели в их сознании настоящий переворот, пробудили у них тягу к науке, к знаниям. Словами глубочайшей признательности и уважения провожали они вечером 28 июня на речном вокзале великого русского педагога и его супругу. Современники рассказывают, что весь путь от здания курсов до пристани, по которому проследовали в экипаже супруги Тихомировы, был усыпан цветами. Во время расставания у трапа парохода не было конца желавшим выразить свою любовь и признательность Д. И. и Е. Н. Тихомировым [185, с. 221]. Учи-

тель А. Р. Овчинников сказал во время прощания: «Дорогой наставник! Позвольте от всей души пожелать Вам, чтобы наша народная школа ещё много и много лет имела Вас своим руководителем, чтобы Ваши педагогические труды, подобно ярким лучам солнца, проникли в самые глухие, медвежьи углы родной русской деревни, чтобы Ваше имя произносилось с полным уважением наряду с великими именами деятелей на пользу святой матушки-Руси...» [233, с. 295]

Учительница А. К. Гущина завершила своё выступление словами: «И вот уезжаете Вы от нас, наш дорогой учитель, и у каждого из нас щемит сердце, и самое искреннее и пламенное желание всех, – ещё встретиться с Вами, а для этого мы будем молить Господа сохранить Ваше здоровье. Оно нужно нам, принесшим сюда, к Вам, свои ошибки и сомнения; оно нужно и нашему бедному крестьянскому ребенку» [233, с. 296]. Прощание было очень горячим. Значительная часть слушателей долго шла вдоль берега, от речного вокзала вплоть до Филейской пристани, догоняя пароход, стремясь отодвинуть миг расставания с великим человеком [234, с. 58].

Несомненно, эти курсы явились значительным по своей силе побудительным мотивом к самообразовательной деятельности вятских учителей. Но они же одновременно со всей очевидностью показали губернским властям, что невозможно ограничиваться в подготовке учительских кадров разовыми мероприятиями; необходимы стационарные учебные заведения для учителей [185, с. 222]. Тем самым курсы дали толчок к открытию в Кукарке и Елабуге учительских семинарий [154; 166; 217; 223; 231], а в Вятке – учительского института [111; 155; 157; 188].

В том же 1900 г. Д. И. Тихомиров руководил проведением курсов в г. Чистополе Казанской губернии. Инспектор народных училищ Чистопольского уезда В. Ганеев отмечал, подводя итоги курсов, как особенно ценное достоинство «образцовых» уроков Тихомирова неустанное стремление педагога к тому, чтобы направить мысль ученика к раскрытию той внутренней связи, которая «подобно цементу, соединяет отдельные мысли в одно стройное здание» [235, с. 68]. «Эта логико-стилистическая работа, исполненная на целом ряде статей, от художественных до деловых, не могла не заинтересовать учителей, которые на своих уроках по объяснительному чтению ранее часто ограничивались чисто механическим пересказом учащимся содержания прочитанного», – писал инспектор В. Ганеев. Далее он указывал на то огромное положительное влияние «образцовых» уроков

Д. И. Тихомирова, которое они оказали на улучшение учебного процесса в школах уезда: «Мне ни в одном училище не приходилось более наблюдать чисто механического ведения уроков объяснительного чтения, что раньше так неприятно поражало. Теперь читаемые статьи всегда расчленены на составные части, устанавливается связь между ними, выдвигается главная идея, проходящая через всю статью» [19, с. 311].

Н. Ф. Бунаков, хорошо знакомый вятским учителям и принимавший деятельное участие в судьбе, несомненно, самого известного из них, Николая Николаевича Блинова [118; 135; 139], также зарекомендовал себя как один из активнейших российских деятелей в работе по профессиональному совершенствованию учителей Вятки и соседних с ней регионов. В 1896 г. Н. Ф. Бунаков был приглашён в Нижний Новгород для чтения лекций народным учителям во время происходившей там всероссийской промышленной и сельскохозяйственной выставки. Как отмечает очевидец, «на долю лектора выпал выдающийся успех, засвидетельствованный даже официальным отчетом. Редкое земство не выражало желания видеть Н. Ф. Бунакова руководителем устраиваемых педагогических курсов», – отмечалось в статье, посвящённой памяти этого видного педагога [256, с. 445].

Таким образом, проводившаяся прогрессивными земскими и другими общественными деятелями работа по организации курсов (съездов) для учителей, в том числе учителей «инородческих» школ, по привлечению к участию в них ведущих российских педагогов способствовала повышению профессионального, а также общеобразовательного уровня вятских, нижегородских и казанских учителей [234, с. 58].

5.4. Елабужское женское епархиальное училище и его создатель – меценат и благотворитель Г. Ф. Стахеева

Развитие капитализма в России в конце XIX в. со всей остротой поставило задачу школьного и профессионального образования. В ряде мест процесс открытия учебных заведений проходил активно [133, с. 32]. В эти годы в г. Елабуге Вятской губернии насчитывалось 19 учебных заведений, что было сопоставимо с целым рядом губернских центров [13, с. 201]. Учебные заведения содержались за счёт государственной казны, земств и церкви. Но было немало примеров добровольных пожертвований со стороны купцов, интеллигенции, зажиточной части крестьянства [229, с. 92].

Видными меценатами, жертвовавшими значительные суммы на развитие просвещения в своем крае, были елабужские купцы-миллио-

неры Стахеевы, составившие свой капитал на торговле хлебом. В частности, они выделили шесть стипендий для учащихся 1-го выпуска Казанской художественной школы. На средства Ивана Ивановича Стахеева в 1879 г. был построен пристрой с церковью при Вятском детском приюте [78, с. 423]. Однако наибольший по своей весомости благотворительный вклад в дело просвещения среди членов этого некогда известного в Вятской губернии рода внесла Г. Ф. Стахеева. В октябре 1897 г. она, в память о своем муже, потомственном почётном гражданине елабужском купце Василии Григорьевиче Стахееве, изъявила желание пожертвовать на благотворительные цели 200 000 р., о чем заявила через городского голову Елабуги А. Д. Кусакина епископу Вятскому и Слободскому Алексию [133, с. 33]. Глафира Фёдоровна Стахеева поставила условие, состоявшее в том, чтобы указанная сумма была потрачена на строительство богоугодного учебного заведения в Елабуге, месте рождения, жительства и смерти её мужа, что могло бы содействовать развитию просвещения в Прикамском крае [229, с. 92].

В её заявлении обстоятельно раскрывались причины необходимости устройства духовной семинарии. «Мне известно, – писала она, – довольно тяжёлое положение местного духовенства, особенно в небогатых селах Елабужского уезда, поставленного в горькую необходимость отправлять за 500 верст своих детей для обучения в Вятской духовной семинарии, переполненной воспитанниками, собирающимися с одиннадцати уездов одной из обширных и самой многолюдной в империи Вятской епархии. Следствием такого положения бывают случаи, что дети из духовного сословия, часто очень талантливые и очень способные, за дальностью расстояния и недостатком средств, остаются дома при родителях сначала на год, в ожидании лучшего будущего, потом еще на год, а потом и навсегда и теряют, таким образом, надежду получить даже среднее образование. В таком же, насколько мне известно, безобразном положении находится духовенство и других, смежных с Елабужским уездов, как-то Сарапульского, Малмыжского, Мензелинского и Мамадышского, не имеющего иногда средств на отправку своих детей для обучения в семинариях за дальностью расстояний, или же из опасения, что их дети, способные и достойные, не попадут в число воспитанников за недостатком свободных в тех семинариях вакансий. Озабочиваясь нуждами православного духовенства Прикамского края, я пришла к мысли ходатайствовать об учреждении духовной семинарии в г. Елабуге, – центральном пункте для пяти уездов трёх губерний: Вятской, Уфимской

и Казанской, удалённых на значительном расстоянии от тех городов, где имеются духовные семинарии. Если благоугодно будет Синоду разрешить открытие в г. Елабуге духовной семинарии, то я, со своей стороны, в память покойного моего мужа, беру на себя обязательство возвести на собственные средства все необходимые строения по планам и чертежам, какие будут высланы из Синода, для каковой цели я предназначаю капитал в двести тысяч рублей. При этом я высказываю своё единственное желание, чтобы при семинарии была домовая церковь с престолом в честь святого мученика Василия» [272, с. 2].

Епископ препроводил заявление обер-прокурору Синода (отношение от 5.11.1897 г., № 707) с просьбой дать ему «дальнейшее движение» и «оказать благосклонное содействие к осуществлению этого дела». Синод указом от № 7207 от 30.12.1897 г. определил объявить госпоже Стахеевой признательность «за сочувствие её к делу образования деятелей духовенства Прикамского края», а само заявление препроводил в учебный комитет на предмет окончательного решения вопроса об учреждении в Елабуге духовной семинарии [278, с. 35–36].

После обсуждения вопроса в учебном комитете, а затем снова в Синоде последовал указ от 21.02.1898 г. за № 1048, в котором отмечалось, что учреждение духовной семинарии в Елабуге является преждевременным и неудобоисполнимым, поскольку пожертвование Стахеевой хотя и является весьма значительным, однако не может обеспечить в полном объёме строительство семинарских зданий и не обеспечивает их содержания, а также служащих в семинарии лиц. На содержание же семинарии, в случае её устроения в Елабуге, по сведениям из хозяйственного управления при Синоде, потребуется отпускать ежегодно не менее 40 000 р. В то же время, отмечалось в указе, в таких губерниях, как Екатеринбургская, Забайкальская, Омская, Туркестанская, совсем нет семинарий, а в последней – и духовного училища. При этом Синод советовал направить средства Стахеевой на строительство домовой церкви и общежития для учащихся Елабужского духовного училища [229, с. 93].

Своим письмом от 10.03.1898 г. преосвященный Алексий советовал Стахеевой принять решение Синода. Ответным письмом от 19.03.1898 г. она отмечала, что такое решение не вполне отвечает её желаниям, поскольку общежитие в училище только что расширено, а нужды в домовой церкви нет, потому что в десяти саженях от общежития находится Покровская приходская церковь [229, с. 93].

Алексий предложил устроить в Елабуге или Сарапуле епархиальное женское училище. Он писал по этому поводу Стахеевой: «Суще-

ствующее в г. Вятке епархиальное женское училище благодаря прекрасной постановке в нём учебно-воспитательного дела привлекает ежегодно такую массу желающих поступить в него девочек, дочерей нашего духовенства, что принять всех их в училище нет никакой возможности, и ежегодно несколько десятков их возвращаются обратно домой, единственно за недостатком в училище мест...» [272, с. 7]

На это же обстоятельство было обращено внимание на состоявшемся в 1897 г. епархиальном съезде духовенства. Была признана крайняя необходимость расширения существующего или построения в епархии второго женского училища. Однако в итоге остановились на возможности соединения Елабужского и Сарапульского мужских духовных училищ в одно – Сарапульское – и открытия в зданиях Елабужского училища второго в губернии женского епархиального училища. В то же время в «Вятских Епархиальных Ведомостях» (1898, № 2) приводились данные, представленные преосвященным Никодимом, епископом Сарапульским, где указывалось на отсутствие средств для осуществления этого замысла. А следовательно, делал печальный вывод епископ Алексий в своем письме Стахеевой, «в течение ещё многих и многих лет десятки дочерей духовенства должны будут с горьким плачем возвращаться домой за недостатком в училище для них места. Ваше сердце сжалось бы от боли, если бы Вы увидели, какие тяжелые сцены происходят в это время в училище» [272, с. 8].

Один из преподавателей Вятского епархиального училища писал в «Вятских Епархиальных Ведомостях»: «Вот уже несколько лет подряд Вятское епархиальное училище переживает ежегодно крайне тяжёлые минуты. Это минуты, когда после окончания приёмных экзаменов объявляется в зале училища список девочек, принятых и не принятых в училище. Давящие душу сцены приходится наблюдать тогда в зале училища. Рядом с десятками лиц радостных отцов и матерей и их детей, – девочек, принятых в училище, рядом с горячими поздравительными поцелуями, здесь можно видеть также слёзы и рыдания десятков милых девочек, которые, сдавши вполне удовлетворительно вступительные приемные экзамены, принуждены однако же ехать обратно, так как в училище тесно и им нет места. Тяжело бывает видеть в это время родителей, обманутых в своих ожиданиях, но ещё тяжелее бывает смотреть на бедных детей, дрожащих и старающихся скрыть свои личики в платье родителей, чтобы не разрыдаться на всю залу, – детей, которым отказано в удовлетворении са-

мой законной потребности всякого человека, – потребности в образовании, и отказано не по недостатку способностей, не по недостатку прилежания, не вследствие плохой подготовки, а единственно потому, что в училище тесно. Такие сцены повторяются в училище уже несколько лет подряд, и с каждым годом они становятся тяжелее и тяжелее, так как число уезжающих обратно с каждым годом увеличивается» [85, с. 198–199].

В письме к Стахеевой епископ Алексий отмечал, что «особенно горько плачут отъезжающие обратно из южных уездов нашей епархии: Елабужского, Сарапульского и Малмыжского, так как один путь в Вятку и обратно для них стоит 40–50 рублей, а это для нашего небогатого духовенства сумма очень и очень большая. Для сирот же такой непроизводительный расход становится если не разорительным, то крайне обременительным. А сколько десятков девочек, дочерей духовенства Елабужского и смежных с ним уездов, – часто способных, даровитых и даже талантливых, – совсем не приезжают в епархиальное училище, так как не имеют средств ехать за 500 и более верст для сдачи приёмных экзаменов, и принуждены бывают всю жизнь оставаться необразованными. И это в настоящее время, когда жизнь всё труднее и труднее...» [272, с. 10].

«Милостивая Государыня! – продолжал епископ Алексий, – откройте Ваше доброе сердце для этих девочек, ежегодно проливающих горькие слезы, отрите им эти слезы, явитесь утешительницей и их, и их родителей и заставьте духовенство Вятской епархии молить Бога за себя устроением в г. Елабуге второго епархиального женского училища. Тогда Ваш родной город обогатится прекрасным женским духовно-учебным заведением, и я верую, что не без воли Божией случилось то, что Святейший Синод поставлен был в необходимость отклонить такую щедрую Вашу жертву, так как ей теперь может быть дано не менее святое назначение и даже для нашей епархии более производительное, чем прежнее» [272, с. 6].

Г. Ф. Стахеева ответила согласием на это предложение. Вскоре в Вятке был получен указ из Синода № 2845 от 9.06.1898 г. по делу об открытии второго епархиального женского училища. В указе признавалось «пожертвование Стахеевой на устройство в г. Елабуге 2-го епархиального женского училища благовременным и желательным ввиду недостаточности одного Вятского женского училища для образования дочерей духовенства Вятской епархии». В связи с этим Синод определял поручить епископу Алексию сделать распоряжение

о составлении проекта и сметы на постройку в Елабуге здания для епархиального женского училища и представить их в Синод, а также войти с ходатайством об утверждении Стахеевой в звании почётной попечительницы училища [279, с. 267].

13 июня 1898 г. епархиальный съезд духовенства Вятской епархии на своём заседании во главе с председательствующим протоиереем Елабужского Спасского собора В. Н. Вечтомовым слушал дело Вятской духовной консистории № 364 об открытии епархиального женского училища в Елабуге и доклад «подготовительной» комиссии с заключением по этому вопросу. Съезд признал крайнюю необходимость открытия, на основании Высочайше утверждённого устава епархиальных женских училищ, второго епархиального женского училища в Вятской епархии «ввиду интересов существенной важности и не только прикамского духовенства, но и духовенства всей епархии» и постановил открыть такое училище в г. Елабуге в расчёте не менее чем на 300 воспитанниц. Руководствуясь накопленным опытом работы Вятского епархиального училища, съезд признал необходимым развивать работу Елабужского училища постепенно, то есть в первый учебный год открыть только 1-й класс, во второй учебный год – 1-й и 2-й классы, начав работу уже с 1899/1900 учебного года. Содержать училище съезд постановил на епархиальные средства и коммерческие взносы, для чего было принято решение об ежегодном отчислении 10 000 р. из прибылей епархиального свечного завода. Фактически в 1899 г. эта сумма составила 8000 р., а в 1903 г. – уже 15 775 р. Кроме того, расход на содержание училища покрывался, начиная с 1900 г., 2%-ным взносом с церквей епархии с суммы обложения, что давало 9200 р. в год. Съезд постановил избрать Г. Ф. Стахееву пожизненной почётной попечительницей училища, направить ей почетный адрес, имя её мужа записать в синодики всех церквей епархии на вечное поминовение, а Стахееву и «чад её – поминать о здравии». 15 июня 1898 г. на заседании съезда были избраны члены попечительского совета будущего училища, которыми стали протоиерей Елабужского Спасского собора Владимир Николаевич Вечтомов, священники Георгий Красноперов и Василий Лобовиков. 25 июня епископ Алексий, Вечтомов и губернский инженер-архитектор И. А. Чарушин выехали в Елабугу для практического решения вопросов, связанных с устройством училища. На «Святом Ключе» – летней даче Стахеевых – Глафире Федоровне был преподнесён почётный адрес епархии [133, с. 37].

25 июня 1898 г. епископ Алексий выехал в Елабугу для согласования всех вопросов, связанных с открытием училища. Вскоре он телеграфировал в Вятку: «Сообщаю для печатания при завтрашнем номере ведомостей радостное для духовенства епархии известие: Иван Григорьевич Стахеев уступает бесплатно для временного помещения епархиального училища в Елабуге благоустроенный дом, Г. Ф. Стахеева даёт необходимую сумму на годовое содержание училища (дополнительно к 200 000 р. – *В. П.*), с тем, чтобы оно было открыто с начала наступающего учебного года. Желающим определить детей в новооткрываемое училище предлагается немедленно подавать прошения елабужскому протоиерею Вечтомову...» 1 июля 1898 г. «Вятские епархиальные ведомости» напечатали это сообщение [274, с. 268].

Вскоре И. Г. Стахеев предоставил бесплатно ещё один свой дом для устройства в нём общежития. Наконец в Вятке была получена телеграмма товарища (т. е. заместителя) обер-прокурора Синода, сенатора В. К. Саблера от 18 августа 1898 г. на имя епископа Алексия: «Святейший Синод разрешает открыть 1-й класс епархиального училища в Елабуге. Сенатор Саблер». Спустя некоторое время был получен из Синода императорский указ епископу Алексию № 4600 от 21 августа 1898 г. об открытии в Елабуге епархиального училища и о закреплении за ним уступаемого для устройства его Елабужской городской думой участка городской земли в количестве 2 десятин 158 кв. сажен. В указе отмечалось пожертвование Стахеевой 200 000 р. и еще 6000 р. на годовое содержание училища. Упоминался и её брат, пожаловавший двухэтажный каменный дом и флигель во временное пользование для нужд училища [273, с. 417].

Своим отношением № 2674 от 18.08.1898 г. епископ Алексий предложил совету Вятского епархиального училища направить в Елабугу свою выпускницу Елизавету Александровну Шубину для исполнения обязанностей начальницы. Она прибыла в Елабугу 26 августа и приступила к организации работы училища. В дальнейшем она оставалась начальницей все годы существования училища. Среди первых учителей этого учебного заведения были лица с академическим образованием. Так, Закон Божий преподавал смотритель Елабужского духовного училища Н. Коцинский, преподавателями русского и церковно-славянского языков, а также математики были учителя того же училища Д. Цитович и А. Полиевктов. Учителем пения был псаломщик Елабужского Спасского собора Н. Дьяконов, воспитательницей – выпускница Вятского епархиального училища В. По-

пова, врачом – заведующий Елабужской городской земской больницей Яков Кощеев [133, с. 38]. 15–17 сентября 1898 г. состоялись испытательные экзамены. Всего было подано 47 прошений. Шесть человек на экзамены не явились. Были приняты 34 девочки, семерым отказали «за слабостью подготовки» [171, с. 83].

19 сентября состоялось торжественное открытие училища. 8 июня 1899 г. состоялась торжественная закладка училищного здания. Хозяйственно-экономическое наблюдение за его строительством осуществлял сын Стахеевой Федор Васильевич, по образованию инженер-механик. На свои средства он устроил во всём училищном здании и даже в подвальных помещениях электрическое освещение, пожертвовал на нужды училища лошадь с упряжью и экипажем, закупил большое количество оборудования и литературы. Место для строительства было выбрано в конце главной улицы Елабуги – Казанской, на пустыре между Малмыжской, Татарской и Малогласисной улицами [229, с. 95]. План здания составил художник архитектуры I степени, губернский инженер-архитектор Иван Аполлонович Чарушин, состоявший ответственным по наблюдению за постройкой здания. Определяя место для будущей своей постройки, он заметил: «…Тут прямо просится величавое, художественное, парящее к небу сооружение» [228, с. 95].

Значительный вклад в эстетическое оформление помещения училища внёс архитектор-художник Артемий Иванович Горохов. В 1903 г. он отмечал: «Местоположение здания вполне отвечает назначению его как училища. Свободно развернувшись на открытой площади, оно получает массу света и воздуха. Из окон здания открывается чудная и разнообразная панорама природы: с восточной стороны – леса, с запада – панорама города, с юга – река Кама с бесконечной далью её противоположного берега, с севера – поля. Лучших условий для местоположения училища пожелать трудно» [229, с. 95]. Специально для возведения здания училища был построен кирпичный завод. Кладку стен, наряду с каменщиками Вятской губернии, осуществляла и небольшая артель нижегородских каменщиков, которая специально была выписана на два строительных сезона. По отчётам за 1903 г. известно, что на постройку училища ушло красного кирпича 5 336 671 штука на сумму 68 400 р. [229, с. 95]

Практически все материальные издержки несла Стахеева: её расходы по строительству здания достигли 400 000 р., не считая средств, направлявшихся ею на осуществление учебно-воспитатель-

ного процесса, который вёлся с осени 1898 г. в приспособленных помещениях, выделенных её братом [133, с. 38].

Устройство в училище храма во имя священномученика Василия, Пресвитера Анкирского, благотворительнице обошлось ещё в 50 000 р. Святейший Синод по инициативе и ходатайству преосвященнейшего Никона нашёл вполне справедливым присвоить новому училищу имени «Стахеевское» [229, с. 95].

Построенное здание было передано Епархиальному женскому училищу 15 августа 1903 г. и освящено 16 сентбря 1903 г. 16 апреля 1905 г. газета «Вятские епархиальные ведомости» сообщила: «Государь Император повелел к 6-му числу декабря 1904 года пожаловать… за заслуги по духовному ведомству: медалью золото для ношения на шее на Андреевской ленте почётную потомственную гражданку Глафиру Стахееву» [229, с. 95].

Училище имело паровое отопление, вентиляцию, электроосвещение и по праву считалось одним из лучших епархиально-училищных зданий в России. Елабужское училище стало заметным центром женского, в том числе педагогического, образования. После 1917 г., когда был взят курс на закрытие подобных учебных заведений, в здании училища был размещён педагогический техникум. Последний в 1931 г. он был преобразован в педагогическое училище. В 1939 г. на его базе и в том же здании начал функционировать учительский институт, который в 1953 г. был преобразован в педагогический институт [12, с. 13].

Что же касается дальнейшей судьбы самой Г. Ф. Стахеевой, то после Октября 1917 г. она была лишена всего своего состояния, так же как и её многочисленные родственники-купцы, и умерла в доме престарелых. Год её смерти, не говоря уж о дате, остался неизвестным; предположительно она скончалась не ранее 1926 г., а может быть, в 1927 или 1928 г. Она была похоронена на кладбище Казанско-Богородицкого женского монастыря, ныне снесённом. Так что её могила не сохранилась. Но доброе дело Г. Ф. Стахеевой, её брата и сына, осуществленное более ста лет тому назад, не кануло в Лету, а продолжает и сейчас служить людям [229, с. 96].

5.5. Деятельность благотворительных обществ в Вятской губернии

Экономическая ситуация в современной России, характеризующаяся в целом позитивным поступательным движением вперед, позволяет провести некоторую параллель с положением, в котором

находилась страна в середине XIX в., когда развитие капитализма, обусловленное общественно-политическими реформами 1860-х гг., стимулировало социальное и имущественное расслоение российского общества и сделало необходимой потребность в социальном патронате над определёнными категориями граждан. Наряду с отдельными благотворителями, такими как Г. Ф. Стахеева, по всей России в этот период открывались благотворительные общества и другие организации, преследовавшие своей целью сбор средств на общественные благотворительные нужды и осуществление реальных действий, направленных на оказание помощи нуждавшимся в ней.

Первым шагом к возникновению организованной помощи бедным со стороны Вятского городского общественного управления послужило заявление гласного городской думы Н. Г. Гусева, внесённое губернской земской управой на обсуждение Вятской городской думы в декабре 1898 г. В заявлении Н. Г. Гусев обращал внимание на тяжёлое положение в начальных школах детей бедных граждан; на то, что они плохо одеты и скудно питаются. Он предлагал учредить в Вятке особый комитет, который бы заведовал помощью таким детям. Средства могли бы быть взяты с особого благотворительного налога (3–5 копеек с каждого жителя города). Для этого следовало разбить город на участки и поручить сбор денег уполномоченным лицам. Однако такой налог не был предусмотрен «Городским положением» и был, по существу, незаконен. Предложения Н. Г. Гусева развил гласный П. А. Шуравин. указавший на то, что все благотворительные заведения требуют целесообразной организации, а таковая возможна только при учреждении городского попечительства о бедных, который мог бы стать во главе попечительской помощи. В итоге была избрана комиссия в следующем составе: Я. И. Поскребышев (председатель, городской голова), гласные Н. Г. Гусев, П. П. Клобуков, Я. Н. Иванов, П. А. Шуравин, П. П. Никонов, Г. Г. Сергиев, В. М. Гусев, И. В. Рязанцев и священник А. П. Стратилатов. В мае 1899 г. комиссия внесла в думу проект организации в г. Вятке *Городского попечительства о бедных*. Дума утвердила проект, выбрала председателем попечительства П. П. Клобукова и постановила ежегодно отчислять на нужды попечительства по 1000 р. [146, с. 79]

Комиссия, разрабатывавшая проект положения Городского попечительства о бедных, пользовалась правилами о таких попечительствах, предложенными Министерством внутренних дел. Согласно им в городах могли учреждаться городские попечительства о бедных,

причём в больших городах их могло быть несколько. Комиссия пришла к заключению, что в Вятке удобнее учредить одно попечительство. При этом город был разделён на 11 участков. Каждый участок имел своего попечителя, избираемого сроком на 4 года, то есть на срок полномочий думы [146, с. 79].

На попечителей участков были возложены следующие обязанности: сбор членских взносов и пожертвований, обнаружение и регистрация нуждающихся, привлечение новых благотворителей и оказание помощи в экстренных случаях. Разумеется, в помощь себе попечители, а это были известные купцы (Я. Ф. Тырышкин, Н. И. Сарычев и др.), владельцы магазинов (С. О. Якубовский) и другие состоятельные люди, приглашали (и за свой счет содержали!) сотрудников, которые практически и осуществляли данную работу. Попечители же контролировали работу своих помощников.

Почётными членами попечительства в 1899–1900 гг. были губернатор Н. М. Клингенберг, епископ Алексий, крупнейшие вятские купцы П. П. Клобуков, Т. Ф. Булычёв, Ф. Л. Ездаков. Среди членов-благотворителей были директор народных училищ губернии А. А. Красев, педагоги М. П. Беклешов и В. А. Шиллегодский, архитектор И. А. Чарушин, священник В. Тихоницкий, врачи В. А. Трейтер и А. Ю. Левитский, устроитель «ботанического сада» отставной полковник А. С. Истомин и коммерсант С. О. Якубовский [146, с. 79].

Работа попечительства пользовалась таким уважением, что стать его членом считалось делом почётным. Для этого необходимо было либо оказать попечительству «особые услуги», то есть внести единовременно на его счёт не менее 50 р. или вносить по 3 р. ежегодно, либо изъявить желание личным трудом помогать попечительству. Были определены три группы лиц, которым, по мнению попечительства, следовало помогать: 1) дети «старше школьного» возраста и все трудоспособные взрослые, не способные найти подходящую работу; 2) престарелые, больные и дети дошкольного возраста; 3) дети школьного возраста. Первой группе предлагалась помощь в поиске работы, для чего попечительство собирало сведения о потребности в рабочей силе среди коммерсантов и предпринимателей. Для второй группы нуждающихся попечительство устраивало приюты и богадельни, для третьей – закупало одежду и продовольствие, а иногородним школьникам оплачивало стоимость проживания в общежитии [146, с. 79].

Наиболее крупные расходы попечительство несло по устройству обедов для бедных учащихся в начальных школах. Денежная помощь

оказывалась в редких случаях, поскольку, как показывала практика, часто она использовалась не по назначению.

Одной из главных проблем того времени было недостаточное, а часто и вовсе неудовлетворительное, питание детей в семьях. Попечительское общество сразу же обратило внимание на эту проблему и стало выделять достаточно значительные суммы на осуществление помощи детям «недостаточных» родителей через организацию горячих обедов во всех девяти школах Вятки. Обеды состояли из одного горячего блюда – супа. Стоимость такого обеда составляла 0,97 к., то есть меньше одной копейки, а с расходами «на прислугу и обзаведение» – 1,18 к. В 1899/1900 учебном году на эти цели было затрачено 210 р., год спустя – 467 р. Также выдавались суммы на приобретение посуды, молока и т. п. Попечительское общество закупало и распределяло среди детей тёплую одежду и обувь. В 1900/1901 учебном году было затрачено 433 р. 22 к. [146, с. 80]

Средства попечительского общества складывались из ежегодно ассигновавшейся городской думой стабильной суммы в 1000 р., процентов с благотворительного капитала, который вносили благотворители (купцы И. И. Короваев, Я. Ф. Тырышкин и др.), разовых благотворительных вкладов от граждан. В ряде случаев внесение пожертвований оговаривалось определёнными условиями. Так, «неизвестным лицом» (многие пожертвования были анонимными) был пожертвован капитал в 8600 р. с тем, чтобы проценты с него выдавались ежегодно к праздникам Рождества и Пасхи бедным жителям г. Вятки. 17 мая 1899 г. почётный член попечительского общества, гласный П. П. Клобуков подал в городскую думу заявление, в котором доводил до сведения собрания, что он жертвует городскому общественному управлению трёхэтажный каменный дом и 20 000 р. в процентных бумагах, доходы с которых и должны идти на содержание и ремонт указанного дома. При этом купец и благотворитель ставил единственное условие, состоявшее в том, что в пожертвованном доме должны располагаться только благотворительные учреждения. Спустя год дом был передан городскому попечительству о бедных и в нём был устроен приют для «призреваемых». Позднее благотворитель пожертвовал ещё 10 000 р. на создание в приюте домовой церкви и на содержание священника при ней, а также закупил в расчёте на 100 человек весь необходимый инвентарь: мебель, посуду, бельё и т. д. Кроме того, Клобуков провёл в доме электричество, что было по тем временам дорогостоящей новинкой, а для приюта вообще неслыханным делом [146, с. 80].

Заметим, что в конце XIX в. в благотворительных учреждениях существовала практика персонального патронажа. Так, в богадельне были «призреваемые Якова Алексеевича Прозорова», а в гимназии – «стипендиаты Марии Егоровны Соловкиной» и т. д. В 1897 г. городская дума приняла капитал в 4000 р., завещанный вятским мещанином И. И. Короваевым. Проценты с него должны были быть использованы на содержание в доме призрения двух мальчиков с определением их как «воспитанников Ивана Ильича Короваева».

Секретарем Городского попечительства о бедных был известный врач, преподаватель и политик Василий Алексеевич Трейтер (1875–1929), личность незаурядная и широко известная в свое время в Вятской губернии. Имеются свидетельства того, что он был потомком великого немецкого поэта Й.-В. Гёте [199, с. 99]. В период царского самодержавия В. А. Трейтер неоднократно оказывался за решёткой за свои независимые взгляды и участие в акциях протеста. В 1917 г. он был сначала товарищем (т. е. заместителем), а затем и губернским комиссаром Временного правительства, иными словами, руководителем Вятской губернии, а в советские годы работал врачом и преподавателем педологии и психологии Вятского педагогического института, и преследовался за свои убеждения уже советской властью. О нём сохранились многочисленные воспоминания, в которых он характеризуется прежде всего как большой гуманист, бескорыстный служитель на ниве медицины и просвещения [4, с. 34].

В ведении *Вятского губернского попечительства* в начале XX в. состояли два приюта (для мальчиков и девочек) в Вятке, а за пределами губернского города ведению попечительства принадлежали: Елабужское уездное попечительство с приютом «Александровский», Яранское с приютом «Мариинский», Сарапульское, Нолинское, Уржумское, Глазовское, Слободское, Котельничское и Вятское (Вятского уезда) с приютом в селе Бобино Вятского уезда. Просветительская деятельность в отношении учреждений Вятского губернского попечительства нами раскрывается на примере работы указанного приюта [146, с. 81].

Приют в селе Бобино был открыт 1 августа 1901 г. для 22 сирот из числа сельского населения. Он размещался в наёмном доме, имел «дворовое место» в 740 кв. сажень, огород 3 десятины, земельный участок 27 десятин. В 1904 г. для приюта было закончено строительство каменного дома и постройка деревянных служб: бани, погреба, амбара, коровника, хлева и дровяника. 29 июля все здания были

освящены, и воспитанников перевели на жительство из наёмного жилья в новое здание приюта. Все строительство и обстановка были произведены на средства почётного члена Вятского губернского попечительства купца Т. Ф. Булычёва, который израсходовал на эти цели 8000 р. Немало потрудился и попечитель приюта Иван Исакович Сапожников, под наблюдением которого возводились постройки. Помещение приюта было рассчитано на 30 детей [146, с. 81].

Материальную поддержку приюту оказывали почётные члены попечительства (каждый по 50 р. в год). Например, в 1903 г. было внесено членских взносов 300 р., кружечных сборов – 40 р., случайных поступлений – 60 р. Эти средства расходовались на жалованье служащих (180 р.), на одежду и бельё (40 р.), на наём помещения (50 р.), на довольствие воспитанников (200 р.). Содержание одного ребёнка обходилось в 1903 г. в 21 р. 48 к., в 1909 г. – в 33 р. 56 к. Свой вклад в дело благотворительности вносило уездное попечительство (200 р.), общественность Бобинской и Макарьевской волостей (100 р.) [146, с. 81].

«Для ближайшего надзора и воспитания детей» в приюте работала заведующая А. Бушуева. Благодаря её заботам в приюте была введена надлежащая дисциплина. День начинался зимой в 6 часов, а в тёплое время в 5 часов утра. Дети умывались, убирали кровати, исполняли молитву, которая пелась хором, повторяли уроки, завтракали и отправлялись в Бобинскую земскую школу, кроме двух дежурных, обязанных вести домашнее хозяйство. По возвращении из школы обедали, готовили уроки. Воспитанницы приюта обучались рукоделию: кройке, вязанию, вышиванию, стирке и глажению белья, ведению хозяйства, приготовлению пищи и выпечке хлеба. Мальчики обучались плетению корзин. В тёплое время года дети много работали в огороде [146, с. 82]. В 1907 г. в приюте была открыта библиотека; для её нужд поступили пожертвования от крестьянина Вшивцева (50 р.). Приют воспитал немало достойных людей. Например, здесь воспитывался Герой Советского Союза Павел Алексеевич Скопин (1902–1967), известный художник Геннадий Николаевич Бушмелев (1903–1973) и др. [146 с. 82].

Среди учреждений по призрению сирот и обездоленных детей заметный след оставили те, которые находились под покровительством царской семьи, в том числе так называемые Ольгинские детские приюты трудолюбия (названы так в честь одной из дочерей царя Николая II). История этих приютов ведёт своё начало с 1895 г., когда

«в ознаменование рождения Её Императорского Величества княжны Ольги Николаевны, Государю Императору Николаю Второму благоугодно было в десятый день ноября 1895 года повелеть учредить на собственные средства в ближайших окрестностях Санкт-Петербурга особое убежище для призрения детей обоего пола, остающихся в столице без призора и пристанища, с присвоением этому учреждению наименования “Ольгинский детский приют трудолюбия”, и с передачею его в ведение попечительства о трудовой помощи, состоявшего под Августейшим покровительством Её Императорского Величества государыни Императрицы Александры Федоровны». Дети пользовались призрением до передачи их на «надёжное попечение» сельских обществ и частных лиц или до определения их к каким-либо постоянным занятиям. В приюте обязательно занимались земледельческими работами, а также обучались Закону Божьему и грамоте. Санкт-Петербургский приют стал образцом для создания подобных приютов по всей России, но в гораздо более скромных размерах. К 1910 г. насчитывалось 36 таких приютов. В 1899–1900 гг. по случаю постигшего Поволжье неурожая возникли Ольгинские приюты в Казанской, Симбирской и Вятской губерниях. В посёлке Ижевский завод (ныне г. Ижевск) детский приют был открыт в 1902 г., в посёлке Можга Елабужского уезда – в 1899 г. [146, с. 82]

Инициатором создания Можгинского приюта стал надворный советник из Санкт-Петербурга И. М. Поярков, привлекший солидных жертвователей: служителей церкви, земскую интеллигенцию, предпринимателей. Средства, на которые существовали Ижевский и Можгинский приюты, имели следующие источники: пособия от комитета попечительства о делах трудолюбия и работных домах, от Вятского губернского и уездных земств, хлебом и деньгами – от крестьян уездов, членские взносы, продажа изделий воспитанников приюта, поступления от благотворительных спектаклей, устраивавшихся членами попечительского совета, пожертвования частных лиц. Внутренняя жизнь призреваемых была близка к крестьянскому образу жизни. В течение года воспитывались в приюте около 50 сирот. При приютах работали мастерские. Дети выполняли работы по уборке помещений, а также работали на хуторе, в огороде. Воспитанники посещали земскую школу. Главной заботой администрации составляло здоровье воспитанников, так как многие поступали в приют в запущенном состоянии. За детьми наблюдали земские врачи. Первые годы Ольгинские приюты имели достаточное количество средств от пожертвова-

ний. Тяжёлые события Русско-японской и Первой мировой войн, революции усиливали народную бедность. Всё больше детей становилось сиротами, а объём пожертвований резко сокращался [146, с. 83].

В Вятской губернии наиболее значимой по объёму оказываемых услуг была деятельность *Вятского благотворительного общества* (председатель Александр Петрович Воскресенский), поставившего перед собой главной задачей «нахождение средств к улучшению нравственного и материального состояния беднейших слоев населения г. Вятки, оказание помощи в воспитании и призрении детей бедных родителей и сирот» [113, с. 143]. На церемонии торжественного открытии общества 29 мая 1873 г. Вятский губернатор Валерий Иванович Чарыков отмечал, что «постоянное стремление вятского общества к делу благотворительности и желание помочь людям побудило его ходатайствовать об открытии в г. Вятке благотворительного общества» [113, с. 143]. Деятельность благотворительного общества имела достаточно разносторонний характер, но основных задач было две: собрать как можно больше средств и разумно распределить их среди нуждающихся. При этом значительная часть собранных средств шла на нужды просветительства. Так, в 1876 г. была внесена плата за право обучения четырёх воспитанниц Вятской женской Мариинской гимназии в размере 89 р. и принято вновь пансионерками общества на бесплатное пользование учебниками десять воспитанниц гимназии, для которых было куплено учебников на 57 р. По ходатайству совета благотворительного общества Екатерина Загуляева, учащаяся Вятского епархиального училища была освобождена от платы на весь срок обучения. Общество занималось также организацией рождественских и других праздников [228], помещением детей-сирот в приличные семьи и на обучение к мастеру с оплатой от общества [58, с. 26].

Общество стало инициатором устройства в 1876 г. ремесленного приюта для девочек и выделило для этой цели полторы тысячи рублей. Купец 1-й гильдии Яков Алексеевич Прозоров (1817–1881) пожертвовал для приюта два дома со всеми надворными постройками. 1 сентября 1893 г. при Вятском благотворительном обществе был открыт так называемый дом трудолюбия, куда принимался любой желающий трудиться. Ежедневно таковых набиралось до ста человек. В основном это были дети и пожилые люди. Они трепали мочало, клеили бумажные мешки, плели шляпы из соломки, обучались шитью и вязанью, «коробочному и саквояжному делу». Как отмечает историк С. А. Касанов, главным результатом деятельности дома трудолю-

бия было *нравственное воспитание*, поскольку на первом месте стояло всё же обучение грамоте и чтение книг [59, с. 81].

В 1909 г. Вятское благотворительное общество содержало два приюта, столовую, ночлежный приют, дом трудолюбия. При этом общество рассчитывало прежде всего на пожертвования купцов. «Благодаря щедрым пожертвованиям Я. А. Прозорова и Т. Ф. Булычёва материальное благосостояние общества обеспечено навсегда», – с восторгом заверяла своих читателей газета Вятская речь» (1909, № 69, от 4.04). Действительно, вятский купец Я. А. Прозоров пожертвовал для Вятского благотворительного общества несколько домов. В свою очередь, общество сдавало их в аренду. Так, большой дом по ул. Спасской г. Вятки, арендованный под магазины, приносил немалый доход обществу (в 1908 г. – 12316 р.). Кроме того, три дома по ул. Московской также давали стабильный доход. Только аренда одним из вятских банков одного из этих домов приносила благотворительному обществу доход в 2500 р. ежегодно [113, с. 144].

Вятский купец Т. Ф. Булычёв пожертвовал обществу два дома на Стефановской улице г. Вятки: в одном помещался приют общества, другой сдавался в аренду за 375 р. в год. Чтобы обеспечить этот приют всем необходимым, Булычёв пожертвовал капитал в 25 000 р., с процентов которого приют и содержался. Также купец Н. Н. Ухов пожертвовал прекрасный дом на Преображенской улице. Финансовые дела Вятского благотворительного общества в 1908 г. следует признать успешными. На 1 января общество имело на счету 682 824 р. В течение года поступило 49 905 р. Расходы составили 35 101 р., в том числе по Прозоровскому ремесленному приюту на 42 воспитанника – 5944 р., расходы на «дешёвую столовую» – 8027 р. и т. д. [113, с. 144]

Развитие капитализма в России в конце XIX в. со всей остротой поставило задачу школьного и профессионального образования для значительного большинства населения страны. С начала 1870-х гг. становится всё более активным процесс открытия учебных заведений, деятельность которых должна была, по замыслу их организаторов, способствовать разностороннему развитию детей. Так, в 1872 г. в Вятке были открыты при музее сразу три бесплатные школы: музыкальная, рисования и изготовления гипсовых изделий [113, с. 144].

Во второй половине XIX в. в Вятке, как и в других губернских городах, количество благотворительных обществ значительно возрастает. *Вятское общество вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях* оказывало материальное содействие вятчанам –

студентам Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и других университетов. Источником поступления средств служил благотворительный сбор, устройство рождественских (новогодних) лотерей, праздников и молодёжных гуляний, выручка от которых шла на благотворительные цели, на нужды образования и помощь детству.

Значительную активность в деле благотворительности в сфере просвещения проявляло открывшееся в мае 1915 г. *Вятское общество содействия народному образованию*. В октябре 1915 г. развернуло работу *Вятское педагогическое общество*, возглавлявшееся директором 2-й мужской гимназии Дмитрием Иосифовичем Нивинским. Эта общественная организация не была изначально благотворительной, однако она, как и многие другие общественные организации, принимала участие в благотворительной деятельности. Так, в ноябре 1915 г. впервые был организован так называемый «учительский день» или «день учительского заработка»: учителя переводили дневной заработок в пользу пострадавших от войны коллег, эвакуированных или лишившихся кормильца. Впоследствии такие благотворительные акции проводились регулярно [190, с. 5].

Не оставался в стороне от общего дела помощи нуждающимся и Вятский учительский институт, преподаватели которого стали инициаторами создания *Педагогической комиссии*, куда вместе с ними входили преподаватели гимназий и высших начальных училищ. Комиссия организовывала бесплатные занятия для детей малоимущих, желающих подготовиться к вступительным экзаменам в институт и другие учебные заведения [190, с. 5].

Применить на практике внешне привлекательные идеи о связи обучения с производительным трудом детей пытался *Совет Вятского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов.* В районе деревни Филейка, вблизи г. Вятки, общественная благотворительная организация *Вятский отдел Лиги для борьбы с туберкулезом («Туберкулёзная лига»)* (председатель Георгий Филиппович Шубин) в летнее время регулярно устраивала «детскую оздоровительную колонию для слабогрудых мальчиков», «день белого цветка», благотворительные лотереи в пользу больных туберкулёзом. Г. Ф. Шубин внёс и другой, частично осуществлённый на практике проект просветительных и ремесленных учреждений в «Доме инвалидов и сирот Великой войны 1914 г.». Для удовлетворения духовных запросов инвалидов Г. Ф. Шубин предлагал организовать классы и курсы, на которых неграмотные инвалиды могли бы научиться грамоте и приобрести не-

обходимые сведения общеобразовательного характера. Преподавание на курсах он предлагал вести применительно к программам школ грамоты и высших начальных училищ. Помимо общеобразовательных курсов необходимо было, по мнению Г. Ф. Шубина, устроить курсы по прикладным знаниям (птицеводство, садоводство, пчеловодство, полеводство, рыбоводство, огородничество), пользуясь которыми инвалиды могли бы улучшить свое домашнее хозяйство. Практические занятия по этим отраслям знаний Г. Ф. Шубин считал возможным вести на особо отведенных участках земли и в особо устроенном хозяйстве. Хутор этот мог бы служить и целям оздоровления инвалидов. Кроме того, Г. Ф. Шубин предлагал открыть ряд мастерских: токарную, столярную, сапожную и т. д. По данному предложению был избран оргкомитет, которому удалось частично реализовать эти замыслы [113, с. 145].

Первая мировая война пробудила в России небывалый подъём патриотических чувств, на волне которого стали создаваться благотворительные общества, ставившие своей целью оказание помощи воинам и членам их семейств. 6 сентября 1915 г. в г. Вятке был учреждён *Дамский благотворительный комитет при Братстве Святителя и Чудотворца Николая* под председательством супруги кафедрального протоиерея М. Э. Израилевой. Казначеем был священник А. М. Васнецов, секретарём – жена священника Н. М. Васнецова. Работа комитета состояла в сборе денежных средств, вещей и приведение их в надлежащий вид для отправки на фронт. Однако часть средств и вещей передавалась в благотворительных целях детям, например, в городскую церковно-приходскую школу и Хлыновскую церковно-приходскую школу [113, с. 146].

Заметную роль в деле благотворительности в сфере просвещения играло *Городское попечительство о бедных г. Вятки*. До его учреждения благотворительная деятельность Вятского городского общественного управления выражалась в очень немногом. На городские средства содержались три богадельни на 93 мальчика, дом призрения детей бедных граждан (на 50 мальчиков), раздавалось пособий на 600 р., содержалось несколько стипендиаток в Мариинской женской гимназии и оказывалась некоторая материальная помощь благотворительным обществам. При приёме в богадельню детальной проверки имущественного положения просившихся не производилось. Для приёма требовалось свидетельство от врача о «трудовой неспособности», свидетельство о бедности от полиции, свидетельство о

принадлежности просившегося к городскому населению (сельским полагалось трудиться на земле). Секретарём Городского попечительства о бедных был В. А. Трейтер (1875–1929) [190, с. 34].

В ведении *Вятского губернского попечительства* в начале XX в. состояли два приюта (для мальчиков и девочек) в г. Вятке, а за пределами губернского города ведению попечительства принадлежали: Елабужское уездное попечительство с приютом «Александровский», Яранское с приютом «Мариинский», Сарапульское, Нолинское, Уржумское, Глазовское, Слободское, Котельничское и Вятское (Вятского уезда) с приютом в селе Бобино Вятского уезда [113, с. 146].

Как видно из приведённых примеров, благотворительные организации не занимались вопросами содержания образования и воспитания, а сосредоточивали свои усилия на оказании материальной помощи детям, и именно в этом проявлялись их просветительские устремления. Поэтому эти организации и общества вполне могут считаться просветительскими, а их члены в той или иной степени просветителями. Их деятельность служит примером для современных благотворителей, а само содержание деятельности выступает важной социальной ценностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На пути первых российских просветителей, христианских подвижников, таких как Стефан Пермский и Трифон Вятский, было немало труднопреодолимых препятствий, среди которых необходимо выделить нехватку учителей, материальных средств, книг и учебных пособий и др. Однако самым главным препятствием следует признать непонимание местным обществом значимости образования, неготовность обывателей воспринимать «книжное учение». С решением всех этих проблем не могли справиться люди, действовавшие в лучшем случае по приказу вышестоящего начальства, но в душе противившиеся нововведениям. Временем были востребованы духовные проповедники другого склада мыслей и образа действий, яростный поборник преобразований, настоящие борцы за дело просвещения. Своего рода последователем Стефана Пермского и Трифона Вятского вошёл в историю Вятского края епископ Вятский и Великопермский Лаврентий I (Горка), деятельность которого дала мощный толчок к развитию просвещения на Вятской земле. Его имя до настоящего време-

ни считается символом просветительства, беззаветного служения просвещению народа. Краткая по времени (1733–1737), но очень плодотворная деятельность Лаврентия Горки «на Вятке» оставила заметный след в местной истории, стала одним из главных региональных духовных событий XVIII в. Именно с него фактически ведет свой отсчёт просвещение в этом крае. Подвижническая деятельность Л. Горки получила своё продолжение в деятельности его последователей – епископов Вениамина, Антония и др. Важнейшей стороной деятельности рассматриваемых просветителей выступает их стремление строить учебно-воспитательный процесс в соответствии с лучшими образцами школьного дела того времени. Анализ работы хлыновской школы показывает, что её руководители, и прежде всего Лаврентий Горка, стремились использовать в своей работе достижения передовых педагогов своего времени и фактически сами были таковыми.

Деятельность Вятского земства и соседних с Вятской губернией регионов характеризовалась прогрессивной направленностью. Этому способствовали демократический состав губернских и уездных гласных, особенности руководства делом народного образования, наличие городских земских школ, постановка проблем просвещения в центр работы земства, наличие постепенно складывавшихся образовательных традиций, стремление народа к получению образования и постепенное формирование регионального образовательного пространства. Основные направления деятельности вятских, нижегородских и казанских земств не отличались отчётливо выраженной спецификой; последняя находила своё конкретное проявление при аналитическом рассмотрении практических действий тех или иных губернских и уездных земств и отдельных земских работников, деятельность которых была направлена на развитие региональной системы просвещения.

Земские преобразования в целом и в области народного образования и воспитания в частности осуществлялись в ходе постоянной борьбы между прогрессивными представителями земского движения и проправительственными силами, представленными как официальными государственными структурами (губернатор, полиция и т. п.), так и консервативно настроенной частью земских гласных, выражавших взгляды тех категорий населения (дворяне, крупное чиновничество, реакционная часть священнослужителей), в интересах которых было отстранение народных масс от культуры и образования. Земская политика в области образования характеризовалась явственно выра-

женной региональностью, находившей своё проявление в поиске и осуществлении в земских губерниях конкретных форм работы, направленных на развитие и удовлетворение образовательных запросов населения, прежде всего крестьян. Вышеизложенное позволяет считать деятельность земства одной из ведущих региональных особенностей развития образования в российской провинции.

Получающая в последние годы в российской провинции всё большее распространение тенденция регионализации в области образования, содержащая в своей основе некоторые существенные черты, присущие российской просвещенческой земской политике рассматриваемого в исследовании исторического периода (относительная независимость от политики центральных властей, учет региональной специфики и др.), должна, по нашему мнению, учитывать в своей практической деятельности «уроки истории» – положительные и негативные стороны работы земских учреждений и служивших в них деятелей. Анализ работы лучших учебных заведений Вятской губернии, таких, например, как первая Вятская мужская гимназия, показывает, что в таких передовых учебных заведениях были сосредоточены наиболее подготовленные педагогические силы. Раскрытие их деятельности убедительно доказывает, что в своей повседневной работе их педагоги и руководители руководствовались принципами гуманизма и демократизма, были несомненными региональными лидерами в области образования.

Как показывает анализ деятельности благотворительных учреждений Вятской губернии, таких как Вятское городское попечительство о бедных, Вятское губернское попечительство и другие, все эти общественные организации и большинство других благотворительных обществ, в том числе не нашедшие отражения в нашей монографии, не занимались специально вопросами содержания образования и воспитания, а сосредоточивали свои усилия исключительно на оказании материальной помощи детям – в этом проявлялись их просветительские устремления. Именно на этом основании эти организации и общества с полным основанием могут считаться просветительскими, а их члены могут в той или иной степени считаться просветителями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов Я. В. Что сделало земство. Казань, 1901. 87 с.
2. Акимов В. А. Деятельность Вятского земства по народному образованию // Журнал министерства народного просвещения. 1907. № 11. С. 1–46.
3. Акимов В. А. Деятельность Казанского земства по народному образованию // Журнал министерства народного просвещения. 1911. № 10. С. 121–181.
4. Андриевский А. А. Краткий очерк истории Вятского края до открытия в нём наместничества // Столетие Вятской губернии: сб. материалов к истории Вятского края. 1780–1880 : в 2 т. Т. 1. Приложение. Вятка, губ. тип., 1880. С. 60–85.
5. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / редкол. : С. Ф. Егоров [и др.]. М. : Педагогика, 1985. 368 с.
6. Антология педагогической мысли России XVIII в. / редкол. : Г. Н. Волков [и др.]. М. : Педагогика, 1985. 480 с.
7. Антология педагогической мысли России первой половины XIX века / сост. И. А. Соловков. М. : Педагогика, 1987. 560 с.
8. Арсеньев А. М. Против идеализации учительских семинарий // Советская педагогика. 1947. № 12. С. 27–34.
9. Батуев А. П. По поводу указаний Вятским земствам, как следует вести им дело народного образования. Вятка, 1895. 13 с.
10. Бачалдин Б. Н. Учитель навечно в памяти моей // Научные и технические библиотеки. 2007. № 10. С. 49–54.
11. Берова И. В. Ансамбль Успенского Трифонова монастыря. Киров : Кировское отделение Волго-Вят. кн. изд-ва, 1989. 64 с.
12. Берсон М. С. Дорогие моей памяти люди. Елабуга, 1994. 88 с.
13. Берсон М. С. Просвещение в Елабуге: прошлое и настоящее // Вятская земля в прошлом и настоящем : в 2 т. / под ред. Е. И. Кирюхиной. Киров : Изд-во КГПИ, 1992. Т. 1. С. 200–202.
14. Блинов Н. Н. Народное образование в Вятской губернии. 1864–1874 гг. Вятка, 1875. 352 с.
15. Бронников К. Г. «Поэт осьмнадцатого столетия». М. : Изд-во МПГУ, 1997. 80 с.
16. Бунаков Н. Ф. Как я стал и как перестал быть «учителем учителей» // Избранные педагогические сочинения. М. : Изд-во АПН РСФСР, 1953. С. 328–395.
17. Бунаков Н. Ф. Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. СПб., 1909. 364 с.
18. Васильев М. Г. История Вятской гимназии за 100 лет ее существования. Вятка : Губ. тип., 1911. 210 с.
19. Вежлев А. М. Учительские съезды и курсы во второй половине XIX в. : дис. ... канд. пед. наук. М., 1957. 409 с.
20. Величайшие тайны мира: энциклопедический справочник / сост. Н. Н. Непомнящий. М. : Изд-во «Вече», 2007. 480 с.
21. Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII в. Вятка : Губ. тип., 1896. 76 с.

22. Верещагин А. С. История Вятской духовной семинарии // Вятские епархиальные ведомости. 1886. № 1. С. 4–19; № 2. С. 24–32; № 4. С. 58–68; № 12. С. 197–204; № 14. С. 241–252; № 15. С. 253–259.

23. Верещагин А. С. Краткий очерк истории Вятской духовной семинарии // Столетие Вятской губернии : в 2 т. Т. 2. Вятка : Губ. тип., 1880. С. 581–612.

24. Верещагин А. С. Самые старые студенты риторики в Вятской семинарии // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 4. Вятка : Губ. тип., 1905. С. 97–104.

25. Верещагин А. С. Ученый южнорусс на Вятке в XVIII в. К истории Вятской духовной семинарии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1895 г. Отд. 4. Вятка, 1894. С. 302–321.

26. Верещагин А. С. Эпизоды из жизни основателя Вятской семинарии: Эпизод 5. Архиерейство на Вятке // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1902 г. Вятка : Губ. тип., 1901. С. 50–102.

27. Веселовский Б. Б. История земства за 40 лет : в 4 т. Т. 1. М., 1909. 760 с.

28. Воспоминания старого Казанского студента. 2-я Казанская гимназия. 1746–1848 // Волжский вестник. 1890. № 306. С. 3–6.

29. Всероссийская однодневная перепись населения 18 января 1911 г. СПб., 1911. 560 с.

30. Выступление гласного А. А. Столбова // Протоколы юбилейной сессии Вятского уездного земства. Вятка, 1914. С. 39–42.

31. Вятка и Вятская гимназия // Волжский вестник. 1890. № 251. С. 16–20.

32. Вятка: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. 210 с.

33. Вятский архиерейский дом и архиерейские вотчины 1727 года // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Выпуск I–II, отдел III. Вятка, 1916. С. 30–70.

34. Вятский Успенский монастырь при Преподобном Трифоне. Вятка : Губ. тип., 1906. 70 с.

35. Гайда В. В.. Начиная с Трифона Вятского // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. Культура. Искусство. Киров, изд-во «Вятка», 1999. С. 553–565.

36. Головизнина Н. Л. Аз, буки, веди, глаголь, добро (История вятской школы. 1721–1917) // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. Т. 9. Культура. Искусство. Киров : Вятка, 1999. С. 9–47.

37. Голубев П. А. Вятское земство среди других земств России. Вятка, 1901. 166 с.

38. Голубев П. А. Сборник сведений по вопросам экономического и культурного развития Вятского края. Вятка, 1896. 144 с.

39. Гусев Н. Г. Вятские преосвященные: епархиальные и викарные. 1658–1908: сборник и альбом. Вятка, 1908. 230 с.

40. Джуринский А. Н. История педагогики. М. : Изд-во «Владос», 1999. 432 с.

41. Дворецкая Т. А. Француз на русской службе: учитель Евдоким Эро в Вятской ссылке // Краеведение в развитии провинциальной культуры России :

материалы 2-й научной конференции / ред. М. С. Судовиков. Киров : ИД «Герценка», 2009. С. 219–227.

42. Дозорная книга Хлыновского Успенского монастыря // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902 г. Вятка, 1901. С. 10–25.

43. Доношение преосвященному Киприану 13 марта 1739 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1884. № 11. С. 260.

44. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края // Столетие Вятской губернии : сборник материалов к истории Вятского края. 1780–1880 : в 2 т. Т. 2. Приложение. Вятка, 1880. С. 18–19.

45. Епифаний. Слово о житии учении св. Стефана, бывшего в Перми епископом // Памятники старинной русской литературы. Вып. IV. СПб., 1862. 166 с.

46. Жизнь и деятельность Нижегородского учительского института. Н. Новгород, 1914. 117 с.

47. Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца. Казань, 1868. 160 с.

48. Житие св. Стефана, епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым // Древняя русская литература / сост. И. Н. Прокофьев. М. : Педагогика, 1980. С. 154–160.

49. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV вв. / под ред. Д. С. Лихачева. М. : Наука, 1981. 380 с.

50. Жук И. Н. Доклад учителя Киевского городского училища о поездке на Всемирную выставку в Париж. Киев, 1901. 12 с.

51. Журналы губернского собрания XI-й очередной сессии : в 2 т. Т. 2. Вятка, 1877. 412 с.

52. Журнал экстренного губернского земского собрания 5 марта 1878 г. Вятка, 1878. 120 с.

53. Звягинцев Е. А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М., 1917. 88 с.

54. Зотова Л. М. Особенности регионального женского образования во второй половине XIX века – по Октябрь 1917 г. (на материалах Вятской губернии) : дис. … канд. пед. наук. Киров, 2002. 232 с.

55. Изергина Н. П. Литературная жизнь Вятки. Киров, 1990. 206 с.

56. Из истории народного образования Урала / науч. ред. В. В. Прокошев. Пермь, 1976. 104 с.

57. Ил-ин. Вопрос о передаче Вятской учительской земской семинарии министерству // Отечественные записки. 1878, № 12. С. 216–233.

58. История религий: учебник для вузов : в 2 т. / ред. И. Н. Яблоков. М., 2002. Т. 1. 463 с.; Т. 2. 639 с.

59. Касанов С. А. Из истории Вятской благотворительности. Киров, 2003. 96 с.

60. Кассихина М. Л. Педагоги Вятской мужской гимназии 70-х гг. XIX в. как представители формирующегося слоя интеллигенции // Десятые Петряевские Чтения: материалы Всероссийской научной конференции (Киров, 25–26 февраля 2010 г.); ред. колл. : С. Н. Будашкина [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2010. С. 206–208.

61. Керчикер И. Из истории народной школы в Казанской губернии // Русская школа. 1894. № 5–6. С. 15-32.

62. Клибанов А. И. К характеристике мировоззрения Андрея Рублева // Андрей Рублев и его эпоха. М., 1971. С. 28–87.

63. Кокурина С. П. Хроника исторических событий // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 4. История. Киров : Вятка, 1995. С. 484–496.

64. Колупаева В. Н. Из истории вятских библиотек // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 9. Киров : Вятка, 1999. С. 224–246.

65. Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики. М. : Просвещение, 1982. 448 с

66. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории народного образования в России. М. : Учпедгиз, 1949. 280 с.

67. Кудрявцев И. М., Шлихтер Б. А., Щапов Я. Н. Археографические экспедиции отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в 1953–1956 гг. М., 1956. С. 265–301.

68. Куликов В.В. Земское самоуправление. Киров : Изд-во ВГПУ, 1996. 76 с.

69. Левассер Э. Народное образование в цивилизованных странах. СПб., 1891. 560 с.

70. Лесков Н. С. Святительские тени // Исторический вестник. 1881. № 5. С. 53–69.

71. Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV и начало XV вв.). М. ; Л. : Наука, 1962. 340 с.

72. Лысков П. Ф. Обзор деятельности Яранского уездного земства за 1867–1912 гг. Вятка : Губ. тип., 1912. 126 с.

73. Лыткин В. И., Мосин А. Г. Древнепермский язык. М., 1952. 180 с.

74. Луппов П. Н. Исторический очерк Вятского края // Вятский край : сборник. Вятка, 1929. С. 281–282.

75. Луппов П. Н. История г. Вятки. Киров : Кировск. кн. изд-во, 1958. 237 с.

76. Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время. 1725–1740. Л. : Наука, 1976. 360 с.

77. Любавин М. А. Федор фон Брадке – губернатор «по присяге и совести» // Петряевские чтения'98: тезисы докладов к чтениям / ред. Н. Е. Петряева, А. Л. Рашковский. Киров : Вятка, 1998. С. 55–57.

78. Любимов В. А. Стахеевы // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. Киров : Вятка, 1996. Т. 6. Знатные люди / сост. С. П. Кокурина. С. 423.

79. Малюгин П. К. Выписки по истории школы Вятского края в XVIII в. (Рукопись). Киров, 1968. 70 с.

80. Марков А. А. Алашеев Николай Валерианович // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Т. 6. Знатные люди. Киров : Вятка, 1996. С. 15–16.

81. Материалы общеземского совещания. СПб., 1912. 170 с.

82. Миролюбов Н. Вятские благие начинания // Камско-Волжский край. 1895. 28 дек. С. 2–3.

83. Мосин А. Г. Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края (XVII – середина XIX вв.) : дис. ... канд. пед. наук. Свердловск, 1986. 180 с.

84. Мудролюбова С. В. Роль русской православной церкви в развитии образования в российской провинции (на примере Вятской губернии) : дис. … канд. пед. наук. Киров, 2006. 188 с.

85. Н. А. Тяжелые минуты в жизни Вятского Епархиального училища // Вятские епархиальные ведомости. 1897. № 5. С. 198–211.

86. Нижегородская городская управа. Отчет о положении народного образования в Нижнем Новгороде за 1908–1910 гг. Н. Новгород, 1912. 76 с.

87. Нижегородский листок. 1899. 2 февр. С. 2.

88. Низов В. В. Книги и читатели средневековой Вятки // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров : Вятка, 1999. Т. 9. Культура. Искусство. С. 189–206.

89. Никитников Г. А. Иерархия Вятской епархии. Вятка : Губ. тип., 1863. 214 с.

90. Новости // Вятская газета. 1900. № 26. С. 12.

91. Описание документов и дел, хранящихся в архиве светлейшего правительствующего Синода. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1879. Стб. 518.

92. Описание рукописного отдела Библиотеки АН РФ. Стихотворения, рукописи, поэмы и драматические сочинения. XVII – первая треть XIX вв. // Библиотека АН РФ. Вятское собрание, № 150 / сост. И. Ф. Мартынов. Л. : Наука, 1980. Т. 4. С. 140–144.

93. Осокин И. М. Значение Преподобного Трифона в истории Вятского края // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров : Вятка, 1995. Т. 4. С. 91–98.

94. Отечественные записки Б/а, б/н. 1878, № 2. С. 226–227.

95. Отчёт директора народных училищ за 1861 г. Вятка, 1861. 46 с.

96. Отчёт по ревизии земских учреждений Вятской губернии. Вятка, 1902. 230 с.

97. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / отв. ред. Э. Д. Днепров. М. : Педагогика, 1985. 480 с.

98. Патрушев В. Н. Вятский период биографии Ф. М. Керенского // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) : тезисы докладов и сообщений межрег. научн. конф. / ред. В. В. Низов. Киров : Изд-во КГПИ, 1994. С. 486–489.

99. Патрушев В. Н. Новые документы о гимназических годах К. Э. Циолковского в Вятке // История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии) : тезисы докладов и сообщений к межрегион. науч. конф. / отв. ред. В. В. Низов. Киров : Изд-во КГПИ, 1994. С. 189–192.

100. Пекарский П. История науки и литературы в России при императоре Петре Великом : в 2 т. Т. 1. СПб., 1862. 420 с.

101. Пермский сборник. Книжка первая. М., 1869. 180 с.

102. Петров В. А. Земская начальная школа в Вятской губернии: дис. ... канд. пед. наук. М., 1954. 530 с.

103. Петров В. А. Очерки по истории школы в Вятской губернии (рукопись). Киров, 1974. 168 с.

104. Петров Ф. А. Органы самоуправления в системе самодержавной России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. 470 с.

105. Петряев Е. Д. Вятские книголюбы. Киров : Кировское отделение Волго-Вятского изд-ва, 1986. 320 с.

106. Пикуль В. С. Слово и дело : в 2 т. М. : Худож. лит., 1991. Т. 1. 360 с.; Т. 2. 410 с.

107. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. 288 с.

108. Поздеев В. А. Лаврентий Горка // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. Киров : Вятка, 1995. Т. 2. Литература. С. 30.

109. Помелов В. Б. А. И. Анастасиев и его вклад в отечественную педагогику // Педагогика. 2002. № 1. С. 85–89.

110. Помелов В. Б. Аксиологические национальные приоритеты в сфере регионального образования // Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX – 90-е гг. XX в.) : монография / под ред. З. И. Равкина. М. : Изд-во ИТОиП РАО, 1997. С. 193–202.

111. Помелов В. Б. А. М. фон-Вилькен – первый директор Вятского учительского института // Вятская Земля в прошлом и настоящем (К 100-летию вятского государственного гуманитарного университета) : сб. материалов 7-й всерос. научно-практ. конф. с межд. участием : в 2 т. / ред. колл.: В. Т. Юнгблюд [и др.]. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. Т. 1. С. 11–21.

112. «Апостол просвещения средневолжских народов». К 195-летию со дня рождения Н. И. Ильминского // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 3. С. 70–76.

113. Помелов В. Б. Благотворительность на Вятке в дооктябрьский период // Девятые Петряевские чтения: материалы науч. конф. 23–24.05.2008 г. / ред. колл.: Н. П. Гурьянова (отв. ред.) [и др.]. Киров : Вятка, 2008. С. 143–147.

114. Помелов В. Б. Благотворительные организации на Вятке в дооктябрьский период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 29. С. 46–50.

115. Помелов В. Б. Видный вятский педагог-историк М. Г. Худяков // Вопросы педагогики. 2017. № 12. С. 55–59.

116. Помелов В. Б. Видный педагогический деятель Ф. М. Керенский и его сын А. Ф. Керенский // Историко-педагогический журнал. 2017. № 3. С. 91–108.

117. Помелов В. Б. Видный деятель педагогической науки В. И. Фармаковский (к 170-летию со дня рождения) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Педагогика и психология». 2012. № 2(3). С. 112–115.

118. Помелов В. Б. Видный просветитель Н. Н. Блинов как ученый-методист // Педагогическое образование в Удмуртской Республике: история, проблемы, перспективы: материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию образования в Удмуртии / ред. колл. : А. С. Казаринов (отв. ред.) [и др.]. Глазов: Изд-во ГГПИ, 1996. С. 184–198.

119. Помелов В. Б. Видный региональный деятель образования В. А. Трейтер // Петряевские чтения-1998 / под ред. Н. Е. Петряевой и А. Л. Рашковского. Киров : Вятка, 1998. С. 70–73.

120. Помелов В. Б. В. И. Фармаковский и его вклад в педагогическую науку // Петряевские чтения-2003: материалы науч. конф. / ред. колл. : Н. П. Гурьянова, В. Н. Колупаева, А. Л. Рашковский. Киров, 2003. С. 112–115.

121. Помелов В. Б. Вклад П. В. Алабина в развитие дела просвещения и культуры в Вятской губернии // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2016. № 2(30). С. 89–101.

122. Помелов В. Б. Вклад Ф. Ф. Павленкова в развитие просвещения в Вятской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 6. С. 124–132.

123. Помелов В. Б. Военно-патриотическое воспитание в I-й Вятской мужской гимназии // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. С. 68–73.

124. Помелов В. Б. В. Ф. Сахаров – ученый, педагог и гражданин // Твоё призвание: материалы 1-го межрегион. конкурса науч.-практ. работ, посвящ. памяти д. п. н., проф. В. Ф. Сахарова. 24.05.2013 г. / отв. ред. В. А. Сахаров и Л. Г. Сахарова. Киров, 2013. С. 9–12.

125. Помелов В. Б. Выдающийся вятский педагог-просветитель Н. Н. Блинов // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 3. Т. 4. С. 72–80.

126. Помелов В. Б. Выдающийся просветитель Вятской Земли епископ Лаврентий Горка // Педагогика. Общество. Право. 2014. № 4. С. 67–81.

127. Помелов В. Б. Выдающийся просветитель нерусских народов Среднего Поволжья С. А. Нурминский // Вопросы педагогики. 2018. № 9. С. 92–95.

128. Помелов В. Б. Выдающийся просветитель Вятской земли епископ Лаврентий Горка // Историко-педагогический журнал. 2017. № 1. С. 79–94.

129. Помелов В. Б. Выдающийся учёный-ориенталист и педагог В. В. Радлов и его просветительско-педагогическая деятельность в Вятской губернии (к 175-летию со дня рождения) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Педагогика и психология». 2012. № 1 (3). С. 136–142.

130. Помелов В. Б. Вятская губернская земская мастерская учебно-наглядных пособий // Педагогика. Общество. Право. 2016. № 4. С. 98–105.

131. Помелов В. Б. Вятская губернская земская мастерская учебно-наглядных пособий // Вопросы педагогики. 2018. № 1. С. 64–69.

132. Помелов В. Б. Вятская земская учительская семинария // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии : материалы науч.-практ. конф. / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : Вятка, 2007. С. 106–112.

133. Помелов В. Б. Вятская просветительница и меценат Г. Ф. Стахеева // Благотворительность и культура в Вятке : сб. материалов науч.-практ. конф. (Киров, 4.05.2016 г.) / отв. ред. Н. П. Гурьянова. Киров : ИД «Герценка», 2016. С. 32–39.

134. Помелов В. Б. Вятские деятели просвещения второй половины XIX – начала XX века: их предложения и нововведения (В. А. Садовень, А. А. Красев, Н. В. Алашеев) // Земские учреждения: организация, деятельность, персоналии (К 150-летию вятского земства) : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Киров. 16.10.2017 г. / сост., науч. ред. М. С. Судовиков. Киров, 2017. С. 105–116.

135. Помелов В. Б. Вятский педагог-методист Н. Н. Блинов. К 175-летию со дня рождения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 10. С. 172–184.

136. Помелов В. Б. Вятский просветитель Лаврентий Горка // Педагогика. 2009. № 2. С. 75–83.

137. Помелов В. Б. Вятский священник-просветитель Н. Н. Блинов // Педагогика. 2001. № 5. С. 76–80.

138. Помелов В. Б. Вятский уроженец М. Л. Песковский: педагог и литератор // Молодёжь. Наука. Современность : IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (10.04.2017) : сб. статей / филиал ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» в г. Воткинске; науч. ред. Н. Н. Сергеев. Ижевск : Изд. центр УдГУ, 2017. С. 171–177.

139. Помелов В. Б. Вятский учитель Н. Н. Блинов (к 175-летию со дня рождения) // Вятская земля в пространстве исторической памяти (к 110-летию открытия Вятской ученой архивной комиссии) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Киров, 11.11.2014 г. / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : ИД «Герценка», 2014. С. 173–178.

140. Помелов В. Б. Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и подготовки учителей» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Педагогика и психология». 2012. № 3 (3). С. 128–135.

141. Помелов В. Б. Вятское губернское земское училище «для распространения сельскохозяйственных и технических знаний и приготовления народных учителей» // Историко-педагогический журнал. 2017. № 2. С. 129–146.

142. Помелов В. Б. Вятское земство и развитие просвещения: к 150-летию земского движения в России // Педагогика. Общество. Право. 2014. № 1. С. 57–69.

143. Помелов В. Б. Главные и малые народные училища Вятской губернии (к 225-летию создания системы светского образования в России) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Педагогика и психология». 2011. № 2(3). С. 73–81.

144. Помелов В. Б. Деятельность А. И. Герцена по развитию культуры и просвещения в Вятской губернии // VIII Герценовские чтения: материалы регион. науч. конф. / под ред. В. А. Коршункова. Киров : Вятка, 2002. С. 25–33.

145. Помелов В. Б. Деятельность А. И. Герцена по развитию просвещения и культуры в Вятской губернии: к 200-летию со дня рождения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 1(1). С. 139–145.

146. Помелов В. Б. Деятельность благотворительных обществ г. Вятки в области просвещения и общественного призрения в конце XIX – начале XX вв. // Прозоровский альманах : вып. 3: сб. научно-исследовательских материалов / ред. колл. : Н. А. Вершинина [и др.]. Киров : Изд-во МФЮА, 2011. С. 78–83.

147. Помелов В. Б. Деятельность вятской земской губернской мастерской наглядных пособий // Царизм и российское общество в начале двадцатого века : в 2 т. / под ред. Г. Г. Касарова. Т. I. М. : Изд-во МГАУ, 1998. С. 47–49.

148. Помелов В. Б. Деятельность передового вятского учителя Н. И. Мышкина как аксиологическая ценность регионального масштаба // Подготовка спе-

циалистов в системе непрерывного профессионального образования в условиях новыхФГОС: проблемы и перспективы / материалы 3-й междунар. заоч. науч.-практ. конф. 29–30.03.2012 г. / под ред. Г. И. Симоновой. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2012. С. 138–141.

149. Помелов В. Б. Дмитрий Иванович Тихомиров – «Третьяков» российской педагогики // Начальная школа. 2014. № 11. С. 67–74.

150.Помелов В. Б. Духовно-нравственное содержание просветительской деятельности преподобного Стефана Пермского // Внедрение православного компонента в учебно-воспитательный процесс: сб. науч. и метод. ст. по проблемам првославия, духовно-нравственного и патриотического воспитания и образования / ред. колл. : Е. П. Титков [и др.]. Арзамас : Изд-во АГПИ, 2008. С. 44–53.

151. Помелов В. Б. Земский деятель и литератор А. П. Батуев и его влияние на формирование духовного мира вятчан во второй половине XIX в. // Проблемы формирования духовности личности в педагогической теории и практике (конец XIX – 90-е гг. XX вв.): материалы рос. науч. конф. / под ред. З. И. Равкина. М. : Изд-во ИТОиП РАО, 2000. С. 72–80.

152. Помелов В. Б. Из истории Вятской губернской земской мастерской учебно-наглядных пособий (К 120-летию со времени основания) / ОБЩЕСТВО. НАУКА. ИННОВАЦИИ (НПК-2017) [Электронный ресурс] : сб. ст. Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 1–29 апреля 2017 г. – Киров : Изд-во ВятГУ, 2017. С. 2847–2857.

153. Помелов В. Б. Из истории Вятской мужской гимназии // Памятная книжка Кировской области и Календарь на 2011 г. : информ.-стат. сб. / редкол.: Н. И. Зорин (пред.) и [др.]. Киров, 2011. С. 319–326.

154. Помелов В. Б. Из истории развития профессионального педагогического образования в Вятской губернии (Кировской области) // Актуальные проблемы модернизации дошкольного образования в условиях гуманизации российского образования : материалы рос. науч.-практ. конф. 13–15.10.2003 г. / сост. Н. С. Александрова. Киров, 2003. С. 4–7.

155. Помелов В. Б. Из истории развития системы повышения квалификации учителей на вятской земле // Образование в Кировской области : научно-методический журнал. Киров : ИРО КО, 2013. № 3. С. 8–11.

156. Помелов В. Б. Изучение истории учебных заведений как компонент подготовки будущих учителей // Интегративные процессы в подготовке специалиста на основе государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования : материалы рос. науч. конф. / под ред. А. Н. Козлова. Рязань : Изд-во РГПУ, 1997. С. 191–193.

157. Помелов В. Б. Институт и передовые педагоги-практики и ученые // 75 лет на службе Вятскому учительству / ИРО Кировской области; под общ. ред. В. Б. Помелова. Киров : Изд-во ИРО КО, 2013. С. 30–34.

158. Помелов В. Б. Использование регионального аспекта в преподавании курса «История образования» как педагогическая инновация // Инновационные подходы в учебно-воспитательном процессе вуза и школы. Рязань : Изд-во РГПУ,1996. С. 53–56.

159. Помелов В. Б. Исследование региональных особенностей народного образования и общественно-политической мысли на основе интегративного подхода // Интегративные процессы в подготовке специалиста на основе государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования : материалы рос. науч. конф. / под ред. А. Н. Козлова. Рязань : Изд-во РГПУ, 1997. С. 21–24.

160. Помелов В. Б. История вятского образования: XIV–XXI вв. : монография. Серия «Поиски утраченного» : в 3 т. Т. 2 [Электронный ресурс]. Киров : Изд-во ООО «РАДУГА-Пресс», 2013. 1184 с.

161. Помелов В. Б. История образования в Вятском крае в XIV–XVIII вв.: учебное пособие для вузов. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. 132 с.

162. Помелов В. Б. И. Т. Огородников – уроженец вятского края // Вестник Вятского государственного педагогического университета. 2000. № 3–4. С. 196–198.

163. Помелов В. Б. Керенские – отец и сын // Педагогика. Общество. Право. 2015. № 3. С. 70–82.

164. Помелов В. Б. Керенский Ф. М. как педагог и отец // Крестьянская реформа Александра II: региональное измерение (к 150-летию отмены крепостного права в России) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.; редкол.: Ю. А. Балыбердин [и др.]. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 225–231.

165. Помелов В. Б. Крупный специалист в области организации библиотечного дела Ф. И. Каратыгин / ОБЩЕСТВО. НАУКА. ИННОВАЦИИ (НПК-2018) [Электронный ресурс] : сб. ст. XVIII Всерос. ежегод. науч.-практ. конф. 2–28 апреля 2018 г. Киров : Изд-во ВятГУ, 2018. С. 682–688.

166. Помелов В. Б. Кукарское (Советское) учительское училище – первая кузница педагогических кадров в Вятском крае. К 110-летию со времени основания учебного заведения // Вестник Вятского государственного гуманитарного учниверситета. 2014. № 1. С. 67–73.

167. Помелов В. Б. Метод культурно-исторической генетики в историко-педагогических исследованиях // Краеведение в духовно-нравственном развитии личности : материалы рег. науч.-практ. конф. / под ред. Е. М. Аджиевой. Рязань : Изд-во РГПУ, 1999. С. 80–88.

168. Помелов В. Б. Методологические подходы в историко-педагогических исследованиях // Методология педагогической науки : учеб. пособие для вузов / под ред. О. В. Лебедевой. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 52–68.

169. Помелов В. Б. Методологические подходы в историко-педагогических исследованиях // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 1. С. 6–13.

170. Помелов В. Б. Методы современной историко-педагогической регионолистики // Вестник гуманитарного образования. 2015. № 2. С. 22–29.

171. Помелов В. Б. Меценатство в России: семья Стахеевых // Педагогика. 2001. № 7. С. 80–83.

172. Помелов В. Б. Миссионерско-просветительская деятельность преподобного Трифона на Вятской земле // Педагогика. Общество. Право. 2015. № 1. С. 85–91.

173. Помелов В. Б. Миссионерско-просветительская деятельность Трифона Вятского // Самобытная Вятка: история и современность : сб. науч. тр. Вып. 4(8) / отв. ред. А. Г. Поляков, Л. Г. Сахарова. Киров, 2011. С. 138–143.

174. Помелов В. Б. М. Л. Песковский – самоотверженный педагог и талантливый журналист // Вопросы педагогики. 2018. № 2. С. 68–74.

175. Помелов В. Б. М. Л. Песковский: штрихи к портрету // Одиннадцатые Герценовские Чтения : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 11–12 апр. 2017 г.) / Киров. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена: редкол.: Н. П. Гурьянова [и др.]; науч. ред. М. С. Судовиков. Киров. 2017. С. 156–166.

176. Помелов В. Б. М. П. Коробейников: воин, учёный, писатель // Международный научный журнал «Символ науки». 1017. № 2. Ч. 1. С. 195–200.

177. Помелов В. Б. Насилие и гуманизм в деятельности первого вятского просветителя Лаврентия Горки // Традиции и новации в педагогике ненасилия : материалы рос. науч. конф. / отв. ред. В. С. Данюшенков, В. А. Ситаров. Киров : Изд-во ВГПУ, 1996. С. 80–81.

178. Помелов В. Б. Начальные шаги в деле подготовки учителей в Вятской губернии // Вхождение ребенка предшкольного возраста в систему российского образования: позиции ребенка, родителя и педагога : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / науч. ред. Л. Н. Вахрушева и С. В. Савинова. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007. С. 416–423.

179. Помелов В. Б. Научно-методическая и просветительская деятельность Н. Н. Блинова в Вятской губернии // Медицинское образование сегодня. 2018. № 3. С. 48–66.

180. Помелов В. Б. Некоторые особенности современных историко-педагогических исследований // Генезис педагогических идей во втором тысячелетии нашей эры : материалы междунар. конф. / гл. ред. В. Б. Помелов. Киров : Изд-во ВГПУ, 2000. С. 8–10.

181. Помелов В. Б. Н. И. Ильминский: «Апостол просвещения» средневолжских народов // Педагогика. 2018. № 2. С. 102–108.

182. Помелов В. Б. Н. Н. Блинов – видный вятский ученый-методист // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2017. № 2. С. 65–68.

183. Помелов В. Б. Н. Н. Блинов и его творческие отношения с Ф. Ф. Павленковым К 175-летию со дня рождения российских просветителей) // Павленковские библиотеки – культурное наследие российской провинции : материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 175-летию со дня рожд. Ф. Ф. Павленкова / отв. ред. С. Н. Будашкина. Киров : ИД «Герценка», 2014. С. 11–16.

184. Помелов В. Б. О некоторых аспектах локальных историко-педагогических исследований // Краеведение в духовно-нравственном развитии личности : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Е. М. Аджиевой. Рязань : Изд-во РГПУ, 1999. С. 88–92.

185. Помелов В. Б. Организация учительских курсов и съездов в Вятской губернии во второй половине XIX в. // Двенадцатые Петряевские чтения : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 25.2.2015 г.) / ред. колл.: С. Н. будашкина (сост.) [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2016. С. 215–222.

186. Помелов В. Б. Организация учительских курсов и съездов в Вятской и в соседних с ней губерниях (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Научный вестник Кировского филиала Московского гуманитарно-экономического института : научно-методический журнал. 1998. № 1. С. 15–22.

187. Помелов В. Б. Основные этапы генезиса регионолистики как научного направления в отечественной педагогике // Гуманистические тенденции в организации воспитательного процесса : в 2 ч. : материалы рос. науч. конф. / под ред. Л. П. Лаптевой. М. : Изд-во МПГУ, 1999. Т. 2. С. 127–142.

188. Помелов В. Б. Открытие Вятского учительского института // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 5. С. 123–130.

189. Помелов В. Б. П. В. Алабин и его вклад в дело развития просвещения в Вятской губернии // Краеведческий музей: истоки, коллекции, люди (к 150-летию Кировского областного краеведческого музея) : сб. ст. и материалов : в 2 т. / ред.-сост. М. С. Судовиков, П. Н. Шарабаров. Т. 2. Киров : Изд-во «О-Краткое», 2016. С. 3–11.

190. Помелов В. Б. Педагоги и психологи Вятского края. Киров : Изд-во «Информцентр», 1993. 84 с.

191. Помелов В. Б. Педагог и литератор М. Л. Песковский // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 3. Ч. 3. С. 55–62.

192. Помелов В. Б. Педагогическая деятельность священника и учителя Н. Н. Блинова // Начальная школа. 2010. № 10. С. 13–20.

193. Помелов В. Б. Педагогические идеи передового вятского учителя Н. И. Мышкина / Педагогическое искусство: научно практический журнал. 2017. № 1. С. 177–180.

194. Помелов В. Б. Первая Вятская мужская гимназия: к 200-летию со времени открытия // Герценка: Вятские записки : научно-популярный альманах. Вып. 20 / ред. колл.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2011. С. 82–104.

195. Помелов В. Б. Первая мужская гимназия в Вятской губернии (к 200-летию гимназического образования в России) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011, № 1(1). С. 155–163.

196. Помелов В. Б. Первый вятский автор учебников И. Ф. Яковкин // Петряевские чтения-1998 / под ред. Н. Е. Петряевой и А. Л. Рашковского. Киров : Вятка, 1998. С. 66–67.

197. Помелов В. Б. Передовой вятский учитель Н. И. Мышкин // Проблемы вузовской и школьной педагогики: Третьи Есиповские чтения / под ред. А. А. Мирошниченко. Глазов : Изд-во ГГПИ, 1998. С. 22–23.

198. Помелов В. Б. Подвижники российского просвещения как нравственный образец // Педагогика. 1998. № 2. С. 75–78.

199. Помелов В. Б. Потомки Гёте на Русском Севере // Немцы и Русский Север: материалы рос. науч. конф. / сост. М. А. Ефимова. Вып. 5. М., 2000. С. 99–107.

200. Помелов В. Б. Преподобный Трифон как просветитель жителей Вятской земли // Материалы 7-й Всерос. правосл. конф. в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (г. Киров, 24.05.2015 г.) : коллективная монография / под ред. В. С. Сизова, Н. С. Александровой. Киров : Изд-во ВСЭИ, 2015. С. 21–26.

201. Помелов В. Б. Приоритетность финансирования сферы просвещения как одна из особенностей деятельности земств Волго-Вятского региона // Зем-

ское самоуправление: организация, деятельность, опыт : материалы науч. конф., посвящ. 135-летию организации вятского земства / науч. ред. В. В. Куликов. Киров, 2002. С.71–78.

202. Помелов В. Б. Проблема поиска ценностных приоритетов в современной педагогической науке // Теория и вариативные технологии гуманистического обучения и воспитания : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Л. К. Гребенкиной. Рязань : Изд-во РГПУ, 1998. С. 18–22.

203. Помелов В. Б. Прогрессивная деятельность Вятского земства по развитию просвещения. К 150-летию земского движения в России // Вопросы педагогики. 2017. № 7. С. 63–70.

204. Помелов В. Б. Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги : монография. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007. 152 с.

205. Помелов В. Б. Просветитель Иван Яковлевич Яковлев // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 158–162.

206. Помелов В. Б. Просветитель и методист начальной школы Ф. Ф. Павленков. К 175-летию издателя, просветителя и педагога-методиста // Начальная школа. 2014. № 10. С. 4–11.

207. Помелов В. Б., Сахарова Л. Г., Сахаров В. А. Просветительская деятельность епископа Лаврентия (Горки) на Вятской земле // ELPIS. Czasopislo teologiczne katedry teologii prawoslawnej uniwersitetu w Bialymstoku. 2017. № 19 (44). С. 127–131.

208. Помелов В. Б. Просветительская деятельность преподобного Стефана Пермского // Педагогика. Общество. Право. 2014. № 3. С. 80–92.

209. Помелов В. Б. Просветительская деятельность прогрессивных представителей русской православной церкви // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Педагогика и психология». 2010. № 1(3). С. 26–30.

210. Помелов В. Б. Просветительская деятельность Русской православной церкви // Религии народов Вятского края : учеб. пособие для вузов / под ред. А. Г. Полякова. Киров, 2009. С. 36–61.

211. Помелов В. Б. Просветительская деятельность священников-подвижников Волго-Камского региона Стефана Пермского и Трифона Вятского // Историко-педагогический журнал. 2016. № 2. С. 133–149.

212. Помелов В. Б. Просветительская роль представителей русской православной церкви // Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы 1-й межрегион. конф. / ред. В. С. Сизов. Киров : Изд-во ВСЭИ, 2009. С. 52–57.

213. Помелов В. Б. Просветительство как педагогический феномен // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 2. С. 26–31.

214. Помелов В. Б. Просветительство русской православной церкви в российской провинции (На примере Вятского края) : монография. Саарбрюккен (Германия) : Изд-во «Sanktum», 2013. 352 с.

215. Помелов В. Б. Просвещенческая деятельность А. И. Герцена в Вятской губернии // Педагогика. 2012. № 3. С. 98–104.

216. Помелов В. Б. Работа вятского земства по обеспечению совершенствования учебной работы в школах // Местное самоуправление в России: традиции и современность (к 150-летию земской реформы) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. / науч. ред. М. С. Судовиков. Киров : ИД «Герценка», 2014. С. 28–36.

217. Помелов В. Б. Революционные преобразования в области просвещения в Вятской губернии в первые годы Советской власти // Историко-педагогический журнал. 2017. № 4. С. 84–107 .

218. Помелов В. Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции со второй половины XIX в. – Октябрь 1917 г. : монография. Киров : Изд-во ВГПУ, 1998. 292 с.

219. Помелов В. Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции со второй половины XIX в. по Октябрь 1917 г. (на материалах Вятской губернии и сравнительном анализе проблемы в соседних с ней регионах) : дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998. 533 с.

220. Помелов В. Б. Российская педагогика в лицах : монография. Саарбрюккен (Германия) : Изд-во «LAP Lambert Academic Publishing», 2013. 612 с.

221. Помелов В. Б. Российские педагоги: XIX–XX вв. // Серия «Поиски утраченного» : в 3 т. Т. 1 [Электронный ресурс]. Киров : Изд-во ООО «РАДУГА-Пресс», 2012. 406 с.

222. Помелов В. Б. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий и судьбы их наследия в современном мире // Материалы 8-й Всерос. правосл. конф. в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия : колл. монография / под ред. В. С. Сизова, Н. С. Александровой. Киров : Изд-во ВСЭИ, 2016. С. 5–14.

223. Помелов В. Б. Советский индустриально-педагогический колледж – старейшая кузница педагогических кадров в Кировской области // Социализация сельских школьников в условиях реформирования системы образования: современные тенденции и опыт : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 17–18.11.2011 г. / под ред. Г. И. Симоновой. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 66–73.

224. Помелов В. Б. Современные тенденции отечественных историко-педагогических исследований // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. Л. А. Волковой. Глазов : Изд-во ГГПИ, 2001. С. 32–35.

225. Помелов В. Б. Содержание и методы работы в Вятском главном народном училище // Начальная школа. 2011. № 7. С. 11–17.

226. Помелов В. Б. Содержание и методы работы в Вятском главном народном училище // Молодежь Кировской области : материалы 3-й межрегион. (с межд. участием) науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Поляков и Л. Г. Сахарова. Киров, 2012. С. 231–235.

227. Помелов В. Б. 100 великих педагогов: монография. М. : Изд-во «Вече», 2018. 416 с.

228. Помелов В. Б. Так где родилась «Ёлочка» // Начальная школа. 2018. № 12. С. 3–8.

229. Помелов В. Б. Традиция благотворительности в сфере образования в Вятской губернии (на примере деятельности Г. Ф. Стахеевой) // Вестник Вят-

ского государственного гуманитарного университета. Серия «Педагогика и психология». 2012. № 4(3). С. 91–96.

230. Помелов В. Б. Триумф вятских педагогов на Всемирной выставке в Париже // Вятская земля в прошлом и настоящем : материалы республиканской IV науч.-практ. конф. / гл. ред. В. С. Данюшенков. Киров : Изд-во ВятГГУ, 1999. С. 229–231.

231. Помелов В. Б. Уржумское педучилище: «Но с благодарностию, – были!» // Краеведение в развитии провинциальной культуры России : материалы 2-й межрегион. науч. конф. (Киров, 11.11.2009 г.) / ред. колл.: М. С. Судовиков (науч. ред.) [и др.]. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2009. С. 138–144.

232. Помелов В. Б. Ученый-педагог Н. С. Сунцов // Вятская Земля в прошлом и настоящем: материалы 5-й регион. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. А. Бердинских. – Киров : Изд-во ВГПУ, 2001. С. 40-42.

233. Помелов В. Б. Учительские курсы в Вятке при участии Д. И. Тихомирова // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера : в 2 т. Т. 2. М. : Изд-во ВГПУ, 1996. С. 290–296.

234. Помелов В. Б. Учительские курсы и съезды в российской провинции // Вопросы педагогики. 2018. № 4. С. 53–59.

235. Помелов В. Б. Учительские курсы и съезды в российской провинции (вторая половина XIX в.) // Педагогика. 2009. № 10. С. 63–69.

236. Помелов В. Б. Фармаковские – Синцовы – Бараковы // Герценка: Вятские записки : научно-популярный альманах. Вып. 24. / ред. колл.: Н. П. Гурьянова (сост.) [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2013. С. 36–49.

237. Помелов В. Б. Феномен Нижнеивкинской школы: вчера и сегодня // Педагогическое искусство. 2017. № 2. С. 125–131.

238. Помелов В. Б. Феофан Прокопович как просветитель и человек // Роль библиотеки в формировании информационной и культурной среды региона : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Киров, 18–19.12.2012 г. / ред. колл.: С. Н. Будашкина (сост.) [и др.]. Киров : ИД «Герценка», 2012. С. 271–280.

239. Помелов В. Б. Ф. И. Каратыгин: видный деятель библиотечного дела // Вятская книга в год литературы 2015 : сб. ст. и материалов / сост. Н. В. Стрельникова. Киров : ИД «Герценка», 2016. С. 93–97.

240. Помелов В. Б. Ф. Ф. Павленков и развитие просвещения на Вятской земле // Вестник Марийского государственного университета. 2018. № 2. Т. 4. С. 44–51.

241. Помелов В. Б. Ценностные приоритеты в сфере регионального образования (на примере Вятской губернии) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2013. № 2(3). С. 112–122.

242. Помелов В. Б. Ценностные приоритеты истории развития регионального образования как ориентиры его дальнейшего обогащения и совершенствования // Аксиологические приоритеты в сфере образования и воспитания (история и современность) : материалы рос. науч. конф. / под ред. З. И. Равкина. М. : изд-во ИТОиП РАО, 1997. С. 225–230.

243. Помелова Е. В. Просветительство и его роль в развитии образования в Вятской губернии со второй половины XIX века по Октябрь 1917 г. : дис. … канд. пед. наук. Киров, 2005. 227 с.

244. Постановления губернского земского собрания. Вятка, 1870. 230 с.
245. Практические занятия народных учителей. Н. Новгород, 1913. 67 с.
246. Преснецов Р. М. «Который первый здесь науки насадил» // Вятка : краеведческий сб. Киров : Киров. отд. Волго-Вятск. изд-ва, 1975. С. 107–112.
247. Протокол четырех заседаний комиссии о народном образовании. С приложением записки М. М. Синцова. Вятка, 1869. 91 с.
248. Протоколы губернского земского собрания. Вятка, 1868. 760 с.
249. Протоколы губернской земской управы. Вятка, 1868. 320 с.
250. Постановления губернского земского собрания. Вятка, 1868. 212 с.
251. Пчеловодческая школа // Вятские губернские ведомости. 1889. № 18. С. 2.
252. Радуга над Вяткой / сост. Г. Бузмаков. М., 1986. 487 с.
253. Расходная книга семинарии денег на 1736 г. // Вятские епархиальные ведомости. 1884. № 8. С. 166.
254. Решетников М. М. Лидер мужицкого земства // Блокнот агитатора. 1969. № 3. С. 30–33.
255. Решетников М. М. Спутники и встречные : воспоминания и очерки. Киров : Киров. отд. Волго-Вят. изд-ва, 1987. 144 с.
256. Румянцев В. Николай Федорович Бунаков // Начальное обучение (Казань). 1905. № 10. С. 8–12.
257. Савваитов П. И. О зырянских деревянных календарях и пермской азбуке. М., 1873. 76 с.
258. Савельев А. А. Очерк развития народного образования в Нижегородском уезде в связи с характеристикой его положения в России перед введением земских учреждений. Н. Новгород, 1900. 114 с.
259. Самин Д. К. Самые знаменитые эмигранты России. М. : Изд-во «Вече», 2000. 512 с.
260. Свод земских приходов и расходов за 1867–1915. Вятка, 1916. 76 с.
261. Семченков В. С. Краткий исторический очерк народного образования в Соликамском уезде. Пермь, 1899. 56 с.
262. Синцов М. М. Доклад Вятской губернской земской управы губернскому земскому собранию о народном образовании // Вятские губернские ведомости. 1868. № 3. С. 5–6.
263. Синцов М. М. Обзор деятельности Вятского губернского земства на первое трехлетие. 1867–1870. Вятка, 1870. 120 с.
264. Соловьёва М. Ф. Земская начальная школа // Вятскому земству – 130 лет / под ред. В. Е. Мусихина. Киров, 1997. С. 43–46.
265. Спицын А. А. История Вятского главного народного училища (1786–1891) // Календарь Вятской губернии на 1891 г. Вятка, 1890. С. 1–79.
266. Спицын А. А. Директора, инспектора и преподаватели Вятской гимназии // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1905 г. Вятка, 1904. 80 с.
267. Стефанова И. И. Полвека земской деятельности по народному образованию. Киров, 1973. 126 с.
268. Столетие Вятской губернии. 1780–1880 // Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. Т. 1; 1881. Т. 2.

269. Судовиков М. С. Машковцевы Купцы и общественные деятели // Купечество вятское : ист. сб. / ред.-сост. М. С. Судовиков, Т. К. Николаева. Киров, 1999. С. 15–34.

270. Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги. М., 1962. 279 с.

271. Танаевская В. В. Деятельность Вятских земств по народному образованию // Краткий обзор деятельности Вятского губернского земства за 35 лет (1867–1902). Вып. 1. Вятка, 1906. С. 87–115.

272. Танаевский С. Историческая записка об открытии Елабужского епархиального женского училища. Вятка, 1905. 18 с.

273. Телеграмма г. Товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода, сенатора В. К. Саблера от 18.08.1898 г. на имя Преосвященного Алексия, Епископа Вятского и Слободского и Указ Его Императорского Величества от 21.08.1898 г. за № 4600 об открытии в г. Елабуге 2-го епархиального Вятской епархии женского училища // Вятские епархиальные ведомости. 1898. № 17. С. 417–420.

274. Телеграмма из г. Елабуги от Преосвященного Алексия, Епископа Вятского и Слободского // Вятские епархиальные ведомости. 1898. № 13. С. 268.

275. Тинский А. Г. Вятская мозаика. Киров, 1994. 160 с.

276. Ткацкие курсы в Вятке // Вятские губернские ведомости. 1892. № 84. С. 3.

277. Трефилова А. Т. Очерки по истории дореволюционной марийской начальной школы. М. : Учпедгиз, 1951. 91 с.

278. Указ его Имп. Величества, Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Алексию, Епископу Вятскому и Слободскому от 30.12.1897 г. за № 7207 по поводу заявления г-жи Стахеевой о желании ее пожертвовать 200000р. на устройство Духовной семинарии в г. Елабуге // Вятские епархиальные ведомости. 1898. № 2. С. 35–36.

279. Указ Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода от 9.06.1898 г. за № 2845 по делу об открытии 2-го епархиального женского училища // Вятские епархиальные ведомости. 1898. № 13. С. 266–267.

280. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М., 1912. 270 с.

281. Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. М., 1924. 320 с.

282. Чешихин-Ветринский В. Е. 50 лет жизни Нижегородских земств. Очерк развития земского хозяйства. Н. Новгород, 1914. 228 с.

283. Фармаковский В. И. Отдел начального обучения и воспитания на Парижской выставке 1900 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. № 10. С. 97–127.

284. Федотов Г. П. Святитель Стефан Пермский // Святые Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и А. В. Меня. М., 1990. Гл. 7. Т. 2. С. 280–293.

285. Финицкий М. Е. Два прошения преосвященному Варлааму Скамницкому. 1743 и 1745 гг. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. IV. Вятка, 1905. С. 95–97.

286. Шиляева Р. С. Стипендиаты Вятского земства // Вятскому земству – 130 лет / под ред. В. Е. Мусихина. Киров : Изд-во ВГПУ, 1997. С. 60–63.

287. Шумилов Е. Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. Ижевск, 2001. 376 с.

288. Эммаусский А. В. Культура Вятского края XVII века // Энциклопедия Земли Вятской : в 10 т. / под ред. В. А. Ситникова. Киров, 1995. Т. 4. С. 67–75.

289. Эммаусский А. В. Исторический очерк Вятского края XIV–XVIII вв. Киров, 1956. 242 с.

290. Юрьев В. П. Народное образование в Вятской губернии в царствование императрицы Екатерины II // Вятская старина. Вятка, 1887. 123 с.

291. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 205. Оп. 1. Д. 1.

292. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 2.

293. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 3.

294. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 6.

295. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 12.

296. ГАКО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 14.

297. ГАКО. Ф.211. Оп.1. Д. 261.

298. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 267.

299. ГАКО]. Ф. 211. Оп. 1. Д. 308.

300. ГАКО, Ф.211. Оп. 1. Д. 313.

301. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 314.

302. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 318.

303. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 318.

304. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 677.

305. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. д. 678.

306. ГАКО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 193.

307. ГАКО. Ф. 213. Оп. 1. Д. 205.

308. ГАКО. Ф. 237. Оп. 75. Д. 509.

309. ГАКО. Ф. 582. Оп. 46. Д. 10.

310. ГАКО. Ф. 582. Оп. 63. Д. 11.

311. ГАКО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 816.

312 191. ГАКО. Ф. Р-887, Оп.1. Д. 825.

313. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 265.

314. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 268.

315. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 267.

316. ГАКО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 269.

Научное издание

Помелов Владимир Борисович

ПРОСВЕЩЕНИЕ В ВЯТСКОМ КРАЕ
(XIV – НАЧАЛО XX в.)

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*

Подписано в печать 28.06.2019 г.
Выход в свет 10.07.2019 г.
Формат 60×84/16.
Печать цифровая.
Бумага для офисной техники.
Усл. печ. л. 15,8.
Тираж 500 экз.
Заказ № 5869.

Научное издательство Вятского государственного университета
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. 20-89-64

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Помелов Владимир Борисович

В. Б. Помелов родился 8.VII.1953 г. в г. Веймар (ГДР). Работал учителем в Нижнеивкинской и Опаринской школах (1975–1981). В КГПИ (ВятГУ) с 1981 г.: проректор по учебной работе (1987–1996), декан педагогического факультета (1999-2009); с 2009 г. профессор кафедры педагогики.

Доктор педагогических наук (1999), профессор (2000). Отличник народного просвещения РФ (1994), почетный работник высшей школы РФ (2003), кавалер медали К. Д. Ушинского (2007). Член-корреспондент РАЕН, действительный член Международной академии наук педагогического образования. Победитель конкурса научных работ («Ученый года ВятГГУ-2013»). Заслуженный работник Вятского государственного гуманитарного университета (2016). Лауреат общественной премии «Вятский горожанин» (2014). Член комиссии по присвоению звания «Почетный житель г. Кирова» (с 2007). Член редколлегии журналов «Педагогика. Вопросы теории и практики» (Тамбов), «Медицинское образование сегодня» (КГМУ), «Вестник Вятского государственного университета». Участник более 150 научных конференций.

Автор 480 публикаций, в том числе в «Российской педагогической энциклопедии», «Российском энциклопедическом педагогическом словаре», «Энциклопедии Земли Вятской». Публиковался более чем в 50 журналах, в том числе, в «ELPIS» (Польша), «Linguae» (Словакия), «Педагогика», «Воспитание школьников», «Начальная школа», «Народное образование», «Вестник Академии туризма и краеведения», «Профессионально-техническое образование», «Воспитание детей и подростков», «Историко-педагогический журнал», «Вопросы психологии», «Вопросы педагогики», «Панорама», «Вестник гуманитарного образования», «Заметки ученого», «Педагогическое искусство», «Вестник Омского государственного педагогического университета», «Ярославский педагогический вестник» и др.

Автор книг «Педагоги и психологи Вятского края» (Киров, 1993), «Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX – 1917 г.» (Киров, 1998), «Российские педагоги второй половины XIX – начала XX вв.» (Киров, 2000), «Воспитание деловых качеств у школьников» (Москва, 1988), «Просветители Вятского края: российские деятели культуры и местные ученые-педагоги» (Киров, 2007), «История образования в Вятском крае в XIV – XVIII вв.» (Киров, 2011), «Российские педагоги: XIX – XX вв.» (Киров, 2012), «История Вятского образования: XIV–XXI вв.» (Киров, 2013), «Педагогика и психология» (Киров, 2013), «Российская педагогика в лицах» (Германия, 2013), «Просветительство русской православной церкви в российской провинции» (Германия, 2013), «100 великих педагогов» (М., «Вече», 2018), «Когда победы были большими… Очерки о вятских футболистах» (Киров, 2018), «Просвещение нерусских народов Вятского края» (XIX – начало XX вв.) (Киров, 2018) и др.

Соавтор книг «Национальные ценностные приоритеты сферы образования и воспитания (вторая половина XIX – 90-е гг. XX в.) (Москва, 1997), «Воспитание всесторонне развитой личности школьника в процессе трудовой деятельности» (Кишинев, 1989), «Ученическое самоуправление в школе: сегодня и завтра» (Киев, 1989), «Религии народов Вятского края» (Киров, 2009), «Кировский педагогический» (Киров, 1989), «Преподаватели ВятГГУ» (Киров, 2004), «Ректоры ВятГГУ» (Киров, 2004), «ВятГГУ» (Киров, 2004) и др.

ISBN 978-5-98228-182-1
9 785982 281821